

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Сибирский федеральный университет»

На правах рукописи

Самарин Андрей Сергеевич

**ПОНИМАНИЕ КРИЗИСА СУБЪЕКТА
В КОНТЕКСТЕ МОДАЛЬНОЙ МЕТОДОЛОГИИ**

Специальность 5.7.1 – Онтология и теория познания
(философские науки)

Диссертация
на соискание ученой степени кандидата философских наук

Научный руководитель
Доктор философских наук, доцент
Круглова Инна Николаевна

Красноярск 2024

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Модальная методология как основание для экспликации кризисных моделей субъекта.....	16
1.1 Модальная методология в контексте проблемы субъекта.....	17
1.2. Генезис кризисных моделей субъекта через призму модальной методологии.....	42
Выводы главы 1.....	74
Глава 2. Постмарксистская модель субъекта и современное состояние философии субъекта.....	76
2.1. Анализ постмарксизма как кризисной модели субъекта.....	77
2.2. Постмарксистская модель субъекта в контексте современной философии.....	105
Выводы главы 2.....	137
Заключение.....	141
Список литературы.....	145

Введение

Актуальность темы исследования

Динамизм социальных изменений в современном мире означает, в том числе, перманентную трансформацию представлений о содержании и движущих силах деятельности человека и о положении самого человека как субъекта. В современной культуре присутствует двойственность – с одной стороны, медиа-культура современности позиционирует себя как стремящаяся к предоставлению субъекту пространства для свободного выбора целей, средств и содержания его активности. С другой стороны, медиа-культура оказывает давление на субъект, влияя на конструирование представления о движущих силах его деятельности. Человек современности находится в двойственной ситуации, будучи одновременно свободен как субъект – и обусловлен культурой, которая предоставляет ему свободу. Парадокс этой двойственности в том, что человек как субъект соотносится с культурой, которая не может быть объектом: она является средой проявления активности субъекта. Форма парадокса: если человек свободен как субъект, то он не соотносится с культурой; если человек соотносится с культурой, то он обусловлен ею как средой и не может быть свободен как субъект.

В политической, экономической, социальной, духовной сферах темп социальных трансформаций ставит человека, как субъекта деятельности, в положение, в котором он не может найти устойчивости в ответе на один из основных вопросов философии И. Канта – «что я должен делать?», поскольку любой вариант ответа вскоре оказывается деактуализирован изменением социальной реальности. Мы получаем неопределенность при попытке ответов на следующие вопросы: «кто осуществляет деятельность?», «какие силы побуждают осуществлять деятельность?», «как делать в мире нечто продуктивное для человека и общества?» Мы не можем и в этом случае дать однозначных ответов на эти вопросы. Это означает, что любой человек вынужден быть не только субъектом собственной деятельности, но и ее

наблюдателем, фиксирующим меру актуальности собственной деятельности в нашем текучем и непостоянном мире. Двойственное положение, в котором стирается граница между субъектом как наблюдателем и деятелем, актуализирует нужду в продолжении фундаментального исследования философской проблематики субъекта.

В условиях социальной и интеллектуальной неопределенности становится столь же неопределенным онтологический статус субъекта. Амбивалентность возможного ответа на вопрос о возможности действия для субъекта означает фундаментальное сомнение в статусе субъекта как источника и движущей силы собственной активности. Неопределенность, наступившая в вопросе о возможности субъекта к самостоятельному определению целей, средств и оценки продуктивности собственной (и других) деятельности является знаком для всего философского знания. В отношении к субъекту современная философия поставлена перед необходимостью обновления категориального аппарата и постановки фундаментальной проблематики исследования субъекта в соответствие с неопределенностью, которая обусловлена внутрифилософскими причинами и динамикой социальных трансформаций, в которых существует наша мысль.

Неопределенность условий активности субъекта означает также и рассогласование между различными взглядами на субъект в философии, что приводит к фрагментации проблематики субъектности и в частных гуманитарных науках. Всё увеличивающееся рассогласование между научными дисциплинами в отношении субъекта как носителя активности, а также некоторые затруднения философии в отношении формирования целостного видения субъекта в современности выступают знаками кризиса в понимании субъекта. Кризис как невозможность существования проблемного поля в прежнем состоянии в отношении проблемы субъекта вынуждает искать новые пути понимания и выработать новые модели. Данные модели, названные нами кризисными моделями субъекта, выступают формами осмысления положения субъекта в современной философии и программами его пересборки.

Дополнительно мы можем отметить, что меняется способ вопрошания субъекта к миру: вместо акцента на «что?» (направленность активности) более актуальным в современной философии становится акцент на «кто?» (осуществляющий активность). Иными словами, субъект в современной философии всё чаще вопрошает о самом себе. Смена вектора вопрошания не вызывает значительного повышения продуктивности в размышлениях о проблеме субъекта. Мы можем обобщить состояние непродуктивного вопрошания субъекта о себе в современной философии в следующем вопросе: «почему смотрящий на себя субъект видит пустоту?»¹. Причина заключается в том, что существует множество способов взгляда субъекта на себя, и, взятые вместе, они создают не полифонию, но какофонию. Исправлением данной ситуации должно быть наличие комплексной методики синтеза разных пониманий субъекта. Мы предлагаем модальную методологию в качестве такой сборки субъекта.

Востребованность модальной методологии в качестве синтезирующего элемента разных пониманий субъекта обоснована архитектурой проблемы (коммуникация между разными концепциями субъекта затруднена) и представлением о философии как диалоге воззрений, сотрудничестве. Организация сотрудничества возможна лишь при условии наличия синтезирующего (а не различающего, выделяющего частное) метода. Модальная методология позволяет реализовать «собирающую» интенцию в отношении проблемы субъекта. Вместе с пониманием модального характера философии мы культивируем рефлексивный подход к проблеме субъекта, который предполагает постоянное соотнесение разных пониманий субъекта между собой. Подобная рефлексивность влечёт за собой регулярную пересборку общего представления о проблеме субъекта в современной философии в соответствии с общим характером взаимодействия разных пониманий субъекта. Следуя выраженной ещё Платоном интенции к

¹ Деррида Ж. Призраки Маркса. Государство долга, работа скорби и новый интернационал. Пер. с франц. / Перевод Б. Скуратова. Под общей редакцией Д. Новикова. М.: Logos-altera, издательство «Ессе Homo», 2006. – С. 185.

пониманию философии как симпозиума², то есть, продуктивного столкновения разных взглядов на одну тематику, модальная методология утверждает продуктивность диалогизма в обсуждении ключевых философских проблем.

Степень научной разработанности проблемы

Статус субъекта в философии конца XX – начала XXI вв. достаточно сложен и неоднозначен. В зависимости от того, о каком именно из философских направлений мы говорим, субъект понимается по-разному. Помимо этого, далеко не каждое философское направление эксплицирует своё понимание субъекта. Наличие экспликации отличает направления, сохранившие характерную для Нового времени ориентацию на рассмотрение проблем онтологии и теории познания в качестве основных в философии.

Выделим несколько основных векторов рассмотрения проблемы субъекта, среди которых: онтогносеологический, социально-культурный, политический и исторический векторы рассмотрения.

Онтогносеологическим вектором рассмотрения проблемы субъекта мы называем имплицитное обращение к субъекту, касающееся, как правило, его свойств. В указанном контексте проблему субъекта рассматривали Ф. Бэкон, Р. Декарт, Д. Юм, И. Кант, С. Кьеркегор, О. Конт, К. Маркс, З. Фрейд, М. Хайдеггер, С. Жижек. Онтогносеологическая направленность данного вектора исследования предполагает по преимуществу нерелексивное отношение к теме понимания субъекта. Иными словами, данные мыслители создавали (и создают) проблематику субъекта, а не размышляли о ней. Материя вопроса о понимании субъекта была создана данными классиками философии и теперь доступна нам для рефлексивной обработки и осознания.

Исторический вектор исследования субъекта предполагает анализ становления тематики данного философствования. Прослеживание исторических взаимосвязей разных философских направлений относительно понимания субъекта позволяет экспонировать данную проблематику как

² Платон. Пир // Собрание сочинений в 4 т. Т. 2 / Общ. Ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи; Примеч. А. Ф. Лосева и А. А. Тахо-Годи; пер. с древнегреч. – М., Мысль, 1993. – С. 114

укоренённую в историко-философском процессе. Также через аналитику истории развития представлений складывается сеть взаимосвязей и влияния разных пониманий субъекта друг на друга. Рассмотрением субъекта в историческом ключе занимаются следующие исследователи: В. Декомб³, О. А. Доманов⁴, А. В. Дьяков⁵, Е. В. Кармазина⁶, О. А. Козырева⁷, С.В. Комаров⁸, В. В. Лапицкий⁹, В. А. Лекторский¹⁰, А. В. Ложкина¹¹, К. Н. Любутин¹², М. В. Пырина¹³, С.С. Русаков¹⁴, А. М. Фейгельман¹⁵, И. В. Швец¹⁶, Д. Л. Шкарин¹⁷, Н. И. Яблокова¹⁸ и др.

³ Декомб В. Дополнение к субъекту: Исследование феномена действия от собственного лица / Пер. с фр. М. Голованивской. – М.: Новое литературное обозрение, 2011. – 576 с.

⁴ Доманов О. А. Теория субъекта в классической и современной философии: Учебное пособие / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2009. – 148 с.

⁵ Дьяков А. В. Проблема субъекта в постструктурализме: онтологический аспект: диссертация ... доктора философских наук: 09.00.03. – Санкт-Петербург, 2006. – 419 с.

⁶ Кармазина Е. В. Концептуализация свободы в парадигме субъектности: диссертация ... доктора философских наук: 09.00.11. – Новосибирск, 2017. – 389 с.

⁷ Козырева О. А. Модель картезианского знания о себе и её критика в англоязычной аналитической философии XX–XXI века: диссертация ... кандидата философских наук: 09.00.03. – Екатеринбург, 2020. – 210 с.

⁸ Комаров С.В. Вопрос о субъекте: от рефлексивности к сингулярности / С.В. Комаров // Новые идеи в философии. - 2022. - №9 (30). - С. 58-70; Комаров С.В. Метафизика и феноменология субъективности. - СПб.: Алетей, 2007. - 736 с.; Комаров С.В., Лумпова М.А. Неклассический субъект видения. Часть I / С.В. Комаров, М.А. Лумпова // Вестник Пермского университета. Философия, психология, социология. - 2021. - №2. - С. 179-190; Комаров С.В., Лумпова М.А. Неклассический субъект видения. Часть II / С.В. Комаров, М.А. Лумпова // Вестник Пермского университета. Философия, психология, социология. - 2021. - №3. - С. 423-432; Комаров С.В., Поросенков С.В. Проблема формирования субъекта глобальной идентичности / С.В. Комаров, С.В. Поросенков // Вестник Челябинского государственного университета. - 2022. - №10 (468). - С. 13-23

⁹ Лапицкий В. В. Структура и функции субъекта познания. – Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1983. – 159 с.

¹⁰ Лекторский В. А. Субъект, объект, познание. – М.: Наука., 1980. – 358 с.

¹¹ Ложкина А. В. Беседа о субъекте-пудгале как религиозно-философский текст в структуре палийского канона: Катхаваттху I.1: диссертация ... кандидата философских наук: 09.00.03. – Москва, 2019. – 302 с.

¹² Любутин К. Н. Проблема субъекта и объекта в немецкой классической и марксистской философии [Текст]: монография / Константин Любутин; под науч. ред. П. Н. Кондрашова. – Изд. 3-е, доп. и перераб. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2015. – 330 с.

¹³ Пырина М. В. Онто-гносеологические основания субъекта права: диссертация ... кандидата философских наук: 09.00.01 / Пырина Мария Владимировна. – Екатеринбург, 2018. – 158 с.

¹⁴ Русаков С.С. Влияние аналитической философии на эволюцию концепции субъекта на рубеже XIX–XX веков / С.С. Русаков // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. - 2023. - №2. - С. 192-203; Русаков С.С. Концепция собранного субъекта Мераба Мамардашвили / С.С. Русаков // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2022. - Т.23, №2. - С. 108-116; Русаков С.С. Соотношение понятий "субъект", "объект" и "дискурс" в анализе власти М. Фуко / С.С. Русаков // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. - 2015. - Т.11., №1. - С. 38-44; Русаков С.С. Трансформация концепции субъекта в критической философии Т. Адорно / С.С. Русаков // Вестник гуманитарного университета. - 2022. - №3 (38) . - С. 103-110; Русаков С.С. Трансформация концепции субъекта на рубеже XIX–XX веков: континентальная философия / С.С. Русаков // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. - 2022. - №4. - С. 113-126

¹⁵ Фейгельман А. М. Понятие субъекта в неклассической диалектике: диссертация ... кандидата философских наук: 09.00.01. – Нижний Новгород, 2014. – 148 с.

¹⁶ Швец И. В. Праксеологические концепции социального субъекта в философии конца XX – начала XXI вв.: социально-философский анализ: диссертация ... кандидата философских наук: 09.00.11. – Иркутск, 2018. – 137 с.

¹⁷ Шкарин Д. Л. Трансформация социального субъекта современности: теоретико-методологический аспект: диссертация ... кандидата философских наук: 09.00.11. – Томск, 2021. – 121 с.

Социально-культурный вектор рассмотрения предполагает рефлексию и анализ меры влияния проблемы субъекта (в разных модусах ее разрешения) на социальный мир и культурное целое. Специфика социально-культурного вектора рассмотрения заключается в том, что в этой области создается философия субъекта как сфера артикуляции его влияния на мир культуры и социума. В данной оптике с пониманием субъекта работают многие современные исследователи. Классическим представителем данного вектора рассмотрения является один из крупнейших философов-постструктуралистов М. Фуко, который в своем произведении «Герменевтика субъекта» дает картину возможной институциализации субъекта в культуре. Кроме того, в рамках данного вектора рассмотрения работали Э. Лакло и Ш. Муфф; в социально-культурном ключе написана их главная работа «Гегемония и социалистическая стратегия». Также в данном направлении работают следующие исследователи: М. О. Абрамова¹⁹, Н. В. Богданович²⁰, П. С. Вавилов²¹, В. В. Волченко²², С. В. Данько²³, А. Н. Ильин²⁴, Е. П. Рябчикова²⁵, М. Р. Саидова²⁶, А. А. Смирнова²⁷, А. А. Тихонов²⁸, О. Е. Шнырева²⁹, и др.

¹⁸ Яблокова Н. И. Социальный субъект: Генезис, сущность, факторы становления и развития: диссертация ... доктора философских наук: 09.00.11. – Москва, 2000. – 349 с.

¹⁹ Абрамова М. О. Трансформация субъекта в концепции прав человека: социально-философские основания: диссертация ... кандидата философских наук: 09.00.11. – Томск, 2019. – 149 с.

²⁰ Богданович Н. В. Субъект как категория отечественной психологии: диссертация ... кандидата психологических наук: 19.00.01. – Москва, 2004. – 170 с.

²¹ Вавилов П. С. Репрезентации субъекта измененного состояния сознания: философско-культурологический анализ: диссертация ... кандидата философских наук: 24.00.01. – Казань, 2019. – 202 с.

²² Волченко В. В. Риски деятельности социального субъекта в условиях современных трансформаций в России и мире: диссертация ... кандидата философских наук: 09.00.11. – Ставрополь, 2018. – 168 с.

²³ Данько С. В. Парадоксальность субъектной парадигмы в теории познания: диссертация ... кандидата философских наук: 09.00.01. – Москва, 2003. – 134 с.

²⁴ Ильин А. Н. Субъект в массовой культуре современного общества потребления (на материале китч-культуры): Монография. – Омск: «Амфора», 2010. – 376 с.

²⁵ Рябчикова Е. П. Субъект в системе культурно-образовательных связей: диссертация ... кандидата философских наук: 24.00.01. – Нижний Новгород, 2003. – 149 с.

²⁶ Саидова М. Р. Политическое действие субъекта в период трансформации общества: социально-философский анализ: диссертация ... кандидата философских наук: 09.00.11. – Душанбе, 2018. – 151 с.

²⁷ Смирнова А. А. Проблема субъекта в контексте постсовременности: диссертация ... кандидата философских наук: 09.00.01. – Санкт-Петербург, 2009. – 169 с.

²⁸ Тихонов А. А. Гносеологическое отношение и проблема становления субъекта познания: диссертация ... доктора философских наук: 09.00.01. – Ульяновск, 2005. – 382 с.

²⁹ Шнырева О. Е. Проблема субъект-объектных отношений в свете идей неклассической рациональности: на примере развития квантово-механических представлений: диссертация ... кандидата философских наук: 09.00.01. – Нижний Новгород, 2015. – 162 с.

Обратив ретроспективный взгляд на развитие проблемы субъекта в философии, мы можем заключить, что тема является одной из важнейших для развития европейской культуры и закладывает посредством себя трансляцию «норм» из философии в культурное целое. Через понимание субъекта в философии осуществляется масштабирование новаций философского знания в европейскую культуру в целом.

Следует отметить, что количество исследований, посвященных разным аспектам проблемы субъекта, позволяет квалифицировать данную область как богатую и разнообразную. При этом, глубина теоретической проработки разных аспектов субъекта не всегда сочетается с аутентичным пониманием его природы и функций в рамках философии и культурного целого. Понимание механизмов активности субъекта возможно в рамках выполнения задачи по рефлексивной аккумуляции всего знания о субъекте в границах ставшей и явленной философии субъекта.

Помимо модальной методологии Д. Б. Зильбермана, существенную помощь в оформлении знания о субъекте в социологически-рефлексивном виде оказала концепция Р. Коллинза, у которого развитие философского знания представляется как постоянный конфликт и борьба за сферы внимания. Нашей задачей является – пройти в этой методологической диаде срединным путем рефлексии и наблюдения за конкретными изменениями субъекта. Через взаимодействие всех позиций и осмысление способа их связи на общем поле дискуссии о субъекте и складывается возможность философии субъекта как рефлексивного и полифонического взгляда на проблему существования и реализации активности человека в мире – в области теоретического познания, социального действия и осмысления своего места относительно себя и окружающей действительности.

Цель и задачи исследования

Цель нашего исследования: рефлексия взаимодействия кризисных моделей субъекта в философии на основании модальной методологии и

конкретизация современной интеллектуальной траектории развития субъекта на материале постмарксизма.

Достижение цели исследования предполагается через разрешение следующих задач:

1. Представить модальную методологию как структурное основание для исследования кризисных моделей субъекта;

2. Проанализировать специфику кризисных моделей субъекта в их сходствах и различиях в сравнении с классическим пониманием субъекта в философии Нового времени;

3. Выявить характерные особенности постмарксизма как одного из вариантов развития марксистской философии в современности и на его примере конкретизировать специфические черты кризисных моделей с учетом методических наработок классического и кризисного этапа развития понимания субъекта;

4. Сопоставить характерные особенности понимания субъекта в постмарксизме с иными современными концепциями субъекта и выявить ключевые характеристики кризисных моделей субъекта.

Объект исследования

Объектом исследования является субъект в своих онтогносеологических и праксеологических основаниях.

Предмет исследования

Предметом исследования выступает субъект, взятый в сумме классических и кризисных моделей в контексте их модального взаимодействия и взаимообусловленности; в качестве примера используется постмарксизм как способ рефлексивной пересборки субъекта.

Проблема исследования

Проблема исследования может быть сформулирована следующим образом: в современной философии основания активности субъекта не являются достаточно прозрачными, в связи с чем, возникает вопрос – кто является субъектом деятельности и каковы свойства активности субъекта?

Методологическая основа исследования

В качестве методологической основы исследования выступает модальная методология Д. Б. Зильбермана – философская концепция, сформировавшаяся для артикуляции и исследования проблем философского знания, обладающих комплексным характером и требующих одновременного принятия во внимание множества концептуальных подходов.

Помимо модальной методологии, используется метафилософский подход рефлексивной социологии Р. Коллинза, предполагающий рассмотрение философских направлений как конкурентов в борьбе за внимание в исторической перспективе.

Гармонизирующим элементом между двумя конфликтующими методологическими основаниями выступает культурно-антропологическая концепция И. Н. Кругловой, позволяющая рассматривать область культуры как основание для построения максимально свободных философских концептов.

Методологический подход постструктурализма, результирующийся в концепте «смерти субъекта» как идентификации ситуации кризиса, необходим как барьер, который нужно преодолеть вместе с кризисом. Обращение к концепту «смерти субъекта» имеет прагматическую ценность в отношении того, что рефлексия кризиса, в ней воплощенная, должна сочетаться с такой же рефлексией выхода из кризиса.

Постмарксизм в качестве элемента методологического базиса нашей работы представляет собой взрыв конкурирующих социокультурных позиций, осуществляющийся изнутри самого направления. Культурный или политический гиперкритицизм, направленный на прояснение оснований теории, который практикуют представители постмарксизма, подобно «бритве Оккама», выступает в качестве необходимой негативной философской активности, избавляющей поле исследования от избыточных сущностей.

Органическое целое, возникающее в результате синтеза различных методологических подходов (при главенстве модальной методологии), позволяет осуществить задачу сборки различных пониманий субъекта воедино

при сохранении их уникальности. Специфической чертой нашего методологического подхода является выявление в более ранних концепциях субъекта полезных элементов, касающихся понимания субъекта, которые позволяют продуктивно дополнять более поздние концепции субъекта.

Научная новизна исследования

1. Обоснована продуктивность применения модальной методологии к проблеме субъекта – как задача прояснения онтогносеологических оснований субъекта, в результате которого становится возможным сравнительный анализ разных концепций субъекта;

2. Выявлена специфика кризисных моделей субъекта в сравнении с классическими моделями и проведен анализ модальных формул основных концепций субъекта;

3. Продемонстрирована действенность модальной методологии при анализе постмарксизма как одной из концепций современного понимания субъекта в ситуации кризиса;

4. Проведена работа по сравнительному анализу постмарксизма и связанных с ним кризисных моделей субъекта в современной философии, в результате чего эксплицированы механизмы взаимной дополнительности и конструктивного диалога различных воззрений на субъект.

Положения, выносимые на защиту

1. Доказано, что в контексте модальной методологии субъект включает в себя три сферы активности – действие, познание и рефлексия, – позволяющие типологизировать различные понимания субъекта в современной философии в контексте их взаимодополнительности;

2. Обосновано, что классические модели субъекта являются материалом для осмысления и основанием для развития кризисных моделей, комплексное рассмотрение которых является залогом понимания причин современного состояния и гипотетических конфигураций понимания субъекта в философии; в то же время выявлено, что «кризисные модели субъекта» являются

специфическими способами понимания субъекта, исходящими из принципиальной неполноты поля активности субъекта;

3. Установлено, что постмарксизм, как генерация марксистской философии, занимает неортодоксальное место в сети взаимодействия кризисных моделей субъекта и склоняется к сфере активности субъекта рефлексии; при этом, в постмарксизме имплицитно сохраняется традиционная интенция марксизма к необходимости социальных преобразований, проблематичных для реализации в современной социально-политической практике;

4. Обоснован совместный характер существования кризисных моделей субъекта в современной философии, при котором проблемы понимания субъекта, неразрешимые в одной концепции, переносятся в область активности – другой.

Теоретическая и практическая значимость результатов исследования

Теоретическая значимость исследования результируется в дополнении и развитии актуальной в отечественном исследовательском поле проблемы субъекта. Наше исследование осуществляет синтез ряда представлений о состоянии проблемы субъекта, которые с различных сторон рассматривались исследователями в последние тридцать лет. Результаты исследования могут быть использованы для расширения спектра методологических подходов к пониманию проблемы субъекта и при рассмотрении истории становления философии субъекта с позиции различных сфер активности, в которых оформляется изначальный преобразовательный потенциал.

Практическая значимость исследования выражена в применимости материалов диссертационной работы для интеграции в учебные курсы по онтологии и теории познания, истории философии, социальной философии, а также по другим дисциплинам, предметность которых затрагивает вопросы преобразований в области познания, общественной жизни и представлений человека о самом себе.

Апробация работы

Основные идеи диссертационного исследования и выносимые на защиту положения были апробированы в рамках аспирантских семинаров и заседаний кафедры философии СФУ. Частные положения были использованы при реализации курсов «Аналитическая философия» и «История философии» для студентов направления 47.03.01 «Философия» ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет».

Ключевые аспекты исследования были отражены в следующих значимых публикациях, входящих в список, рекомендованный ВАК:

1. Самарин А. С. Философия как оператор культуры: исторические и структурные особенности. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. №3-2 (29). С. 174-177.

2. Самарин А.С. Трансформация марксистской концепции субъекта в современной философии. // Вестник КрасГАУ. 2013. №11 (86). С. 322-324.

3. Самарин А. С. Метаморфозы субъекта: компаративный анализ постмарксизма и индийской философии. // Вестник КрасГАУ. 2013. №10 (85). С. 312-317.

4. Самарин А. С. Классический субъект Нового времени и экспликация механизмов традиции. // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2024. №1 (42). С. 56 – 61.

5. Самарин А. С. Экспериментальный метод Г. Галилея в контексте становления понятия субъекта в философии Нового времени // Философская мысль. 2024. №3. С. 1 – 13.

Практическая апробация материалов диссертационного исследования также осуществлялась при участии в следующих конференциях:

1) VII Всероссийская научно-техническая конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Молодежь и наука». Красноярск, 12 апреля 2011 г.

2) XIII Всероссийская конференция молодых ученых «Актуальные проблемы социальных наук». Томск, 6-7 мая 2011 г.

3) I Научная конференция студентов и аспирантов «Философия и сознание. Красноярск, 24 ноября 2011 г.

4) XIV международная научно-практическая конференция «Наука и образование: опыт, проблемы, перспективы развития. Красноярск, 22-23 апреля 2015 г.

5) Международная научная конференция «Шестые шпетовские чтения. Феноменолого-онтологический замысел Г. Г. Шпета и гуманитарные проекты XX-XXI веков». Томск, 01-07 июня 2015 г.

6) Международная научно-практическая конференция «Наука и образование: опыт, проблемы, перспективы развития. Красноярск, 21-23 апреля 2020 г.

7) Международная научно-практическая конференция «Наука и образование: опыт, проблемы, перспективы развития. Красноярск, 20-22 апреля 2021 г.

8) Международная научно-практическая конференция «Наука и образование: опыт, проблемы, перспективы развития. Красноярск, 19-21 апреля 2022 г.

9) Национальная (Всероссийская) научно-практическая конференция, приуроченная к Всемирному дню философии, г. Красноярск 17 ноября 2022 г.

Структура диссертации

Структура текста подчинена методологическим основаниям и логике осуществляемого исследования. Диссертационное исследование состоит из введения, двух глав (4 параграфа), заключения и списка литературы из 214 источников. Общий объем диссертации составляет 163 страницы.

Глава 1. Модальная методология как основание для экспликации кризисных моделей субъекта

Цели и задачи главы.

Целью первой главы является обоснование методологического характера проблемы субъекта для современной философии. Мы предполагаем, что из-за множества позиций, которые возможны при взгляде на субъект, складывается впечатление, что теряется общая перспектива. В потере перспективы коренится кризис современного понимания субъекта. В исследовании осуществляется экспликация метода, который предложит новые варианты разрешения этой проблемы.

Для того, чтобы достичь поставленной цели, мы используем следующий порядок исследования:

- 1) Введение проблемы кризисного субъекта в контексте современной философии;
- 2) Обоснование, что выбранная нами для работы с проблемой субъекта модальная методология является эффективной для решения поставленной цели;
- 3) Исследование проблемы кризисного субъекта на материале философии постмарксизма с использованием установок модальной методологии.

Исходя из указанной цели, сформулируем задачи первой главы:

- 1) Выявить основные черты кризиса в понимании субъекта в философии XX века;
- 2) Презентовать модальную методологию и обосновать ее применимость к разрешению затруднений в философствовании о субъекте;
- 3) Раскрыть содержание понятия «кризисная модель субъекта» через экспликацию сущностных свойств субъекта в том виде, в каком он сформировался и существовал, начиная с Нового времени;
- 4) Выделить базисные кризисные модели субъекта в современной философии и описать способы их взаимодействия как основание для поиска решения проблемы субъекта в методологическом ключе.

Итогом решения задач главы будет являться формирование нового знания о кризисном характере субъекта в современной философии и прояснение особенностей модальной методологии, позволяющей концептуализировать проблему субъекта в пространстве современных гуманитарных наук.

1.1 Модальная методология в контексте проблемы субъекта

Обозначим базовое определение ключевого термина, а именно – термина «субъект». Основным для работы будет онтогносеологическое понимание субъекта, которое является преобладающим в отечественной философии и основным признаком которого является противопоставление объекту³⁰. Мы отталкиваемся от субъект-объектной дихотомии как основного допущения в отношении субъекта, принятого в классической парадигме философствования.

В то же время мы будем принимать во внимание разработанный в постструктурализме концепт «смерти субъекта», в котором классическое понимание субъекта подвергается критике и который дополняет, обновляет ресурс философии субъекта. А. В. Дьяков следующим образом описывает базовые параметры этой критики: «Постструктурализм подвергает критике традиционную (классическую) модель субъекта сразу с нескольких позиций: 1) постструктуралисты стремятся показать метафизическую недостаточность субъекта как *cogito*; 2) критика рационалистической модели субъекта ведется с позиций семиологии, вскрывающей онтологическую неопределенность «я» как автора производимых им текстов; 3) опираясь на психоаналитическую гипотезу, постструктуралисты констатируют отсутствие целостного субъекта; 4) постструктурализм делает вывод об историчности любых моделей субъекта»³¹. Применение концепта «смерти субъекта» позволяет рассматривать проблему субъекта в двух перспективах. «Смерть субъекта» позиционирована

³⁰ Большунова Н. Я. Субъектность как социокультурное явление / Н. Я. Большунова. – Новосибирск: Изд. НГПУ, 2005. – С. 12.

³¹ Дьяков А. В. Проблема субъекта в постструктурализме: онтологический аспект: диссертация ... доктора философских наук: 09.00.03. – Санкт-Петербург, 2006. – С. 17.

как критическая позиция постструктурализма по отношению к «модерну». Для того, чтобы критиковать «модерн», постструктуралисты активно определяют его - то есть, обозначают границы, что, в свою очередь, является предметом нашего интереса. Мы считаем, что если в рамках одной философии есть подходящие инструменты для того, чтобы определять основные положения другой философии, то это позволяет работать с мета-уровнем мысли. Под мета-уровнем понимается область мышления в динамике, к которой могут быть причастны самые разные философские течения, но которая ни одному из этих течений не принадлежит.

А. В. Дьяков отмечает методологический аспект в постструктуралистской трактовке субъекта: «Смерть субъекта» - методологическая позиция, которая позволяет взглянуть на бытование человека в обществе под новым углом зрения»³². В трактовке А. В. Дьякова «смерть субъекта» понимается как действие, которое выполняет задачу расширения сферы деятельности, пространства самой философии. На примере появления «смерти субъекта» как философского концепта можно увидеть эффект, вызванный тем, что субъект не принимается во внимание, если он находится в забвении, и не проясняются его основания. Например, в области онтологии при возникновении проблем с идентификацией субъекта мы сталкиваемся со сложностью в отношении позиции наблюдателя. Для того, чтобы иметь возможность говорить о наиболее фундаментальных категориях, необходима определенность с позицией наблюдателя. Если отсутствует определенность с наблюдателем, то основные категории зависят в своеобразном «вакууме рефлексии». Схожие затруднения может испытывать и теория познания. В понимании философии Нового времени познание представляет собой взаимодействие субъекта и объекта, приводящее к получению нового знания об объекте. При недостаточном внимании к субъекту (или при его элиминации) ситуация познания перестает быть уравновешенной. По этим причинам однозначность в понимании субъекта для онтологии и гносеологии является вопросом самоопределения теории.

³² Там же. С. 390.

А. А. Тихонов отмечает, что мотив критики наличного состояния субъекта имеет характер изначального конфликта, такого же древнего, как сама философия: «во всей истории философии, начиная с требования Сократа «познай самого себя» вплоть до современных исследовательских программ и проектов, постоянно высказывается недовольство степенью изученности, разработанности данной проблематики и воспроизводятся сетования на «исчезновение» реального субъекта из философского и научного познания»³³. Следует отметить, что в каждую эпоху конкретные проявления проблемы субъекта приобретают специфическую форму. В настоящий момент этой формой оказалась «смерть субъекта».

Проблема субъекта обретает важный для нашей работы аспект, когда идет в сопряжении с понятием «культуры» и в контексте этого многозначного и дискуссионного термина в гуманитарном знании. К примеру, Е. П. Рябчикова отмечает: «Особенно важно подчеркнуть, что, если объект в философском понимании противоречит субъекту в его познавательной деятельности, то объект в культурологическом истолковании является сферой реализации активности субъекта, результатом его культурной деятельности, порождая бисубъектные отношения ученика и учителя»³⁴. Субъект в культуре, иными словами, приобретает другое соотношение с объектом, чем в познании, в гносеологии. В этом отношении становится более понятной ситуация, почему «смерть субъекта» и критика гносеологического бинаризма выросли из постструктурализма. Дело, на наш взгляд, заключалось в том, что в этой философии были ярко выражены вопросы взаимодействия человека и культуры, жизни человека в культуре.

Вопрос о соотношении культуры и субъекта является существенным для понимания природы активности субъекта. «Актуально (то есть в действии, а не в виде хранилища культурных ценностей типа библиотеки) культура

³³ Тихонов А. А. Гносеологическое отношение и проблема становления субъекта познания: диссертация ... доктора философских наук: 09.00.01. – Ульяновск, 2005. – С. 4.

³⁴ Рябчикова Е. П. Субъект в системе культурно-образовательных связей: диссертация ... кандидата философских наук: 24.00.01. – Нижний Новгород, 2003. – С. 64-65.

существует лишь в индивидах»³⁵, – отмечает Д. Б. Зильберман и добавляет, что в рамках культуры индивид не имеет нужды быть самоценным, – часть его функций в рамках культуры будет реализована другими. Распределение деятельности в культуре есть одна из характерных черт, которая проясняет наше знание об активности субъекта в её контексте: в перспективе культуры субъект существует контингентно. Актуальное существование культуры в индивидах сочетается с тем, что действие в рамках культуры коллективно, а индивид становится элементом этого большого субъекта³⁶.

Для удобства работы с пониманием субъекта в различных направлениях философии мы выделяем три основных формы активности субъекта. А. А. Тихонов отмечает, что разделение уменьшает меру нашего понимания о природе субъекта³⁷. Мы склонны не согласиться с А. А. Тихоновым, поскольку различение разных форм активности субъекта позволяет работать с субъектом разных философских течений, сохранять аутентичность и сложность понимания субъекта в разных концепциях. С большей уверенностью мы согласимся, что субъект в его приложении к разным сферам бытования человека различается по функционалу и требует соответствующего понимания особенностей своей активности.

Выделим типологию субъекта на базе форм его активности. Первым будет субъект действия, часто и являющийся субъектом «в именительном падеже» – актер, активно преобразующий окружающую действительность и, в первую очередь, материальным действием в социальной плоскости бытия человека³⁸.

³⁵ Зильберман Д. Б. К пониманию культурной традиции / Давид Зильберман; Отв. Ред. О. И. Генисаретский. – М. ННФ «Институт развития им. Г. П. Щедровицкого; Политическая энциклопедия, 2015. – (Книга света). – С. 43.

³⁶ Касавин И. Т. Коллективный субъект как предмет эпистемологического анализа / И. Т. Касавин // Эпистемология и философия науки. – 2015. – Т. 46, № 4. – С. 5-18.

³⁷ Тихонов А. А. Гносеологическое отношение и проблема становления субъекта познания: диссертация ... доктора философских наук: 09.00.01. – Ульяновск, 2005. – С. 158.

³⁸ Климов И. А. В поисках субъекта действия / И. А. Климов // Социальная реальность. – 2006. - № 12. – С. 92-97; Грызова У. И. Субъект действия в социально-философском измерении / У. И. Грызова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2012. - №12-1 (26). – С. 76-79.

Следующая форма активности – это субъект познания, оперирующий суммой знаний и работающий на ее приращение. Для субъекта познания объектом является непознанное, которое имеет потенцию стать знанием, доступным для человека. Непознанное является границей нашего знания и на него направлена активность субъекта познания³⁹. А. А. Тихонов характеризует субъект в ключе универсализма его способностей: «Субъект познания, действительно, – существо универсальное, способное сжаться до предельно малой, воображаемой точки, и распространиться, как бы «взорваться» до масштабов Вселенной, способный низвести себя до небытия, до «ничто» и возвыситься – до абсолютного, божественного состояния, творящего как свой субъективный мир, так и объективный мир культуры и даже «новой» природы»⁴⁰. Мы видим пример философского высказывания, которое базируется на понимании активности субъекта, прежде всего, в сфере познания, исходя из чего, у А. А. Тихонова складывается основание для создания картины мира и способов влияния философии на мировоззрение в целом. При этом можно заметить, что взаимная дополнительность, которая возникает между разными сферами активности субъекта, позволяет подвергнуть критике каждое из этих воззрений, не отрицая их совместной истинности. Мы предполагаем, что разные формы активности субъекта являются истинными в комплексе объединяющих их черт, а также, черт, позволяющих различить одну форму активности от другой. Например, к высказыванию А. А. Тихонова мы можем добавить, что, несмотря на большой потенциал в эпистемологической плоскости, субъект познания ограничен в области действия – он изменяет мир косвенно, опосредованно.

Третьей формой активности субъекта, которая существенна для нашего исследования, является рефлексия. Субъект рефлексии – это актер самосознания, сигнифицирующий обращение той или иной философии к

³⁹ Туркулец А. В. Когнитивные действия субъекта / А. В. Туркулец // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. – 2015. – Т. 2, № 2 (22). – С. 64-71.

⁴⁰ Тихонов А. А. Гносеологическое отношение и проблема становления субъекта познания: диссертация ... доктора философских наук: 09.00.01. – Ульяновск, 2005. – С. 170.

вопросам, структурирующим интенции данной философии в топологии философского знания. Приоритет рефлексии в контексте активности субъекта позволяет определённой философской системе лучше позиционировать себя в «топологии субъекта» и видеть позиции других участников дискуссии по этому вопросу⁴¹. Субъект рефлексии реже всего доминирует в той или иной философии, поскольку данная активность не является напрямую продуктивной – она не способствует поступательному обогащению философии новым знанием, но при этом увеличивает вероятность задать новые координаты размышления о субъекте и других важных аспектах философского знания.

Все три разновидности активности субъекта используются в скрытой или явной форме, проанализированы в разнообразных исследованиях, субъекту посвящено значительное количество диссертаций. Новый аспект, который появляется при введении трех сфер – это – различие философских систем по приоритету в нём той или иной формы активности субъекта.

Например, про субъект рефлексии писал В. А. Лекторский: «потребность в рефлексии возникает лишь тогда, когда появляются сомнения в обоснованности исходных предпосылок. Задача теоретического анализа состоит как раз в пересмотре этих предпосылок, а выполнение ее невозможно хотя бы без частичного изменения того, что критически исследуется. Но это значит, что в результате теоретической рефлексии меняется сам ее объект»⁴². С точки зрения В. А. Лекторского, особенности субъекта рефлексии делают возможной перестройку философии субъекта в целом. Может показаться, что субъект рефлексии является своеобразным мета-субъектом и стоит над двумя другими формами активности субъекта, но это не так. Через субъект рефлексии осуществляется выстраивание связей философии субъекта с другими сферами философского знания, которое субъектом, конечно, не ограничивается. Субъект рефлексии очень важен – через его активность в процессе познания и самосознания организуется связность человека с миром. Как отмечает

⁴¹ Рябушкина Т. М. Познание и рефлексия: научная монография / Т. М. Рябушкина. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014. - 352 с.

⁴² Лекторский В. А. Субъект, объект, познание. – М.: Наука, 1980. – С. 266.

А. А. Тихонов, «Рефлексия в любой ее форме – критической, аналитической или методологической – порождает сложнейшие сети и «цепи» многомерной обратной связи в структуре субъективной реальности, которая необходимо делится на несколько компонентов»⁴³. Через активность в форме рефлексии понимание субъекта становится более целостным, связным, очерчивает собственные границы.

Существенно, что «каждая модель субъекта предполагает свою интерпретацию реальности объектов: те объекты, которые полагаются реальными по отношению к субъекту одного вида, вполне могут оказаться фиктивными по отношению к другому его виду»⁴⁴. Мы дополним формулировку С. В. Данько: то, что является объектом для одного субъекта, может не являться объектом для другого субъекта. Формы активности субъекта познания, действия и рефлексии имеют свою точку обзора мира, свою перспективу с характерными для них преимуществами и ограничениями. Будучи взятыми вместе, они составляют понимание субъекта – которое, опять же, не может обозреваться с ограниченной точки зрения. При этом точка взгляда индивидуального субъекта всегда единична и ограничена. Решение данного затруднения может заключаться в том, в нахождении модели субъекта, которая будет стоять ближе к коллективному, совместному его пониманию.

В различных философских концепциях философиях может преобладать та или иная форма активности субъекта, но – имманентно – присутствуют все три. Соотношение между субъектом действия, познания и рефлексии в разных философиях различно. Это предполагает и различные картины субъект-объектного взаимодействия. Поскольку субъект в разных философских концепциях понимается неодинаково, то мы не можем в рассмотрении темы принять единственный для всех набор определяющих субъект характеристик.

⁴³ Тихонов А. А. Гносеологическое отношение и проблема становления субъекта познания: диссертация ... доктора философских наук: 09.00.01. – Ульяновск, 2005. – С. 156.

⁴⁴ Данько С. В. Парадоксальность субъектной парадигмы в теории познания: диссертация ... кандидата философских наук: 09.00.01. – Москва, 2003. – С. 20.

Такое рассмотрение будет неоправданным обобщением, значительно понижающим результативность исследования.

Таким образом, предлагаемая нами троичная дифференциация субъекта в рамках данного исследования позволит задать единое основание для его рассмотрения, но при этом не сводить к одной содержательной характеристике. Нам представляется продуктивной аналогия с описанием квантовой картины мира, которая высказывается О. Е. Шныревой: «целостность описания в квантовой картине мира достигается за счет «дополнительных», взаимоисключающих понятий. Таким образом, полнота в физическом знании постепенно перестает ассоциироваться с логической непротиворечивостью и однозначностью»⁴⁵. Для нашего исследования представляется продуктивным разрешение противоречия теории, претендующей на полноту описания, которая может быть сформулирована следующим образом: проблемы, которые теория не может решить, передаются через коммуникацию между различными направлениями философии, другим теориям, инструментарий которых больше подходит для решения этой проблемы.

Перейдем к определению субъекта, что поможет с уточнением исследовательской перспективы. Ситуация с определением субъекта не проста, поскольку концепт субъекта зачастую представлен в разных философских системах имплицитно. О. А. Доманов описывает затруднение с определением субъекта следующим образом: «Дать общее определение субъекта очень сложно и, по-видимому, даже невозможно. (...) Интуитивно субъектом можно назвать то, чем являемся или в чем участвуем мы, люди. Субъект определяется через способ существования и почти не зависит от природы того сущего, которое существует как субъект»⁴⁶. Мы видим толкование субъекта как индивида («то, чем являемся мы»), а также толкование субъекта как позиции, которую индивид может занимать, но она ему не принадлежит («то, в чем мы

⁴⁵ Шнырева О. Е. Проблема субъект-объектных отношений в свете идей неклассической рациональности: на примере развития квантово-механических представлений: диссертация ... кандидата философских наук: 09.00.01. - Нижний Новгород, 2015.– С. 76.

⁴⁶ Доманов О. А. Теория субъекта в классической и современной философии: Учебное пособие / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2009. – С. 4.

участвуем»). Субъект определяется как «композиционная» конструкция, сочетающая свойства, характерные для индивида, и свойства, характерные для среды, в которую погружен индивид.

Есть и более оптимистичные взгляды на определение субъекта: «Дефиниция «субъект» возникает в греко-римской философии, получает дальнейшее развитие в средневековой науке, где за ней закрепляется значение подлежащего. В рамках средневековой философии зарождается еще одно значение этого понятия: «вещи», являющейся носителем или источником известных способностей и возможностей, как деятельностных, так и страдательных (камень как субъект теплоты, человек как субъект знания и т.п.)»⁴⁷. Аналогичный взгляд на происхождение субъекта озвучивает С.В. Комаров: «От Аристотеля через средние века субъект понимался исключительно в качестве логической и грамматической категории, относящейся к высказываниям обо всем сущем»⁴⁸. Постепенно происходит расщепление субъекта на две глобальные линии: узкое, грамматическое, толкование и более широкое, субстантивное – онтологическое – толкование субъекта как носителя неких качеств.

Ещё одно определение субъекта мы можем увидеть у Е. А. Никитиной: «Действительно, субъект – это конкретный телесный индивид, существующий в пространстве и времени, включенный в определенную культуру, имеющий биографию, находящийся в коммуникативных, социальных и иных отношениях с другими людьми. Субъект познания принадлежит природе и социуму, он деятелен и рефлексивен, отражает и конструирует мир, понимает и интерпретирует его, принимает решения, действует и достигает поставленных

⁴⁷ Богданович Н. В. Субъект как категория отечественной психологии: диссертация ... кандидата психологических наук: 19.00.01. – Москва, 2004. – 170 с.

⁴⁸ Субъектность в современном обществе: социально-философский анализ: монография / Д.В. Аверьянова, В.Д. Береснев, Н.И. Береснева, А.Ю. Внутских, С.Г. Зырянов, С.В. Комаров, Ю.В. Лоскутов, Л.А. Мусаелян, Н.К.Оконская, С.В. Поросёнков, С.В. Рязанова, Р.К. Стерледев, Т.Д. Стерледева; под общей редакцией Ю.В. Лоскутова; Пермский государственный национальный исследовательский университет. - Пермь, 2022. - 128 с. – С. 10

целей»⁴⁹. В данном случае мы можем увидеть на уровне терминологии, что автор пишет про субъект познания, хотя включает в него и характерные особенности субъекта действия («деятелен») и субъекта рефлексии («рефлексивен»).

Следующим образом определяет субъект Е. С. Панкова: «Термин «субъект» входит во французский, а затем и в другие европейские языки, в XVII веке, обозначая, главным образом, содержание внутренней идеальной реальности человека, противопоставляемой реальности внешней, то есть, «объективной»⁵⁰. Определение в концентрированной форме представляет содержание субъекта прежде всего через призму субъект-объектной дихотомии.

Перейдём к определению субъекта, которое мы вводим в контексте исследования. Субъект – это философское понятие, обозначающее актора, носителя активности, обладающего преобразовательным потенциалом по отношению к противопоставленному ему объекту. Субъект имеет три формы активности – действие, познание и рефлексия. Активность субъекта реализуется посредством набора инструментов, который, взятый как целостность, называется «методом» и играет роль «третьего слабого» в дихотомии субъекта и объекта. Схожее определение предлагает В. А. Лекторский⁵¹, с той разницей, что не выделяются три сферы активности субъекта.

Под субъектом зачастую понимают познающего и действующего индивида, отдельного человека⁵². Не отрицая полностью это общее понимание, отметим и возможность существования коллективного субъекта. Например, С. А. Лебедев в статье, посвященной переосмыслению природы научного знания, отмечает: «Главным субъектом современной науки стал уже не

⁴⁹ Никитина Е. А. Проблема субъекта познания в современной эпистемологии / Е. А. Никитина // Перспективы науки и образования. – 2015. - №2 (14) – С. 17-18.

⁵⁰ Панкова Е. С. Интернализация как постмодерный тип соотношения социальных практик и субъекта: диссертация ... кандидата философских наук: 09.00.01 – Казань, 2017. – 152 с.

⁵¹ Лекторский В. А. Субъект в истории философии: проблемы и достижения / В. А. Лекторский // Методология и история психологии. – 2010. – Т. 5. №1. – С.5.

⁵² Рябикина З. И. Личность как субъект формирования бытийных пространств // Субъект, личность и психология человеческого бытия / Под.ред. В. В. Знакова и З. И. Рябикиной. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005. – С. 45 – 57.

отдельный ученый, а научные коллективы и организации разной мощности: от небольшой лаборатории или исследовательской группы до таких крупных социальных систем науки, как дисциплинарные сообщества, исследовательские институты, университеты, академии, технополисы»⁵³. Постепенный и независимый от воли отдельных ученых переход в научной практике к распределенной активности и коллективности субъекта это пример положительного опыта науки как социального института⁵⁴.

Для того, чтобы органично продолжить данное рассуждение, мы должны определить статус философии относительно науки. Не сливаясь полностью с наукой по функционалу, но, так же, как и наука, являясь формой теоретического знания, а также родом интеллектуальной деятельности, философия может воспользоваться положительным опытом науки как социального института. В отличие от науки, в философии сложнее обнаружить стремление к кооперации отдельных философов и, тем более, направлений – особенно из числа современников. Философские вопросы формулируются как ошибки и парадоксы, сохраняющие актуальность на длительном промежутке времени благодаря сосредоточенному на этих вопросах вниманию большого количества мыслителей.

В рамках теории познания, а также для некоторых проблемных областей онтологии важна однозначность в понимании субъекта. В случае неопределенности со статусом субъекта теория познания может потерять ориентацию в исследовательском поле, а также актора изменений. Возникает неясность с вопросами «кто познает?» и «что познается?», поскольку вместе с неопределенным субъектом становится проблематичной идентификация объекта. В контексте онтологии при появлении проблем с субъектом теряется ясность с состоянием изменения, с ответом на вопрос «кто вызывает изменения?»

⁵³ Лебедев С. А. Пересборка эпистемологического / С. А. Лебедев // Вопросы философии. – 2015. - №6. – С. 54.

⁵⁴ Субъект, познание, деятельность. – М.: Канон+ ОИ «Реабилитация», 2002. – С. 365.

Философское вопрошание о субъекте можно рассмотреть в ракурсе ориентации по отношению к различным направлениям философии. Это порождает специфическую сложность: понимание субъекта в каждом случае получается не вписанным в некоторый философский контекст. Складывается ощущение, что отдельные направления «нелюбопытны» к наработкам других направлений. Одной из установок нашей работы является поиск схождений и переключек между различными направлениями философии относительно проблемы субъекта.

Перейдем к общему контексту философии минувшего века и заострим внимание на проблеме субъекта. Отечественная философия разворачивает перспективу обращения к субъекту в контексте эпистемологии и философии науки. Взгляд на субъект в такой перспективе обращается к планомерному исследованию вопросов, касающихся преимущественно теории познания. Для такого подхода характерно ограничение сферы возможного использования понятия субъекта. К примеру, В. А. Лекторский следующим образом определяет человека как познающий субъект: «человек как познающий субъект имеет тело, которое подчиняется механическим, физическим, биологическим законам. Этот и другие факты имеют определенное отношение к механизмам осуществления познания»⁵⁵. Нам представляется, что отличительной чертой отечественной философии является крен в сторону субъект-объектной дихотомии и сферы активности субъекта познания. Отечественная академическая философия по необходимости наследует советской философии, в которой субъект рассматривался по преимуществу в рамках теории познания и строго соотносился с объектом. Ярко выраженный уклон в гносеологию облегчал коммуникацию между участниками дискурса о субъекте. Процесс обсуждения считавшихся в советской философии ключевыми проблем был интенсивным благодаря единообразному пониманию ключевых понятий.

⁵⁵ Лекторский В. А. Субъект, объект, познание. – М.: Наука, 1980. – С. 55.

Субъект не входил в число основных проблем в советской философии, ввиду чего с его пониманием не возникало больших затруднений.

Понимание субъекта в отечественной философии не ограничивается гносеологическим подходом. Достаточно разработанной позицией является и понимание субъекта через оптику постструктурализма. Потенциальную эвристичность такого взгляда на субъект описывает А. В. Дьяков: «...центром философских исследований сегодня становится субъект и связанные с ним проблемы. Постструктуралистская философия субъекта, предлагающая новые пути решения проблемы субъекта, таким образом, оказывается в центре философских поисков современности»⁵⁶. Исследователи, которые работают с субъектом в парадигме постструктурализма, имеют возможность обращаться к более явно выраженным пересечениям с другими философскими воззрениями.

У постструктуралистской оптики есть специфические ограничения. Главное ограничение постструктурализма – это «смерть субъекта» – работает как целевая установка, отмечает А. В. Дьяков: «Констатация «смерти субъекта» в постструктурализме конца 1960-х – начала 1970-х гг. представляет собой 1) методическую редукцию, позволяющую провести генетический анализ дискурсивного поля знания; 2) прокламирование необходимости деконструкции «классической» модели субъекта как устаревшей, социально репрессивной, а в научном плане – бесперспективной; 3) констатирование сверхдетерминированности социального субъекта в буржуазном обществе»⁵⁷. «Смерть субъекта» как целевая установка постструктурализма работает на сознательное акцентирование внимания к кризису в понимании субъекта. Первый пункт привносит методологический характер определения исследовательской перспективы проблемы, а второй детерминирует уход от понимания субъекта, характерного для философии Нового времени. Наконец, третий пункт связывает понимание субъекта и культурный контекст, в котором он существует.

⁵⁶ Дьяков А. В. Проблема субъекта в постструктурализме: онтологический аспект: диссертация ... доктора философских наук: 09.00.03. – Санкт-Петербург, 2006. – С. 7-8

⁵⁷ Там же. С. 17

С точки зрения философии постструктурализма, субъект в значительной степени скрылся за горизонт понимания для современной философии. Это «исчезновение» субъекта имеет причину в динамике развития философских направлений и фокуса их исследований. Одна из причин видится в том, что субъект в его классическом и текущем «кризисном» представлении не способствует коммуникации и совместной деятельности философов. Потенциальным результатом эффективной коммуникации о субъекте в рамках философии был бы выход на уровень коллективного понимания субъекта, где под «коллективностью» понимается несводимость к сумме активности индивидов.

Мы предполагаем, что ситуация с исследованием может измениться, если для анализа применить подходящий метод. Помимо этого, нам необходима презентативная концепция, на примере исследования которой мы сможем увидеть, как она связана с другими позициями в понимании субъекта. Выявление связей разных философских концепций в отношении субъекта позволит нам представить кризисные модели субъекта горизонтально, в связях между собой и взаимных переходах от одного понимания субъекта к другому.

Мы считаем, что такой метод существует – это модальная методология. Экспозиция метода на основании материала постмарксизма позволяет планомерно рассмотреть проблематику субъекта в современной философии и выделить основные мотивы, повторяющиеся под разными углами рассмотрения в различных философиях в их соотношении с постмарксизмом.

Перейдем к экспликации метода, который мы считаем наиболее подходящим для приложения к проблеме понимания кризисного субъекта. Нам представляется, что подходящим ресурсом для работы с проблемой субъекта обладает модальная методология. Она разработана как развёртывание в языке европейской философии методологических схем индийской философии. Модальная методология пригодна для рассмотрения деятельности основных философских направлений той или иной культурной традиции как взаимно дополнительных. С помощью модальной методологии понимание субъекта в

разных философских направлениях можно рассмотреть в единой исследовательской рамке. Это позволит рассмотреть в исторической перспективе развития все три формы активности субъекта.

Создателем модальной методологии является русско-американский мыслитель Давид Бениаминович Зильберман. Фигура Д. Б. Зильбермана остается для отечественной философии в значительной степени неразработанной. На данный момент включенность его философии в академический дискурс остается фрагментарной. В связи с масштабностью философского проекта Д. Б. Зильбермана первоначальное осмысление его замысла продолжается до сих пор. Медленные темпы освоения творческого наследия Д. Б. Зильбермана связаны, как с малым количеством опубликованных работ и их отрывочностью, так и со сложностью самой модальной методологии.

Опишем основные положения модальной методологии как способа работы с философскими системами. Модальная методология исходит из того, что любая философия не является только суммой воззрений на мир («умозрение»), но проявляет себя и как активный участник преобразования мира («миростроение»). В полной мере интенция к «миростроению», по мнению Д. Б. Зильбермана, была реализована только в ортодоксальной индийской философии и воплощена в деятельности шести ее школ, более известных как даршаны («воззрения»). Европейская философия, напротив, так и не реализовала свой «миростроительный» потенциал. Исключением стала философия марксизма. Как отмечает Д. Б. Зильберман, «когда марксизм оказался привитым к телу общественной жизни России, его сдержанность, западная «условность» улетучились. Он достиг вершины в его собственном понимании – на предельно четкой грани принятия-отторжения. Всякий коммунизм в сравнении с советским марксизмом должен выглядеть либо как абстракция, либо как поверхностное наслоение на всей толще социального

существования»⁵⁸. Под реализацией «миростроительного» потенциала в данном случае понимается активность, включенность философского течения в социальную жизнь рассматриваемой культуры, при которой сохраняется ее аутентичность. Интенции философии к нормативному регулированию пространства мысли инкорпорируются в культурное целое и, в то же время, остаются категориями определенного интеллектуального учения.

Мысль об особенном месте и роли марксизма среди иных философий Запада ещё более предметно выражает Е. Гурко: «Западная философия, по мнению Зильбермана, знает только одну философию, которая получилась в ней и стала, в этом смысле, абсолютной; это - марксизм»⁵⁹. Наш исследовательский интерес и внимание к марксизму (точнее, к одной из его современных вариаций) в значительной степени продиктован вниманием, с которым к марксизму подходил Д. Б. Зильберман.

В полном развёртывании модальная методология предлагалась Д. Б. Зильберманом как способ работы и соотношения философских систем между собой с осуществлением при этом анализа на выявление способности этой философии «быть самой собой», полностью реализовать свой модальный потенциал. В рамках модальной методологии мышление философа творило мир, который им осмыслялся. Приведем пример, иллюстрирующий нашу мысль. Рассматривая смежную проблему касательно модальной логики, А. А. Медова отмечает: «Если понимать возможные миры как состояния знания некоторого познающего субъекта, можно расценивать модальную логику как такую систему, в которой истинность высказывания зависит от позиции наблюдателя. Различное знание об одном и том же объекте будет в этом случае интерпретировано как знание о различных состояниях этого объекта в возможных мирах»⁶⁰. Адаптируя высказывание А. А. Медовой в свете философии Д. Б. Зильбермана, мы получаем следующее: в контексте модальной

⁵⁸ Зильберман Д. Б. Православная этика и материя коммунизма / Пер. с англ. Е. Гурко, под ред. С. А. Семенова. – СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2014. – С. 61

⁵⁹ Гурко Е. Модальная методология Давида Зильбермана / Елена Гурко. – Минск: Экономпресс, 2007. – С. 212.

⁶⁰ Медова А. А. Онтология модальности: диссертация ... доктора философских наук: 09.00.01. – Красноярск, 2016. – С. 50.

методологии каждая философия порождает и постоянно поддерживает собственный мир философствования. Этот мир философствования принципиально связан с местом данной философской концепции относительно других течений философии. При этом актуальная реализация этих миров философствования восходит от гипотетической модальности через экзистенциальную модальность – в нормативную модальность. Иными словами, философия, ставшая «самой собой», становится необходимой – её мир приобретает нормативную модальность.

В полной своей форме модальная методология является масштабной философской системой, по амбициозности замысла которой, как считает Е. Гурко, не было равных в европейской истории: «Если бы Зильберману было отпущено судьбой время, достаточное хотя бы для первичной проработки основных идей, то результатом этого, вне всякого сомнения, была бы не просто выдающаяся философская система, а уникальный философский синтез, равных которому не было в западной, а, возможно, и во всей мировой философии»⁶¹. Мы принимаем тезис о высоком конструктивном потенциале модальной методологии относительно философии. Модальная методология дает широкую иллюстративную рамку для рассмотрения философских проблем, которые не решаются при принятии во внимание единичной исследовательской перспективы. Масштабы философского проекта Д. Б. Зильбермана вынуждают нас прибегнуть лишь к частичному приложению модальной методологии в рамках нашего исследования. Нас интересует выраженное в модальной методологии представление о философских проблемах как результатах коллективной деятельности разных философских систем.

Чем больше масштаб проблемы, тем выше вероятность, что ее решение будет невозможным в рамках одной философской системы, в то время, как в коллективной деятельности разных философских систем рассмотрение масштабных проблем является возможным. В модальной методологии такой

⁶¹ Гурко Е. Модальная методология Давида Зильбермана / Елена Гурко. – Минск: Экономпресс, 2007. – С. 454.

способ рассмотрения проблем во многом связан с заимствованным из индийской философии интеллектуальным приемом ди-видуального конструирования, позволяющего рассматривать ту или иную проблему на стыке деятельности разных точек зрения на неё. Д. Б. Зильберман следующим образом описывает работу модальной методологии: «Для того, чтобы адресовать каким-то образом проблемы, не имеющие материальных коррелятов в моей культуре и потому формально недостижимые, я вынужден разрабатывать новые способы мыслительной активности с ними, способы, не имеющие никаких аналогов в западной культуре. Такая стратегия деятельности означает, что как только обнаруживалось, что я следую какому бы то ни было известному в данной культуре способу мышления, я должен немедленно отказываться и от этого способа, и, по возможности, от того содержания, которое с этим подходом ассоциировалось»⁶². Подход Д. Б. Зильбермана к работе философа предполагает постоянное сопоставление позиции собственного мышления с декларируемой перед началом исследования позицией. Расхождение между процессом рассуждения и занимаемой позицией выводит процесс философствования из области только философии. Методологический подход в философии Д. Б. Зильбермана сочетается со строгим следованием своей позиции по отношению к рассматриваемой проблеме.

Название модальной методологии происходит от использования схем, т.н. модальных формул. В рамки «тернарной» оппозиции, вводимой Д. Б. Зильберманом, в модальную формулу входят Норма (N, norm), Идея (I, idea) и Ценность (V, value). Следует отметить, что в рамках одной модальной формулы два элемента находятся в числителе (левый элемент является Нормой и переходит в Идею, становится транслируемым вовне), а третий – в знаменателе, он недоступен для осмысления в данной позиции, является модальным абсурдом, познание которого из данной позиции невозможно. Пример подобной схемы: $I > N/V$, в рамках содержательного приложения схем

⁶² Зильберман Д. Б. Генезис значения в философии индуизма. – М.: «Эдиториал УРСС», 1998. –С. 116-117.

Д. Б. Зильбермана – эта схема является модальной формулой философии адвайта-веданты, а также и самой модальной методологии. Идея переходит в Норму с Ценностью в знаменателе, в абсурде. Шесть возможных комбинаций Нормы, Идеи и Ценности полностью объясняют, согласно концепции Д. Б. Зильбермана, взаимодействие и обмен философским материалом, происходящий в философии ортодоксального индуизма.

Очевидным приложением модальных формул Д. Б. Зильбермана к нашему исследованию будет являться отражение на примере формул взаимодействия субъектов действия, познания и рефлексии. При этом, в отличие от Д. Б. Зильбермана, мы используем позиции нормы, идеи и ценности по его исходной задумке, но меняем содержание модальностей на, соответственно, Действие (Д), Познание (П) и Рефлексию (Р). К примеру, схема $R > P/D$ будет обозначать Рефлексию, стоящую в позиции Нормы, переходящую в Познание, стоящее в позиции Идеи, с Действием в знаменателе (Ценность). Следует учесть тот факт, что Д. Б. Зильберман предостерегал от использования модальной схемы как самодостаточной вещи: «Центральным положением модальной методологии является то, что фиксируемые модальные отношения (которые мы ниже обозначим символами) ни в коем случае не являются знаками чего бы то ни было»⁶³. Вслед за Д. Б. Зильберманом мы обращаем внимание на то, что схема повышает наглядность исследования, но не несет в себе самостоятельного бытия. Эта схема отражает методологические акценты в работе и не претендует на наличие элементов онтологии.

Наше применение модальной методологии может быть только фрагментарным. Главной причиной фрагментарности служит то, что в своей полноте модальная методология избыточна для нашего исследования. Для полного развёртывания модальной методологии необходимо, чтобы были определены и заняты все шесть позиций, что предполагаются этой философией.

⁶³ Зильберман Д. Б. Генезис значения в философии индуизма. – М.: «Эдиториал УРСС», 1998. – С. 391.

Фрагментарность приложения модальной методологии к исследованию субъекта связана также и с тем, что, как и любая достаточно развитая методологическая концепция, эта философия способна значительно понизить чистоту исследования – как бы «подчинить» объект исследования своей логике. Если объяснить эту ситуацию «искажения» объекта исследования в терминах самой модальной методологии, то получится следующее: модальная методология упорядочивает материал (идеи), который ей предоставила рассматриваемая философия, в таком ключе, что из них в обязательном порядке получается комплекс норм – или $I > N$, согласно модальным формулам Д. Б. Зильбермана. Для смягчения указанного эффекта искажения, мы прибегали к другим сходным взглядам на философию (прежде всего, это подход Р. Коллинза), которые не допускали полного подчинения исследуемого материала основному методу исследования.

Следует отметить, что материалом для модальной методологии являются итоги, результаты предшествующей деятельности других философий. В рамках оперирования схемами модальной методологии выделяется шесть «философских ролей», которые наиболее показательно воплощены в шести школах ортодоксальной индийской философии, в даршанах. При специфичности проблем, понятийного аппарата и методов исследования все даршаны вовлечены в совместное соиздание индийской философии. Это философские системы, которые теснейшим образом переплетены и в то же время сохраняют свою индивидуальность.

Д. Б. Зильберман выстраивает картину семейства текстов даршан как миров. Обращаясь к ортодоксальному индуизму через призму размерности текста в культуре, он пишет: «философствование в классической индийской ортодоксии не могло быть ничем иным, кроме текстовой рефлексии «из текста в текст» и «по поводу текстов». Это позволяет гарантировать уникальность каждой даршаны, несмотря на ее последующее развитие и обогащение новыми

темами и объектами анализа»⁶⁴. Фактически, Д. Б. Зильберман даёт обратную перспективу «миру как тексту» постмодернистской картины мира: корневой текст каждой даршаны становится «миром», в котором разворачивается её активность. Мы можем увидеть существенный общетеоретический момент – модальная методология применима там, где можно выявить интенсивное взаимодействие разных философий и разработку проблематики, которую они понимают схожим образом. Если же алгоритма взаимодействия нет, то модальная методология самым способом своего философствования направляет к выработке этого алгоритма.

Аналогию мысли Д. Б. Зильбермана мы можем найти у Р. Коллинза, который в предисловии к русскому изданию своего фундаментального труда «Социология философий» пишет об ограниченном количестве актуальных позиций в пространстве философствования: «Моя теория состоит в том, что существует лишь малое число позиций в пространстве внимания, доступных в каждом поколении, причем это не просто позиция, но, как минимум, две или три позиции, а максимально примерно шесть позиций, способных успешно привлекать сторонников в следующем поколении»⁶⁵. Р. Коллинз говорит о том, что шесть актуально существующих и уникальных позиций в философии это максимальная емкость для поля внимания⁶⁶. Аналогичное суждение мы встречаем и у Д. Б. Зильбермана – с тем уточнением, что в философии индуизма все шесть позиций всегда заполнены.

Есть еще одно пересечение и идейный спор Р. Коллинза и Д. Б. Зильбермана. Возвращаясь в основном тексте «Социологии философий» к вопросу о количестве возможных позиций в пространстве, Р. Коллинз пишет: «Нижний предел существует, поскольку интеллектуальное творчество является конфликтным процессом. Если вообще происходит какое-либо творчество, то в интеллектуальном мире должна быть такая организационная основа, в которой

⁶⁴ Зильберман Д. Б. Генезис значения в философии индуизма. – М.: «Эдиториал УРСС», 1998. – С. 130.

⁶⁵ Коллинз Р. Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения. (Пер. с англ. Н. С. Розова и Ю. Б. Вертгейм). – Новосибирск. Сибирский хронограф, 2002.– С. 34.

⁶⁶ Тюгашев Е. А. Философия как социокультурный феномен: диссертация ... доктора философских наук: 09.00.11. – Новосибирск, 2018. – С. 49.

существует, как минимум, две позиции, а фактически обычно присутствует по меньшей мере три. Если можно иметь более одной позиции, тогда третья, по крайней мере, всегда представляется доступной: интеллектуальная стратегия, которую можно назвать «чума на оба ваших дома», является весьма выигрышной и живучей»⁶⁷. Нам представляется достаточно симптоматичным, что относительно этого вопроса пути Р. Коллинза (социолог, использующий философский материал) и Д. Б. Зильбермана (социолог, сознательно ушедший в область чистого мышления) расходятся. Там, где Р. Коллинз видит конфликт как двигатель прогресса, Д. Б. Зильберман выделяет сотрудничество как залог долгой и успешной философской работы. В частности, об этом в предисловии к «Генезису значения в философии индуизма» пишет Е. Гурко: «Процедура модального общения в пост-модальном существовании философии предполагает совершенно новое для западной философии понимание философствующего Другого, каковой – не ад, а необходимый и желанный собеседник, в коммуникации с которыми только и возможно философствование»⁶⁸. Таким образом, вопрос о том, конфликтны или дополнительные друг другу разные философии в отношении одной проблемы, является открытым и любопытным. Мы же придерживаемся мнения о том, что для философий более продуктивным является сотрудничество.

Согласно модальной методологии, если мы занимаем определенную философскую позицию, то деятельность остальных пяти позиций будет восприниматься нами как абсурд, невозможная деятельность, «майя» (тьма деятельности); к феномену абсурда обращается, например, Ж. Делез в своем труде «Логика смысла»⁶⁹. В то же время, если мы принимаем во внимание возможность «модального абсурда», то совместная деятельность всех шести воззрений полностью охватывает весь континуум философских проблем.

⁶⁷ Коллинз Р. Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения. (Пер. с англ. Н. С. Розова и Ю. Б. Вертгейм). – Новосибирск. Сибирский хронограф, 2002.. – С. 144-145.

⁶⁸ Зильберман Д. Б. Генезис значения в философии индуизма. – М.: «Эдиториал УРСС», 1998. – С. 57.

⁶⁹ Делёз, Ж. Логика смысла / Пер. с фр. Я. И. Свицкого. – М.: Академический проект, 2011. – С. 53.

Второй из интересующих нас и вписывающихся в тематику работы аспектов модальной методологии заключается в принципе автономии философии. Это автономия, при которой только будучи предельно «философичной» (выполняя именно свои функции, играя в театре культуры исключительно свою роль и не вмешиваясь в роли других «актеров»), та или иная философская концепция способна выполнять культуротворчество, то есть, осуществлять процесс сложным образом понимаемого созидания культуры через то, что Д. Б. Зильберман называл «порождением значения». Он понимал «порождение значения» как свойственный исключительно философии тип деятельности, в котором осуществлялось придание осмысленности её существования в рамках культуры. Это очень важная процедура и центр философии, которая, скажем так, успешно «познала себя». В нашем исследовании этот аспект принимает следующий вид: субъект как феномен приобретает значение, когда его осмыслением с разных сторон занимаются различные философские направления. Под «значением» в модальной методологии понимается итоговый продукт деятельности философии – комплекс норм, который в дальнейшем транслируется за пределы философии и становится нормой поведения и организации деятельности в масштабах культурного ареала, о котором идет речь (культуры Европы, Китая, Индии и т.д.). Отметим особо, что это значение для субъекта в полном виде может быть порождено только благодаря совместной работе различных философий. Иными словами, одна-единственная философия не может выразить значение субъекта целиком: слишком многое останется в «знаменателе», и субъект будет выражен лишь частично.

Следуя модальной методологии, мы можем отметить, что любая единичная позиция является ограниченной, а ее воззрение на проблему не может быть полным. Это касается и субъекта. Одно-единственное понимание субъекта не может покрыть всю сферу его потенциальной активности. Любой разговор, который возможен о субъекте, можно сопроводить вопросом «как

осуществляется активность?» в – и каждая философская концепция, в зависимости от степени важности субъекта для нее, – на этот вопрос отвечает.

Различия между пониманием субъекта в той или иной концепции предполагают формы активности, не сводимые друг к другу. В модальной методологии многостороннее осмысление одного предмета является по структуре шестигранником. Шесть модальных формул предполагают шесть разных видов философствования. Важность тематики субъекта в контексте места философии в культуре можно увидеть через рассмотрение еще двух существенных деталей философии Д. Б. Зильбермана. Во введении к «Генезису значения в философии индуизма» Е. Гурко пишет: «Результаты философской активности / качества определяются Д. Зильберманом в одном из его писем как «философское тело» (термин, используемый Платоном), при создании которого должен осуществиться переход от пустоты имени к полноте бытия (задача, поставленная, но нереализованная, как демонстрирует Д. Зильберман, Платоном)»⁷⁰. Следует отметить, что решение проблемы субъекта в контексте отдельно взятой философской концепции является важным этапом для институционализации этой концепции в контексте культуры, в которой она существует.

Второй аспект затрагивается при анализе Е. Гурко того факта, что даже в индийской философии важен не ключевой текст той или иной философии, а деятельность вокруг него: «Если западный философ при попытке проблематизации своей привычной деятельности (т.е. при её денатурализации), ощущает себя, по замечанию Д. Зильбермана, теряющим почву, как если бы вместо твёрдого основания его рассуждения оказались вдруг построенными на песке, а сам он – помещён в вакуум, то расположение Вед впереди мышления всё меняет – анализ приобретает твёрдую почву, разворачивается на некоторых истинно априорных (ибо до-опытных, точнее, внеопытных, ненатуральных) основаниях»⁷¹. Здесь будут уместны два

⁷⁰ Зильберман Д. Б. Генезис значения в философии индуизма. – М.: «Эдиториал УРСС», 1998. – С. 22.

⁷¹ Там же. С. 24.

замечания. Во-первых, европейская цивилизация в эпоху Средних веков породила богословие, концентрировавшееся вокруг Библии как системы культуры. Во-вторых, если важна деятельность вокруг феномена культуры, то субъект выступает знаком важного механизма в европейской культуре, что может работать в качестве ключевого элемента для её функционирования. Субъект, выступая знаком механизма изменений в европейской культуре, является медиатором культуротворческой активности.

О возможности представления в рамках европейской культуры объекта, аналогичного Ведам, говорит дальше и Е. Гурко: «Интересно, что даже в индийской классической цивилизации возможно существование иных структурных дизайнов (как оснований деятельности неортодоксальных философий), пусть и не выраженных в формах, даже отдалённо приближающихся к Ведам. Это свидетельствует о том, что Веды сами по себе никак не могут быть эквивалентом цивилизации, что гораздо важнее здесь та деятельность, которая разворачивается вокруг и по поводу Вед»⁷². Подытожим это пространное рассуждение о роли текста: работой философа во многом является постановка «совершенного во всех отношениях» текста в центр культуры и организация вокруг него деятельности, которая, концентрически расширяясь, охватывает весь спектр возможных занятий в культуре.

Завершив экспозицию проблемы субъекта в её общих чертах, перечислим основные выводы первого параграфа.

Ключевой особенностью современной философии в контексте нашей темы является отсутствие единого понимания субъекта. Наше понимание субъекта – это философское понятие, обозначающее носителя активности, который активно преобразует противопоставленный ему субъект. Также мы выделяем три формы активности субъекта: познание, действие и рефлексию. Эта дифференциация позволит нам в следующем параграфе рассмотреть представления о субъекте в разных философских направлениях в перспективе, в

⁷² Зильберман Д. Б. Генезис значения в философии индуизма. – М.: «Эдиториал УРСС», 1998. – С. 24

рамках которой они обращаются к одной области (активность субъекта) и по-разному трактуют особенности проявления этой активности.

Для реализации целей исследования нам необходима методологическая рамка, которая позволяет рассматривать деятельность различных философских направлений в понимании субъекта как связанных друг с другом и проанализировать степень совместности в их обращении к данной проблематике. В качестве такой рамки мы используем модальную методологию Д. Б. Зильбермана. Эта философская система даёт нам возможность рассмотреть понимание субъекта в разных философских концепциях как деятельность, в которой можно зафиксировать элементы коллективности и использовать их.

Опираясь на модальную методологию, мы обращаемся к пониманию субъекта в разных философских концепциях, начиная с Нового времени, и фиксируем моменты совместной работы мыслителей над единой проблематикой.

2.2. Генезис кризисных моделей субъекта через призму модальной методологии

Ситуация кризиса заключается в необходимости переосмысления понимания субъекта, к которому приходили разные философы. Мотивы деятельности этих мыслителей исходили из потребностей научной (позитивизм), социальной (неомарксизм и в некоторой степени постструктурализм), психологической (фрейдизм) и даже антропологической (структурализм) практики. Конфигурация субъекта в разных концепциях значительно, но общим было устремление, предполагающее критическое отношение или даже отрицание прежнего состояния проблемы.

Эвристичность применения компаративного подхода к исследованию субъекта опирается на трактовку И. Н. Кругловой: «Компаративистика – это не просто способ исторического сравнения, но методология, направленная на восприятие истории как диалога и со-бытия; это подход, основанный на

стремлении услышать многоголосие бытия – по крайней мере, три голоса: различных культурных традиций, голоса одной традиции, но временно отстоящие друг от друга, и голос-позиция автора исследования»⁷³. Интенция к выстраиванию диалога разных воззрений на бытие субъекта, его понимания в изменяющихся обстоятельствах социума, познания и самосознания, является крайне значимым фактором преодоления кризиса субъекта. Этим фактом обосновано наше обращение к методическим наработкам сравнительной философии.

Нам необходимо более подробно остановиться на вопросе о том, что представляет собой так называемый кризис субъекта. Мы называем «кризисом» ситуацию, когда происходит потеря онтогносеологических ориентиров в рамках той или иной тематики, а существовавшие прежде способы философствования перестают быть эффективными. Кризис вызывает определенное искажение исследовательского поля, а также ситуацию, когда происходит диффузия наиболее вероятных векторов существования и развития тематики с менее вероятными и неявными. То есть, в кризисные периоды мы можем увидеть маловероятные варианты развития⁷⁴. Мы можем определить, какие векторы развития исследовательской проблемы наиболее вероятны, а какие являются ее искажением. Попытки предсказать, какой из вариантов возобладает, малопродуктивны по причине того, что невозможно учесть в своей ограниченной позиции все влияющие на развитие проблемы факторы.

Кризисные модели отличаются от классических моделей субъекта тем, что смещение разных сфер активности в них значительно выше. Иными словами, познание, действие и рефлексия значительно интенсивнее соприкасаются и проникают друг в друга в кризисных моделях. Теоретический аспект понимания субъекта становится все менее прозрачным, а возможность приложения его активности в контексте практики – растет. С точки зрения модальной методологии мы можем отметить, что субъект познания впервые с

⁷³ Круглова И. Н. Метафизика судьбы как онтология свободы: Монография. - Красноярск: СибГТУ, 2007. – С. 5.

⁷⁴ Бадью, А. Манифест философии / Сост. И пер. с франц. В. Е. Лапицкого. – СПб.: Machina. – С. 24.

начала Нового времени попадает в ситуацию «выпадения в знаменатель» некоторых философских концепций. Вопрос познания перестает быть и Нормой, и Идеей в некоторых кризисных моделях субъекта (на языке модальных формул это будет выглядеть следующим образом: $D > P/\Pi$ или $P > D/\Pi$).

Существенное сходство кризисных моделей между собой заключается в способе связи теории и практики. В философии XX в. временной зазор между теорией и практикой уменьшается. Теоретические положения формулируются так, чтобы могли быть корректно воплощены в той или иной практике, причём в обозримые сроки. Принцип уменьшения зазора между теорией и практикой работает и в обратном направлении – прецеденты, отдельные события быстрее становятся предметом теоретического осмысления. Творение как событие, политический акт или социальная новация в момент осмысления уже представляются как прошедшие. Настоящее значительно быстрее становится прошлым – и это тоже элементы ситуации кризиса. Обратной стороной увеличения скорости взаимодействия теории и практики является упрощение концепций субъекта. Это два момента, характерных для кризисных моделей – упрощение субъекта, которым они оперируют, и уменьшение времени, необходимого для перехода от теории к практике.

Субъект проявляет себя в ситуации кризиса как инициатор процесса перевода теории в практику и наоборот. При этом, выделяя три формы активности субъекта (действие, познание, рефлексия), мы имеем дело и с тремя видами практики – практика социального действия, практика познания и практика самосознания. Каждая из них обладает своими особенностями и специфическим образом себя проявляет.

Можно выделить некоторую градацию в отношении формы приложения активности. Субъект действия наиболее склонен к изменениям. Причиной является близость к социальной сфере, в которой он проявляется. Для субъекта рефлексии фактор изменений также является достаточно значимым. Причина в случае субъекта рефлексии – о влиянии других форм, поскольку все три

связаны, и более активно меняющаяся ситуация в области действия меняет ситуацию и в области рефлексии. Наиболее устойчивой и статичной позицией является субъект познания. Причина устойчивости в том, что эта форма активности являлась наиболее существенной для субъекта Нового времени. Классическое понимание субъекта создавалось для решения гносеологических задач. Из этого – закономерное следствие: для философии труднее всего отказаться от прежних представлений о субъекте именно в области познания.

Для появления ресурса, который был использован в кризисных моделях субъекта, решающим фактором стало появление субъекта в начальный период существования философии Нового времени. Более того, как отмечает, к примеру, Е. С. Панкова, говорить о субъекте до Нового времени некорректно: «до формирования нововременного субъекта специфика внутреннего бытия человека, особенности его мышления и деятельности в философии практически не рассматривались. Этот период – античной и средневековой философии может быть назван «досубъектным»⁷⁵. Если исходить из современного состояния проблемы субъекта, то возникновение соответствующих представлений именно в Новое время корректно с точки зрения преемственности текущему состоянию. Если относить возникновение субъекта в европейской философии к более раннему периоду, то, взятый в непрерывности, он не будет соответствовать задачам нашего исследования. Причиной несоответствия будет кризис в понимании субъекта, и критика его классического понимания. Включение более ранних периодов ничего не даст нам в отношении понимания текущей кризисной ситуации.

Отметим несколько существенных аспектов, касающихся кризиса, к которому привело развитие понимания субъекта в философии Нового времени. Исчерпание классического понимания субъекта, особенно в сфере познания, привело к ситуации кризиса, то есть, невозможности в рамках философии

⁷⁵ Панкова Е. С. Интернализация как постмодерный тип соотношения социальных практик и субъекта: диссертация ... кандидата философских наук: 09.00.01 – Казань, 2017. – С. 16.

субъекта продолжать углубление и расширение прежней проблематики⁷⁶. Классическое понимание субъекта подверглось фрагментации, а достигнутые посредством этого понимания интеллектуальные новации были использованы философскими концепциями, которые были построены на иных структурных основаниях. Новые, кризисные, модели субъекта отличались большей простотой в теоретическом разрезе и значительным усложнением механизма перехода из теории в практику. Последовательное углубление и затягивание кризиса субъекта привело к ситуации «смерти субъекта» в философии постструктурализма, которая, являясь примером реализации в философии «конца истории», в то же время взяла на себя работу по рефлексии ситуации кризиса и к началу пути выхода из него. Длительный путь, который привел философию субъекта к состоянию кризиса, предопределил его течение и способы разрешения.

Субъект в философии Нового времени зарождается параллельно в нескольких крупных проектах, связанных друг с другом. Это концепции Р. Декарта, Ф. Бэкона и Г. Галилея. «Оформление «идеи субъекта» как субъекта социального действия было неразрывно связано с общим историческим процессом становления и утверждения модерна»⁷⁷, – отмечает Ю. А. Кимелев. В течение Нового времени в философии основными были концепции рационализма и эмпиризма. Галилеевское понимание субъекта в Новое время находилось на вторых ролях, что можно считать некоторым упущением новоевропейской философии. Реализация потенциала понимания субъекта Г. Галилеем остаётся возможностью, которая может быть использована современной философией.

Философия Нового времени, взятая через фокус концепций субъекта, представляет собой целостное образование с точно указанными задачами, в направлении решения которых и разрабатывался функционал. Возможность

⁷⁶ Комаров С.В., Лумпова М.А. Неклассический субъект видения. Часть I / С.В. Комаров, М.А. Лумпова // Вестник Пермского университета. Философия, психология, социология. - 2021. - №2. - С. 179-190

⁷⁷ Кимелев Ю. А. «Субъект» и «субъективность» в современной западной социальной философии: Научно-аналитический обзор / РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. Отд. Философии; автор Кимелев Ю. А. – М., 2006. – С. 23.

появления именно таких концепций субъекта связана с тем, что распад схоластической философии произошёл в конфигурации, заданной номинализмом⁷⁸. Опираясь на Р. Коллинза, мы можем указать на то, что особенности христианского мировоззрения также оказали свое влияние на становление понимания субъекта: «Антропоморфная религия ведёт к появлению множества философских проблем, которые отсутствуют в более космологически ориентированных религиях, например, в конфуцианстве, даосизме или индийском мистицизме»⁷⁹. Р. Коллинз выделяет два существенных аспекта антропоморфного монотеизма, которые позволили пойти дальше восточных религий в отношении углубления философских проблем: введение проблемы свободы воли, а также формулирование острых религиозных оппозиций, не снимаемых в рамках догмата и требующих выхода в область философии. Описанный пример является ценным, поскольку фиксирует ситуацию, когда один род интеллектуальной деятельности (религия, теология) передаёт другому роду интеллектуальной деятельности (философии) снятие мировоззренчески важной проблемы, неразрешимой в собственных пределах.

Мы не можем обойти стороной становление научного метода и его влияние на развитие представлений о субъекте. Р. Коллинз отмечает, какие изменения в понимание научного метода принесло с собой Новое время: «Происходит двойная революция – взлёт как в математике, так и в естествознании, причём математическая революция совершилась на несколько поколений раньше»⁸⁰. Ключевая новация, которую выделяет Р. Коллинз, заключается в том, что в рамках науки Нового времени границы познания («фронт исследования») стали пониматься как фронт, побуждающий исследователя к дальнейшему исследованию и познанию ранее неизвестного.

⁷⁸ Слинин Я. А. Трансцендентальный субъект: феноменологическое исследование. – СПб.: Наука, 2001. – С. 43-46; Мальцев Я. В. Бог как субъект докартезианской эпохи / Я. В. Мальцев // Научный результат. Социальные и гуманитарные науки. – 2021. – Т. 7. - №3. – С. 4-15.

⁷⁹ Коллинз Р. Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения. (Пер. с англ. Н. С. Розова и Ю. Б. Вертгейм). – Новосибирск. Сибирский хронограф, 2002. – С. 520.

⁸⁰ Коллинз Р. Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения. (Пер. с англ. Н. С. Розова и Ю. Б. Вертгейм). – Новосибирск. Сибирский хронограф, 2002. – С. 682.

Иными словами, научная деятельность приобрела вектор на экспансию и стремительное освоение новых научных горизонтов.

Для успешного развития науки Нового времени требуются совершенно иные способы реализации активности субъекта, чем те, которые имели место в эпохи схоластики и Возрождения. Была создана познавательная схема, которая позже стала известна как субъект-объектная дихотомия. Тесная связь субъекта и объекта позволяла интенсифицировать развитие опытной науки, в результате чего сфера активности субъекта познания стала наиболее существенной для развития философии Нового времени⁸¹.

Ф. Бэкон исходил из того, что для успешного развития естественнонаучных дисциплин необходимо положение субъекта, которое бы тесно связывало его с объектом. При этом статус объекта приоритетен, и менять наше представление о нём могут только конкретные научные исследования, факты, но не субъективные инвенции и рассуждения⁸². Используя модальные схемы, мы можем сказать, что здесь у Ф. Бэкона *П>не-Р/Д* – познание является нормой в рамках его философии и проявляется в конкретной практике созидания мира действия через отрицание рефлексии (переходит в идею, представленную в случае концепции Бэкона, а-рефлексией). Действие – в знаменателе, и не является существенным для Бэкона. А.В. Дьяков утверждает, что целью английского философа было утверждение «чистого разума»: «Бэкон так же, как и Декарт, стремился «очистить» эмпирического субъекта от того, что мешает ему стать «чистым разумом». Освободиться от власти авторитетов, от штампов словоупотребления и невежественных абстракций, а самое главное, от особенностей своего психологического склада – вот что, по его мысли, должно открыть путь к индуктивному познанию»⁸³. Мы считаем, что Ф. Бэкон ставил целью освобождение носителей активности в

⁸¹ Иванов А. А. Понятие субъекта в классической и постклассической философии / А. А. Иванов // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. – 2014. – Т. 2, №2 (18). – С. 56-63.

⁸² Бэкон Ф. Новый органон / Сочинения в двух томах. Т. 2. Сост., общая ред. и вст. Статья А. Л. Субботина. М., «Мысль», 1972. – С. 6 – 486.

⁸³ Дьяков А. В. Проблема субъекта в постструктурализме: онтологический аспект: диссертация ... доктора философских наук: 09.00.03. – Санкт-Петербург, 2006. –С. 34.

познании (практикующих научный метод ученых) от «идолов познания» (рефлексия сознательно отрицается) позволяло осуществлять более интенсивную эмпирическую активность, что и было целью, с которой создавался метод.

Представления Ф. Бэкона впоследствии будут развиты в рамках английского эмпиризма, в котором субъект понимается как активно раскрывающий тайны объекта. В теоретическом плане субъект достаточно пассивен по отношению к объекту. Бэконовские «идолы познания» не позволяют субъекту считать оторванные от объекта суждения эвристичными и расширяющими знание о нём. С другой стороны, сдерживание активности в теоретизировании позволяет в полной мере реализовать практическую составляющую.

Проблемой и ограничением субъекта познания в той форме, которую он принял в английском эмпиризме, является его неспособность к рефлексии. Как мы указывали в отношении философии Ф. Бэкона, ориентир английского эмпиризма – $\Pi > \text{не-Р/Д}$, рефлексия как активность субъекта в рамках этой философии не просто в знаменателе и тем самым абсурдна (модальный абсурд). Даже больше, ее отсутствие (не-Р) является залогом реализации нормы (Π) в том виде, в каком норму понимал эмпиризм. Таким образом, пропустив ситуацию эмпиризма через модальную схему, мы получаем не столько неспособность к рефлексии, сколько функциональное ограничение рефлексии ввиду особенностей работы субъекта познания.

Иную перспективу в понимании субъекта и реализации его активности предлагает Р. Декарт. Следует отметить, что картезианство не антитетично эмпиризму – оно лишь обращается к иным научным дисциплинам – прежде всего, к математике, и, как следствие, – к иным источникам получения истинного знания. В. Декомб отмечает по поводу картезианского проекта, что «Декарт, без сомнения, разрабатывал философию разума, которая по сути является философией осознания ментального акта осознания. Он изобрёл этот

ментальный акт»⁸⁴. Процесс осознания ментального акта, о котором пишет В. Декомб, выступает продуктом активности субъекта рефлексии в рамках философии Декарта. Е. С. Панкова отмечает: «мы обнаруживаем у Р. Декарта две возможности, два модуса субъекта: социальный и гносеологический: субъект действия и субъект познания»⁸⁵. Помимо совпадающего в терминах с нашим проектом словоупотребления касательно субъекта, автор в данном случае обращает внимание, что подобное различие между разными формами активности субъекта включено в саму структуру философии Р. Декарта, на уровне разделения им субстанции мыслящей и субстанции протяженной⁸⁶. Переведя в модальные схемы, мы получим в случае философии Р. Декарта $P > P/D$, рефлексия есть место (Идея), в котором реализуется норма (Познание) картезианства, деятельность все так же в знаменателе.

Если у Ф. Бэкона субъект познания интенсивен благодаря приостановке активности субъекта рефлексии, то у Р. Декарта складывается иная ситуация. Для того, чтобы описать её, сделаем методологическое отступление о структуре субъекта познания, имевшей место в философии Нового времени. Мы утверждаем, что для новоевропейской философии характерна «диффузия» субъектов познания и действия – при том, что это разные формы активности, и смешивание их невозможно. Под «диффузией» мы понимаем непреднамеренное пересечение познания и действия в понимании активности субъекта, приводящее к избыточному расширению области приложения субъекта познания. На наш взгляд, именно этот аспект проблемы субъекта отражает В.В. Лапицкий: «Неразличение понятий «объективная реальность» и «объект познания» приводит либо к универсализации гносеологического аспекта связи субъекта с объектом (существовать – значит быть воспринимаемым), либо к онтологическому дуализму двух субстанций с

⁸⁴ Декомб В. Дополнение к субъекту: Исследование феномена действия от собственного лица / Пер. с фр. М. Голованивской. – М.: Новое литературное обозрение, 2011. – 576 с.

⁸⁵ Панкова Е. С. Интернализация как постмодерный тип соотношения социальных практик и субъекта: диссертация ... кандидата философских наук: 09.00.01 – Казань, 2017. – С. 20.

⁸⁶ Декарт Р. Первоначала философии / Сочинения в 2 т.: Пер. с лат. и франц. Т. 1/Сост., ред., вступ. ст. В. В. Соколова. – М.: Мысль, 1989. – С. 297 – 422.

логически противоположными свойствами, приписываемыми им (Декарт), корреляция между которыми носит мистический характер»⁸⁷. Областью разворачивания активности субъекта познания становится объект познания, а субъект действия разворачивается в объективной реальности. Объективная реальность и объект познания не идентичны. Субъект действия осуществляет активность не в отношении объекта познания, как мы привыкли считать, рассматривая субъект в рамках дихотомии. С другой стороны, субъект познания не имеет дела с объективной реальностью, а имеет дело с объектом познания. Резюмируя, можно сказать, что в случае эмпиризма и рационализма в плоскости субъекта мы видим одинаковую ситуацию: доминирование субъект-объектной парадигмы неразрывно связано с гносеологическим уклоном в философии Нового времени.

Указанная нами «диффузия» проявляется различным образом в концепциях Ф. Бэкона и Р. Декарта. В философии Ф. Бэкона «диффузия» тяготеет к объекту: познание и действие неразличимы не в самом субъекте, а в применении активности по отношению к объекту. В философии Р. Декарта «диффузия» происходит по другой схеме. Познание и действие вступают в «диффузию» в области рефлексии, в состоянии «осознавания», которое посредством определения статуса *cogito* как основы убеждённости в существовании придаёт разрабатываемому Р. Декартом методу особый способ верификации активности субъекта. Если действия, называемые «мыслить» и «существовать» аналогичны, то знание, полученное субъектом посредством внутренней активности (рефлексия), само по себе подтверждается как научное и является аксиомой, применимой для использования в научных дисциплинах. Именно из-за такого статуса субъекта рефлексии его активность сразу полагается и продвигающей вперёд познание, и являющейся сферой подлинного действия.

⁸⁷ Лапицкий В. В. Структура и функции субъекта познания. – Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1983. –С. 29.

Понимание субъекта у Р. Декарта может квалифицироваться как переломное: французский мыслитель совершил сознательный переход в отношении носителя активности. «Начиная с Р. Декарта, субъектность Бога заменяется субъектностью человека. Все еще сильная и определяющая идея Бога уходит на второй план и в новоевропейскую философию на первый план становится идея субъекта и проблема человека как единственно возможного носителя этой субъектности»⁸⁸ – отмечает Е. С. Панкова. Р. Декарт был выразителем тенденции в философии Нового времени, которая заключалась в том, что человек возвращал свою преобразовательную активность, которая в философии Средних веков была от него отчуждена.

Деятельность субъекта в философии Р. Декарта считалась подлинно активной и в смысле познания, и в смысле действия. А.В. Дьяков указывает на своеобразный гносеологический редукционизм, в рамках которого субъект напрямую соотносится с реальностью: «Традиционная теория познания имеет большой недостаток – она впадает в т.н. когнитивистскую ошибку, которая заключается в использовании эпистемологических схем для описания всех без исключения, в том числе и некогнитивных, феноменов человеческого существования»⁸⁹. Редукционизм заключается в исключении из акта познания медиатора, – им выступает объект познания, – между субъектом познания и действительными вещами. Иными словами, область приложения субъекта познания ограничена, но гносеология игнорирует ограничения, что приводит к нарушению доступных познанию границ и к возможности продуцирования знания, не ведущего к истине, которая является эталоном активности, целевой причиной субъекта познания.

Далее нам необходимо рассмотреть подход к субъекту, который можно эксплицировать из воззрений Г. Галилея. Перед тем, как перейти непосредственно к Г. Галилею, вернёмся вновь к «диффузии» субъектов

⁸⁸ Панкова Е. С. Интернализация как постмодерный тип соотношения социальных практик и субъекта: диссертация ... кандидата философских наук: 09.00.01 – Казань, 2017. – С. 17.

⁸⁹ Дьяков А. В. Проблема субъекта в постструктурализме: онтологический аспект: диссертация ... доктора философских наук: 09.00.03. – Санкт-Петербург, 2006. – С. 56.

различной активности, которая неосознанно использовалась в Новое время. Д.Б. Зильберман показывает, как осуществляется переход от познания как процесса освоения реальных вещей объективного мира к пониманию познания как работы с объектом познания, при котором «мышление отдаёт себе отчёт в когнитивной дистанции, которая отделяет его от объекта. Эта дистанция полагается преодолимой посредством деятельности познающего субъекта (**Subiectum**, от греч. **hypoballo**, что означает «замещать», «отсылать», «заполнять»). Осознавая себя как субъект, познание признаёт, что его задача – заполнить разрыв между собой и интересующим его предметом, причём заполнить его совершенно определённым образом – результатами своей деятельности»⁹⁰. Указанный Д.Б. Зильберманом разрыв между субъектом и предметом есть та область, где разворачивается активность в рамках философии Г. Галилея.

Г. Галилей ставит метод в управляющую позицию по отношению к субъекту. Большие успехи физики на протяжении ее истории, начиная с Нового времени, связываются во многом с успешной рецепцией галилеевского эксперимента. Г. Галилей, будучи ученым-практиком (физиком и астрономом), имел в виду потенциальные ограничения эмпирического метода и разрешал их с помощью метода интеллектуального эксперимента⁹¹.

Д. Б. Зильберман сравнивал метод Г. Галилея с йогой, которую в XX веке трактовали как комплекс упражнений для тренировки тела в то время, как «йога есть также название систематического метода мышления, очень похожего по типу на тот, который применяется в современной науке со времён Галилея. То, что роднит эти две разновидности мышления, есть полагаемое каждым из них различие, по типу, который отделил науку не только от донаучных наблюдений, но также и от метода философствования»⁹². Понимание субъекта у Г. Галилея развивается в контексте разработке метода интеллектуального эксперимента. Подход Г. Галилея работает не с субъектом и объектом по

⁹⁰ Зильберман Д. Б. Генезис значения в философии индуизма. – М.: «Эдиториал УРСС», 1998. – С. 105-106.

⁹¹ Галилей Г. Беседы и математические доказательства, касающиеся двух новых отраслей науки / Избранные произведения в двух томах. Т. II. – М.: «Наука», 1964. – С. 109.

⁹² Зильберман Д. Б. Генезис значения в философии индуизма. – М.: «Эдиториал УРСС», 1998. – С. 94.

отдельности, а принимает во внимание и располагающуюся между ними дистанцию в рамках субъект-объектной дихотомии.

Метод Г. Галилея был зафиксирован в новом построении накопления эмпирического опыта в европейской науке в целом. Д. Б. Зильберман предлагает следующее обоснование причины, по которой Г. Галилей перешел к эксперименту нового типа: «Когда Галилей приступил к своим экспериментам, различие между ускоряющимися движениями и движениями с постоянной скоростью было давно и хорошо известно. Но метод сопоставления эмпирически фиксируемых примеров таких типов движения не улавливал разницы между понятиями этих типов»⁹³. Вместо накопления разнородных эмпирических данных об объектах Г. Галилей предпочёл создать в рамках интеллектуального эксперимента «идеальную» модель тела с двумя проекциями движения. Это позволило перейти от работы с движением как свойством, «привязанным» к единичным предметам, к движению как понятию в его «полифонии» возможных свойств, которые могут фиксироваться учёным относительно движущегося тела. Схожее толкование проекта Г. Галилея мы можем увидеть и у Э. Кассирера: «Когда Галилей основал новую науку – динамику, он исходил из понятия полностью изолированного тела – тела, движущегося без воздействия какой бы то ни было внешней силы. Такое тело никогда не было и никогда не может быть наблюдаемо. Это было бы не действительное, а возможное тело, в каком-то смысле это даже невозможное тело так как условие, на котором Галилей построил свои выводы, вообще не может существовать в природе»⁹⁴. С помощью такого переосмысления способа осуществления активности познания Г. Галилей сумел разработать основы новой механики, то есть, деятельности, выходящей далеко за пределы чисто теоретического рассуждения.

Г. Галилей по-прежнему работал с субъектом познания и в этом был схож с Ф. Бэконом. Принципиальное различие заключалось в том, что у Г. Галилея

⁹³ Там же. С. 95

⁹⁴ Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. - М.: Гардарика, 1998. – С. 509.

был проработан способ связи между субъектом и объектом. Дихотомия между ними необходима для того, чтобы активность субъекта познания была продуктивной. При этом «разрыв» между субъектом и объектом у Ф. Бэкона не принимался во внимание, в то время, как у Г. Галилея этот «разрыв» заполнялся результатами работы мышления в рамках интеллектуального эксперимента⁹⁵. На языке модальных формул субъекта в философии Г. Галилея был представлен следующий подход: П>Р/Д, «рефлексия» обозначает воплощение нормы познания в области интеллектуального эксперимента; деятельность – «в знаменателе». Активность субъекта у Г. Галилея была условно произвольной, поскольку рассматриваемые в рамках эксперимента характеристики объекта отбирались с учётом особенностей его «материального» аналога, и в этом было продуктивное ограничение эксперимента, его связь с объективной реальностью, закономерности которой желает обнаружить исследователь.

Подводя итоги относительно понимания субъекта у основоположников философии Нового времени, мы отмечаем, что подход к субъекту познания значительно различался в расстановке акцентов. В рамках проекта «Нового органа» Ф. Бэкон осуществляет «диффузию» субъекта познания с объектом познания, понимаемым строго в контексте эмпирических наук. Р. Декарт, создавая метод радикального сомнения, сближал субъект познания с рефлексией. Г. Галилей увидел возможность оптимизации научного эксперимента посредством сближения субъекта познания с методом познания. Во всех трёх случаях мы видим характерную для периода формирования понимания новоевропейского субъекта «диффузию» с выходящими за рамки субъект-объектной дихотомии «вещами» философского знания. Указанная «диффузия» была полезна в начальный период развития философии Нового времени, но привела к определённым затруднениям в понимании субъекта в период развития философии Просвещения.

⁹⁵ Рябушкина Т. М. Саморефлексия субъекта познания. / Т. М. Рябушкина // Философия и культура, 2013. - №7 (67). – С. 985-995.

В отношении понимания субъекта Новое время разбивается на три периода. После первого периода, связанного со становлением новоевропейской научной парадигмы (а также соответствующего понимания субъекта), наступает кризис эмпиризма в Англии и сложности в попытках применения субъекта на практике, имевшие место во Франции в эпоху Просвещения. Причины и последствия обеих aberrаций были разными, но, в конечном счёте, слились в единой точке – новый период интенсивной теоретической проработки субъекта наступил в немецком идеализме XVIII – XIX вв. Следующим этапом стало завершение проекта новоевропейского субъекта в рамках неклассической философии второй половины XIX в.

Уже в XVII в. обозначились ограничения понимания субъекта, согласно воззрениям Ф. Бэкона: редукция рефлексивной активности субъекта к эмпирическому знанию вызывает перенасыщение поля исследований. В условиях экспоненциально растущего количества фактических данных оказываются возможными ситуации, когда из одних и тех же посылок выводятся прямо противоположные следствия, и, наоборот, из разных посылок – получается одно следствие. Причиной является резкое увеличение количества комбинаций разных фактов при избыточной свободе комбинировать эти факты для познающего субъекта.

Агностицизм и скептицизм стали формами воплощения активности субъекта в контексте философии эмпиризма на втором акте развития понимания субъекта в Новое время. Например, про работу Д. Юма в отношении субъекта пишет А.А. Тихонов: «Д. Юм был фактически первым философом, пытавшимся опровергнуть саму идею субстанции и показать, что идеи Дж. Беркли, направленные на отрицание реального существования «материальной субстанции», вполне могут быть развиты и использованы для более радикальных выводов об отсутствии духовной и душевной субстанций. (...) Реально Д. Юм пришёл к отрицанию самого существования субъекта и

субъективной «субстанции»⁹⁶. Таким образом, перенасыщение поля фактуальных данных Д. Юм предлагал разрешить путем отрицания субъекта как актора, осуществляющего познавательную деятельность. Модальная формула для философии Д. Юма – **P>не-П/Д**, скептическое отрицание познания как активность субъекта это форма реализации субъекта рефлексии.

Во Франции второй акт развития картезианского понимания субъекта привёл к началу эпохи Просвещения. В Новое время основное внимание уделялось субъекту познания, ввиду чего перенасыщение поля исследований и потенциальное наступление кризиса в представлениях о субъекте проистекали преимущественно из области теории познания. Новацией данного периода философии Нового времени стало внедрение идеи прогресса – сильной мировоззренческой позиции, по сей день являющейся средством, направленным на преобразование теоретических положений и окружающей среды. Просвещение в комплексе его проявлений также является способом практической реализации активности субъекта, общая модальная формула просвещения: **П>Д**, нормативное «Познание», проявляющееся в социальной просветительской активности с «рефлексией» в знаменателе. Так же, как и в случае с кризисом английского эмпиризма, смешивание субъекта познания и субъекта действия приводит к своим последствиям. Во Франции это приводит к уверенности, что приобщение масс к новейшим достижениям науки есть самодовлеющий фактор изменения общества. Просветители работают с общественным сознанием, считая, что при этом некоторым образом изменяется и общественное бытие. Причиной вновь является «диффузия» субъектов действия и познания. Для преобразования общества также требуется качественное изменение производительных сил и производственных отношений. Что и происходит во время Французской Революции. Произошедшая революция является закономерным вторым актом, разрешающим противоречие, сложившееся на первом.

⁹⁶ Тихонов А. А. Гносеологическое отношение и проблема становления субъекта познания: диссертация ... доктора философских наук: 09.00.01. – Ульяновск, 2005.– С. 180.

Развитие понимания субъекта после философии Просвещения происходит в рамках немецкого идеализма. Следует отметить, что, в отношении проблемы субъекта мы видим выраженную преемственность. В немецком идеализме удержаны оба значимых следствия предыдущего периода – как фиксация скептицизмом тупиковой ситуации в отношении субъекта, так и опыт Просвещения по реализации активности субъекта в социальной практике.

Мы можем найти развёрнутое объяснение, как понимал субъект И. Кант, в работе Н. И. Яблоковой: «Субъект понимается Кантом как внутренняя активность по переработке чувственного материала через систему категорий, а существование последних подтверждается тем, что они служат для оформления представлений»⁹⁷. Вводя понятие трансцендентального субъекта, И. Кант начинает работу над преодолением указанной выше «диффузии» с методом, рефлексией или объектами естественных наук⁹⁸. И. Кант акцентирует внимание на том, что между субъектом и вещами всегда есть неустранимый медиатор, «вещь-сама-по-себе»⁹⁹. Модальная формула понимания субъекта у И. Канта: $D > P/R$, при этом приоритет практического разума над теоретическим выражается в нормативности действия (ноуменального по своей природе), предписанного к проявлению в области исследования границ разума в рамках критической философии.

По своей форме трансцендентальный идеализм является одной из наиболее последовательных концепций субъекта. Как отмечает Н. И. Яблокова, «вне субъекта не существует объекта, а существует лишь природа. Когда какая-то часть бытия или всё бытие попадает в поле зрения субъекта, тогда они становятся объектом. То, что становится объектом, зависит от опыта либо отдельного субъекта, либо коллективного. До этого момента явление как бы не существовало. Именно поэтому И. Кант считал, что необходимо начинать не с

⁹⁷ Яблокова Н. И. Социальный субъект: Генезис, сущность, факторы становления и развития: диссертация ... доктора философских наук: 09.00.11. – Москва, 2000. – С. 72.

⁹⁸ Спектор Д. М. Время и трансцендентальный субъект. Кант и Гегель / Д. М. Спектор // Философская мысль. – 2017. - № 17. – С. 18-33.

⁹⁹ Косилова Е. В. Парадигмы субъектности / Е. В. Косилова. – СПб.: Алетейя, 2021. – С. 16.

объекта, а с опыта субъекта»¹⁰⁰. Субъект в философии И. Канта становится не просто актором, носителем активности, но и тем, кто совершает творение нового.

Датский философ С. Кьеркегор ни хронологически, ни идейно не входил в орбиту немецкой классической философии, но в отношении проблемы субъекта оказался к ней близок. О.Е. Шнырева отмечает «существующую аналогию между диалектикой С. Кьеркегора и боровским принципом дополнительности. Здесь речь идёт, прежде всего о кьеркегоровском понимании субъект-объектного отношения, которое вытекает из возможности самоанализа субъекта. Помимо того, что размышляя о самом себе, субъект объективирует себя, также в процессе рефлексии субъект никогда не является только объектом, это скорее «субъект-объект»¹⁰¹. Развивая мысль И. Канта о субъекте как творце нового, С. Кьеркегор указывает, что в таком случае актер не преодолевает субъект-объектную дихотомию, но делает себя – своим объектом.

Философия немецкого идеализма подводит черту под развитием классического субъекта Нового времени: понимание субъекта в контексте «диффузии» его с чуждыми объектами реализации активности перестаёт быть актуальным.

После окончания периода интенсивного развития немецкого идеализма мы получаем ситуацию исчерпания классического субъекта Нового времени¹⁰². Основные направления, по которым могло развиваться понимание новоевропейского субъекта, подошли к логическому завершению. Формируются две концепции субъекта нового образца – позитивизм и марксизм. Ближе к концу XIX века появляются ницшеанство и психоаналитическая концепция З. Фрейда. Общая направленность новых

¹⁰⁰ Яблокова Н. И. Социальный субъект: Генезис, сущность, факторы становления и развития: диссертация ... доктора философских наук: 09.00.11. – Москва, 2000. – С. 72.

¹⁰¹ Шнырева О. Е. Проблема субъект-объектных отношений в свете идей неклассической рациональности: на примере развития квантово-механических представлений: диссертация ... кандидата философских наук: 09.00.01. - Нижний Новгород, 2015.– С. 88.

¹⁰² Карнеев Р. Р. Проект реконцептуализации субъекта: незавершённая сборка / Р. Р. Карнеев // Концепт: философия, религия, культура. – 2022. – Т. 6, № 1 (21). – С. 7-19.

концепций субъекта заключается в умалении степени самостоятельности субъекта от внешних факторов¹⁰³. Субъект-объектная дихотомия начинает размываться, но получает неожиданную, с точки зрения модальной методологии, конфигурацию. Представления о противоположности субъекта и объекта в европейской философии не перестают существовать с началом кризиса. Наблюдается движение, сходное с проектом Г. Галилея, но не идентичное в направленности – работать не с субъектом и объектом, а с разделяющей их дистанцией.

Из перечисленных проектов осмысления кризиса остановимся на марксизме, каким он был представлен в деятельности его основателей. Марксизм появился как социально-критическая теория с приоритетом практической деятельности по преобразованию мира (субъект действия).

Важное дополнение, которое было сделано марксизмом, касалось понимания практики. Это было важно для углубления понимания субъекта действия. Следующим образом эта позиция разворачивается в монографии Е.В. Борисова, И.И. Инишева и В.Н. Фурса: «философская концептуализация мира связывается с его революционным практическим изменением; самодостаточная теоретичность философского мышления («созерцательность») опознается как продукт и идеологическое выражение того самого социального отчуждения, которое надлежит преодолеть; идентификация философской рефлексии с «точкой зрения практики» оборачивается постметафизическим преобразованием тематического поля»¹⁰⁴. С другой стороны, у В.А. Лекторского, например, мы можем увидеть существенный момент, который в переводе на язык нашего исследования будет говорить следующее: субъект действия имеет второй гранью своей активности прорыв в социально-преобразовательную активность. Характерно, что марксизм утверждал о необходимости такого

¹⁰³ Бузина О. К. Проблема субъекта и преодоление классической рациональности в западноевропейской культуре второй половины XIX века / О. К. Бузина // Личность. Культура. Общество. – 2009. – Т. 11, №3 (50). – С. 317-323; Русаков С.С. Трансформация концепции субъекта на рубеже XIX-XX веков: континентальная философия / С.С. Русаков // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. - 2022. - №4. - С. 113-126.

¹⁰⁴ Борисов Е., Инишев И., Фурс В. Практический поворот в постметафизической философии. Т.1 – Вильнюс : ЕГУ, 2008. – С. 149

перехода для деятельности философов, прорыва к практике. В. А. Лекторский сформулировал это следующим образом: «Марксистский анализ проблемы познавательного отношения исходит из признания того принципиального обстоятельства, что познание является отражением объективной реальности, существующей независимо от сознания, что сам познающий и сознающий субъект – это природное существо, включённое в объективную реальность»¹⁰⁵. Связывание субъекта с объективной реальностью является существенным моментом для будущей реализации активности субъекта действия. Мы сделаем акцент на том, что субъект включается в объективную реальность именно как субъект действия. Познающий же и сознающий (рефлексия) субъекты включаются в реальность не объективную, но в реальность познания и реальность сознания соответственно. Данное утверждение не означает манифестацию онтологического плюрализма – все три формы активности субъекта обращаются к одному основанию бытия, частичное представление о котором создается совместно, но не является напрямую доступным для индивида.

Марксизм был органичным явлением философии своего времени, объединявшим теоретические императивы совершенно различных философских течений. Свойство синтезировать актуальные и значимые идеи теоретических оппонентов и усиливать тем самым собственную позицию и в дальнейшем останется характерной особенностью марксизма. Существенный аспект понимания субъекта в марксизме мы можем увидеть в исследовании Е. С. Панковой: «Открытая К. Марксом сущность фетишизма выходит далеко за рамки классической капиталистической экономической теории, ставя в центр социальной реальности превращенную форму субъекта, ее иллюзорный вариант. Такой подход фактически переворачивает субъект-объектные отношения. Человек уступает место субъекта капиталу, превращаясь всего

¹⁰⁵ Лекторский В. А. Субъект, объект, познание. – М.,: Наука, 1980. – С. 135.

лишь в его объект и инструмент»¹⁰⁶. Товарный фетишизм в рамках марксизма выступил инструментом деперсонализации субъекта. Размывание источника активности, который в Новое время в значительной степени совпадал с индивидом, привело к нарастанию тенденции к переориентации со свойств субъекта на отношения между субъектами уже не как носителями активности, а её отражателями. Модальная формула марксизма: Д>Р/П, нормативный характер субъекта действия в которой должен был бы проявляться напрямую в социальной реальности, но регулярно принимал форму необходимости предварительного переосмысления этой реальности, «подготовки» для явления в ней преобразовательной интенции марксизма; познание в знаменателе, расширение области известного не является приоритетом для марксизма.

Марксизм позиционировал себя как одну из актуальных для современности философских позиций, но принимал во внимание и позиции оппонентов. Критический настрой марксизма является предметным и держит в фокусе взгляды предшественников, отталкиваясь от которых, утверждает собственные положения. Неожиданно существенную роль для критицизма играет историко-материалистическая составляющая: «Отличительная черта того типа критики, который в принципе представляет собой исторический материализм, состоит в неотъемлемой и постоянной самокритике. Марксизм – это теория истории, одновременно претендующая на то, чтобы быть историей теории»¹⁰⁷. Критическая тональность в марксизме была элементом самоопределения этой концепции и оказала существенное влияние на становление понимания субъекта. При этом, свою нормативную позицию марксизм считает неопровержимой, но с оговоркой, – верной после того, как доказана несостоятельность других позиций в рамках аналогичной проблематики.

¹⁰⁶ Панкова Е. С. Интернализация как постмодерный тип соотношения социальных практик и субъекта: диссертация ... кандидата философских наук: 09.00.01 – Казань, 2017. – С. 28.

¹⁰⁷ Андерсон П. Размышления о западном марксизме; На путях исторического материализма: Пер. с англ. - М.: Интер-Версо, 1991. – С. 156.

Затрагивая ницшеанство и фрейдизм, мы говорим о преддверии появления кризисных моделей. Фрейдизм выступает пограничным явлением: он сочетает в себе черты классического понимания субъекта и особенности кризисной модели. Следует напомнить, что для кризисных моделей характерен крен в сторону субъекта действия, а субъект рефлексии уходит на задний план. Ранняя психоаналитическая концепция выступает примером попятного движения. Если марксизм видит потенциал субъекта действия в социальных преобразованиях, то фрейдизм помещает фокус активности в бессознательное, в психику человека. Модальная формула концепции З. Фрейда: П>(Р)/Д, нормативность субъекта познания (классический субъект Нового времени) проявляется в рефлексивной процедуре переосмысления опыта пациента с применением психоаналитического метода. Особенность психоанализа в том, что «Деятельность» смешивается с «Рефлексией», но остается неопределимой в терминах психоанализа, что и является характерной особенностью функционирования «знаменателя» модальной формулы. Впоследствии, как З. Фрейд, так и его последователи пытались объяснить, какие формы приобретает преобразовательный потенциал субъекта по отношению к внешнему миру. О.А. Доманов отмечает, что понимание субъекта в психоанализе было довольно радикальным: «В том, что касается теории субъекта, Фрейд полностью отказывается от декартовского разделения тела и мышления, т.е. телесной и мыслящей субстанции. Напротив, вполне натуралистически Фрейд пытается вывести мышление из телесных процессов. (...) Тело для него не просто субстанция, а поле неразрешимых конфликтов и неустранимых, но в то же время неосуществимых желаний. Оно никогда не становится полностью прозрачным для сознания. Оно ближе к метафоре, чем к физиологии»¹⁰⁸. Непрозрачность тела (а впоследствии и бессознательного) для пытливого взгляда познающего субъекта, артикулированная в философии психоанализа, выступает знаком кризиса классического понимания субъекта.

¹⁰⁸ Доманов О. А. Теория субъекта в классической и современной философии: Учебное пособие / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2009. – С. 110-111.

Подытоживая, мы акцентируем внимание на том, что новые модели субъекта второй половины XIX в. в своем понимании исходили из принципиальной непрозрачности субъект-объектной дихотомии. Марксизм умалнял возможность прямого взаимодействия субъекта и объекта путем указания на то, что субъект действия в процессе реализации своей активности не может предсказать будущее состояние объекта – это невозможно в силу того, что объект действия несводим к когнитивным процедурам. Фрейдизм же указал на то, что субъект не является прозрачным и для самого себя. В инициативах марксизма и психоаналитической концепции относительно субъекта проявляется повышение степени рефлексии – принимается во внимание «знаменатель», неполная прозрачность мира активности для модели субъекта в каждой конкретной концепции.

Среди кризисных моделей субъекта особое значение имеет философия экзистенциализма. В рамках характерного сюжета для имеющих длительную и продуктивную предысторию философий экзистенциализм сразу после появления захватил значительную область актуальной философии после Первой мировой войны. В отношении проблемы субъекта экзистенциализм был хронологически первым направлением, которое опиралось на представления, развивавшиеся после Г. Ф. Гегеля¹⁰⁹. Опираясь на С. Кьеркегора и А. Шопенгауэра, экзистенциализм получил возможность изначально смотреть на классическое понимание субъекта рефлексивно, обозревать его со стороны. Ключевой для экзистенциализма вопрос о свободе человека имел последствия для его видения субъекта¹¹⁰. Упор на этику и, позже, на политическую практику, фундировал сдвиг в сторону субъекта действия¹¹¹. Модальная формула субъекта в экзистенциализме: $D > P/P$, нормативность действия проявляется в постоянной практике размышления о себе как действующем, на

¹⁰⁹ Машитько С. М. Роль экзистенциализма и диалогизма в деструкции трансцендентального субъекта классической феноменологии / С. М. Машитько // *Universum: Общественные науки*. – 2015. - № 1-2 (12). – С. 5-12.

¹¹⁰ Шиловская Н. С. Человек как субъект, бытие и бытие субъекта в истории и современности / Н. С. Шиловская // *Философские исследования*. – 2012. - № 1. – С. 171-203.

¹¹¹ Самойлов И. Д. Понимание феномена воли в философии экзистенциализма XX века / И. Д. Самойлов // *Тенденции развития науки и образования*. – 2018. - № 37-4. – С. 7-9.

идее рефлексии, познание – в знаменателе. Опираясь на рассуждение В.А. Лекторского, мы можем отметить, что экзистенциализм сделал важный вклад в понимание особенностей субъекта рефлексии: «Обычная субъективная жизнь необходимо предполагает рефлексии. Рефлексия же возможна лишь в том случае, если есть её объект, который задерживает внутренний взор субъекта. Подлинное сознание, бытия для-себя, считает Сартр, абсолютно прозрачно, является полной пустотой, сквозь которую внутренний взгляд проникает, нигде не останавливаясь и ни от чего не отражаясь»¹¹². Следует отметить, что здесь поднимается вопрос о той грани субъекта, которая наиболее сложна и была слабо представлена в философии Нового времени. Именно субъект рефлексии в силу его специфической природы и функций ближе всего к изменению наших представлений об активности – точнее, именно сдвиги в понимании субъекта рефлексии с наибольшей вероятностью тянут за собой изменения понимания активности.

Экзистенциализм имел определенную идейную перекличку с марксизмом в плоскости понимания субъекта. Это было, в частности, следствием сходства их концепций субъекта с упором в практицизм и преобразование мира через деятельность. В марксизме субъект деятельности стоял ближе к субъекту познания: чтобы изменить мир, необходимо знать законы его функционирования и уметь действовать в согласии с картиной мира, которая основывается на знании этих законов. В экзистенциализме же субъект действия стоял ближе к субъекту рефлексии: чтобы осуществлять действие, необходимо обрести внутреннюю свободу.

Иррационалистическая направленность философии экзистенциализма также имела значительное влияние на понимание субъекта. Недоверие к моделям и схемам, которые выстраивает разум, к его императивной лексике вкупе с диктуемой разумом обязанностью осуществлять деятельность согласно набору правил, рождало в экзистенциализме ориентацию на волевую

¹¹² Лекторский В. А. Субъект, объект, познание. – М.: Наука, 1980. – С. 115.

компоненту субъекта. На чувственно-эмоциональном уровне человек слаб, он боится смерти и лишений. Необходим качественный сдвиг, чтобы занять экзистенциалистскую позицию. Этот сдвиг достигается иррационально, посредством волевого усилия.

В отличие от марксизма, экзистенциализм был не проектом преобразования реальности, а реакцией на последствия Первой мировой войны, которая обусловила внешние атрибуты, но не качественную определённую этой модели субъекта. Следует заметить, что речь идёт именно о появлении целостного представления о субъекте, поскольку основы экзистенциализма как направления возникли уже в XIX в. Понимание субъекта в экзистенциализме стало существенным и важным этапом в философии XX в. В нём впервые транслировался субъект действия, истолкованный в иррационалистическом ключе, активность которого была во многом связана с неосознаваемыми характеристиками и проявлялась в социальной среде.

Структуралистская философия стоит особняком среди концепций субъекта первой половины XX в. Прежде всего, структурализм представляет собой в большей степени комплекс методологических установок, а не философское течение. Это приводит к тому, что в нём предметно и подробно описано, как именно существует субъект – ценой определенного забвения онтологического контекста, то есть: что субъект собой представляет¹¹³.

Мы видим определенную переключку с экзистенциализмом, в котором онтологической составляющей пренебрегалось по причине того, что системность онтологии субъекта являлась рациональной его характеристикой, а потому, в лучшем случае, вторичной. Модальная формула структурализма: **Р>П/Д**, нормативность рефлексии делает субъект статичным, сосредоточенным на анализе формы вместо изучения деталей, при этом «знаменатель» модальной формулы не остается без внимания. К примеру, О.А. Доманов считает, что структурализм создал концепт «смерти субъекта» еще до становления

¹¹³ Гурьянова А. В. История без субъекта? Проект освобождения от «Антропологического сна» в исторической эпистемологии структурализма / А. В. Гурьянова // Философия и методология науки. Сборник научных статей VII Всероссийской научной конференции. Отв. Ред. Калашников С. Г. – 2017. – С. 53-62.

постструктурализма: «Именно структурализму мы обязаны тезисом о смерти субъекта или человека. Структурализм противопоставляет себя прежде всего гегелевской философии и феноменологии – так называемой логике идентичности»¹¹⁴. Если понимать «смерть субъекта» как невозможность социального действия, то сам концепт становится формой негативной рефлексии недоступного для постижения феномена действия – «знаменателя» модальной формулы структурализма, недоступной для познания и формализации. В дополнение можем отметить, что А.А. Сербул отмечает, что истоки смены установки заключались в изменении представления вещи как системы, состоящей из элементов: «Истоки установки на «смерть субъекта» находятся в структурализме, ознаменовавшем сдвиг философского интереса с атомарного на структурное, то есть артикулировавшим связи между элементами в качестве приоритетного предмета исследования по отношению к самим элементам структуры»¹¹⁵. Мы наблюдаем выход в надсистему, где вещи становятся элементами возможного, но не существующего актуально, коллективного субъекта.

В структурализме вопрос о сущности субъекта сменяется вопросом о его форме и функциях. Это было продуктивное решение, которое привело к продуцированию разнообразных моделей субъекта. После становления постструктурализма тенденция отразилась и в вопросах социальной практики. Следует ещё раз обратить внимание на то, что структурализм является в большей степени методологией, чем онтологической программой. Если в прежних вариантах понимания субъекта «смешивались» вещи, как они даны нам в мышлении, с вещами реальными, то структурализм меняет перспективу. В нашем мышлении реальны не вещи, а отношения между вещами, которые мы можем выявить. В. Декомб отмечает, что структурализм меняет взгляд на объект: «Структурирована не сама вещь, как это часто полагает литературная

¹¹⁴ Доманов О. А. Теория субъекта в классической и современной философии: Учебное пособие / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2009. – С. 130.

¹¹⁵ Сербул А. А. "Смерть субъекта": философско-культурологический анализ проблемы субъекта в постмодернистском дискурсе / А. А. Сербул // Вестник Полесского государственного университета. Серия общественных и гуманитарных наук. - 2011. - №2. - С. 51.

критика (порой доходящая до того, что указывает в структуре аспекты, которые якобы составляют оригинальность рассматриваемого ею произведения!), но структура, репрезентацией которой может считаться данная вещь и которая сопоставима с другими структурами. Поэтому структурализм переходит от структуры к модели: он реконструирует или воспроизводит данность, за анализ которой берётся»¹¹⁶. Репрезентируя не вещь, но её модель, структурализм разъединяет субъект-объектную дихотомию. Следует заметить, что именно структурализм обозначил переход от создания метафизических моделей в одной (экзистенциальной, по Д. Б. Зильберману) модальности – к моделированию разнообразных структур.

Вклад структурализма заключается в том, что он создал базу для развития самых различных пониманий субъекта, потенциал которой был реализован в постструктурализме. Взаимосвязь структурализма и постструктурализма одновременно проста и необъяснима: «Являясь закономерным продолжением западноевропейской традиции рефлексии о субъекте, постструктурализм не претендовал ни на создание универсальной объяснительной системы, ни на выработку общенаучного метода»¹¹⁷. Это характерная особенность кризисных моделей аспекта субъекта действия – склонность к избеганию полностью выстроенной онтологии.

По словам Е. С. Панковой, постструктурализм стал логическим продолжением кризиса классического понимания субъекта: «Постмодерн завершил дерационализацию субъекта. Лишившись рационального основания, человек теряет свой устойчивый внутренний мир и перестает выполнять возложенную на него функцию субъекта, растворяясь в воздействии знаковых структур и дискурсивных практик на индивидуальное сознание. Абсолютизация социального модуса субъекта приводит к несвободе субъекта, его превращению в результат «эпистемного сдвига», социальных структур в

¹¹⁶ Декомб В. Современная французская философия. – М.: Весь мир, 2000. – С. 86.

¹¹⁷ Дьяков А. В. Проблема субъекта в постструктурализме: онтологический аспект: диссертация ... доктора философских наук: 09.00.03. – Санкт-Петербург, 2006. – С. 23.

объект «социального бессознательного»¹¹⁸. Хотя человек как индивид и теряет функционал субъекта, он не выключается из отношений, предполагающих наличие у него функций актора, носителя активности. Размывание функций субъекта в сетях социальных взаимодействий лишь ослабляет фиксацию субъекта в индивиде, но не устраняет его причастность к активности, которую предполагает субъект¹¹⁹. Модальная формула постструктурализма: (Д)>Р/П, нормативность действия приобретает форму идеи о непрерывной рефлексии социального и культурного мира, а познание «в знаменателе» предполагает невозможность получения объективной истины. Внешнее повторение модальной формулы экзистенциализма в постструктурализме дополняется релятивизацией субъекта действия – его деятельность объявляется иллюзорной в концепте «смерти субъекта».

Структуралистские инвенции в понимании субъекта были восприняты и развиты в постструктурализме. С другой стороны, структурализм был во многом индифферентен к развитию понимания субъекта действия и развивал свои представления о субъекте в некотором отрыве от других пониманий. Постструктурализм же характеризуется повышенным вниманием к социальной практике и активным взаимодействием с воззрениями других философских направлений.

В рамках постструктурализма введён в философский оборот термин «смерть субъекта». Он обозначает кардинальное изменение понимания субъекта в середине XX века. В положительном смысле он являет собой открытие небытия субъекта как его актуальной компоненты, «негатив» активности, а в отрицательном – прекращение существования прежнего концепта субъекта и стоявшей за ним активности. Параллельным шагом стало провозглашение в постструктурализме и «смерти автора» как монополиста на

¹¹⁸ Панкова Е. С. Интернализация как постмодерный тип соотношения социальных практик и субъекта: диссертация ... кандидата философских наук: 09.00.01 – Казань, 2017. – С. 50-51.

¹¹⁹ Панкова Е. С. Кризис картезианской парадигмы субъекта как «эпистемный сдвиг» / Е. С. Панкова // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2016. - № 2 (26). – С. 32-38; Рябушкина Т. М. Рефлексия как метод самопознания: к вопросу о кризисе оснований картезианской и посткартезианских теорий субъективности / Т. М. Рябушкина // Философские исследования. – 2013. - №1. – С. 1-59.

интерпретацию и создание произведений, текстов культуры¹²⁰. При этом, как отмечает А.В. Дьяков, буквальное понимание «смерти субъекта» является некорректным: «смерть субъекта» становится не столько констатацией сверхдетерминированности субъекта в дискурсивном поле или программой деконструкции субъекта картезианства, сколько методологическим приёмом, позволяющим предпринять анализ дискурса, не опираясь на рационалистический концепт субъективности с присущим ему постулированием деятельностного начала всякой практики»¹²¹. Из данного рассуждения выводится следствие: поскольку «смерть субъекта» является методологическим приемом, то никакой действительной «смерти» субъекта не происходит, и попытки актуализации философии субъекта через его «воскрешение» не соответствуют исходному посылу философии постструктурализма¹²².

Следует подробнее остановиться на «негативе» активности и обратиться к модальной методологии. Как отмечает А. А. Сербул, «смерть субъекта в постмодернистском дискурсе завязана на ряде фундаментальных программ философского постмодернизма, среди которых важное место занимает метафизика отсутствия»¹²³. Практическое содержание указанной метафизики заключается в следующем: разрушение онтологических оснований в рамках постструктурализма сочетается с императивом, по которому освобождённое от прежних оснований место должно оставаться пустым. Иными словами, место, которое занимал мир в рамках подвергнутой деструкции онтологии, должно

¹²⁰ Шиканова В. В. Смерть автора в концепции Ролана Барта / В. В. Шиканова // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. – 2014. - №2. – С. 244-249; Айснер Л. Ю., Наумов О. Д. Сознание в ситуации «Смерти субъекта»: к вопросу о сущности неэгологической модели сознания / Л. Ю. Айснер, О. Д. Наумов // Сознание как феномен бытия человека и общества. Сборник научных трудов VII Всероссийской научно-теоретической конференции с международным участием, посвященной памяти доктора философских наук, профессора Татьяны Николаевны Брысиной, под ред. М. П. Волкова. – 2020. – С. 75-78.

¹²¹ Дьяков А. В. Проблема субъекта в постструктурализме: онтологический аспект: диссертация ... доктора философских наук: 09.00.03. – Санкт-Петербург, 2006. – С. 27-28.

¹²² Сыров В. Н. Состоялась ли «смерть субъекта»? / В. Н. Сыров // Философская и правовая мысль. – 2003. - № 5 – С. 160-179; Левченко А. А. Тезис о «смерти субъекта» во французской философии XX века / А. А. Левченко // Форум молодых ученых. – 2018. - № 5-2 (21). – С. 467-472.

¹²³ Сербул А. А. "Смерть субъекта": философско-культурологический анализ проблемы субъекта в постмодернистском дискурсе / А. А. Сербул // Вестник Полесского государственного университета. Серия общественных и гуманитарных наук. - 2011. - №2. - С. 53.

оставаться не-местом¹²⁴. В рабочей схеме модальной методологии «смерть субъекта» может быть обозначена как «знаменатель» модальной формулы, который отсылает к материалу мысли, недоступному к осмыслению из данной философской позиции.

Своеобразное «исчезновение» субъекта в рамках концепции «смерти субъекта» является сложной методологической операцией¹²⁵. Как отмечает А. Н. Ильин, «если, обращаясь к прошлому наследию, мы видим субъекта целостным, автономным, самодетерминирующим, свободным и ответственным, сознательным, то теперь (...) субъект утратил эти характеристики и превратился в симулякр, иллюзию самого себя – иллюзию подлинного субъекта»¹²⁶. Понимание субъекта в рамках постструктурализма выступает как рефлексия одним из направлений современной западной философии ситуации столкновения с деятельностью других философий, активность которых в рамках их (постструктуралистов) деятельности принимает форму «тени» как недоступного для осмысления онтологически, не реализуемого праксеологически («не моя работа») и подлежащего формализации в рамках концепта «смерти субъекта». Иными словами, постструктурализм, являясь, как мы указали выше, комплексом наложений разнородного философского материала, фиксирует, что оказавшие на него влияние философские учения не образуют суммы в отношении интересующей нас проблемы субъекта, что их понимания субъекта по отношению друг к другу, взятые вместе, являются конфликтными и несовместимыми. Если подходить к продуцированию философского знания как к коллективной работе различных философских направлений, то в контексте проблематики субъекта постструктурализм артикулирует «смерть субъекта» как знак «перенасыщения» поля размышлений

¹²⁴ Фаритов В. Т. Субъект и сознание в режиме трансгрессии / В. Т. Фаритов // Философия и культура. – 2015. - № 4 (88). – С. 496-504.

¹²⁵ Фоменко А. П. Проблема субъекта в философии постмодернизма / А. П. Фоменко // Ценности и смыслы. – 2016. - № 2 (42). – С. 8-18; Есина О. Ю. Парадоксальная ситуация «смерти субъекта» в современной философии / О. Ю. Есина // Вестник Поволжской академии государственной службы. – 2011. - № 1 (26). – С. 200-205.

¹²⁶ Ильин А. Н. Субъект в массовой культуре современного общества потребления (на материале китч-культуры): Монография. – Омск: «Амфора», 2010. – С. 91.

о субъекте. Различные понимания субъекта настолько сблизились и образовали столько точек пересечения, что попытка взгляда методолога на них видит одни учения о субъекте, «тенями» накладывающиеся на другие и совместно, в силу сложившейся ситуации, утверждающие о «смерти субъекта».

Второй модификацией понимания субъекта, которая произошла в конце XX в., является «практический поворот». В постструктурализме происходит переосмысление понятий теоретического и практического: «...в современной («постметафизической») философии разнообразно представлена тенденция внутренней «практизации» фундаментальной системы координат философского мышления. Классическое соотношение теоретического и практического здесь переопределяется таким образом, что сфера практического не только расширяется далеко за границы традиционных областей этики и политики (охватывая неявное знание, личностное самобытие, социальные практики, языковую коммуникацию и др.), но и понимается как первичная относительно теоретической установки философии»¹²⁷. Знаком практического поворота является приоритет субъекта действия над субъектом познания. Данный приоритет проявляется в том, что сфера познания уступает место наиболее новационной области для осуществления активности субъекта – сфере действия, осуществляющегося в социуме и впоследствии получающего теоретическую рефлексия.

Подводя итоги, можно отметить, что в контексте нашего исследования постструктурализм является одним из важнейших направлений. Он значительно повлиял на изменения в понимании субъекта и на ту ситуацию, с которой мы сталкиваемся сегодня при обращении к этой проблематике. Кроме того, постмарксизм, выступающий точкой сборки различных представлений субъекта в рамках нашего исследования, сформировался при конструктивном сотрудничестве и неявной оппозиции с постструктурализмом. «Смерть субъекта» в рамках постструктурализма выступает методологической

¹²⁷ Борисов Е., Инишев И., Фурс В. Практический поворот в постметафизической философии. Т.1 – Вильнюс : ЕГУ, 2008. – С. 5.

операцией, призванной не столько обозначить состояние проблематики, сколько призвать к обсуждению вопроса о новом понимании субъекта.

Взаимодействие различных философских воззрений на субъект и взаимное переплетение их взглядов является важным знаком, позволяющим говорить о существовании целостного понимания субъекта в европейской философии. На пересечении воззрений разных философских систем создается понимание, а в процессе коллективной деятельности ткётся значение. Регулярные пересечения в понимании субъекта мы видим в двух важных точках – в начале формирования новоевропейского понимания субъекта и в момент наступления кризиса во 2-й половине XIX в. Первые крупные философы Нового времени считали себя создателями деятельной парадигмы для всего «сообщества учёных». Философы во второй половине XIX в. объединяются в своем критицизме относительно предшествующего наследия, а также переосмысливают основания активности субъекта, вплоть до отрицания.

Взаимодействие разных философских течений относительно интересующей нас проблематики является важным моментом, поскольку одна-единственная индивидуальная философия не в силах охватить весь спектр активности субъекта, присутствующий в культуре в текущий момент. «В знаменатель» внимания отдельно существующей позиции выпадает то, чем могут эффективно заниматься другие философии. В процессе коммуникации с иными философскими воззрениями появляется возможность прийти к пониманию, что природа активности субъекта в их интерпретации иная, но при этом кооперация принимает форму критики.

Выводы главы 1

Переходя к выводам первой главы, мы отмечаем, что для понимания субъекта в философии необходим поворот перспективы рассмотрения проблемы. В эпоху кризиса субъекта, которая наступила после определённого изменения статуса активности субъекта в культуре в течение XIX века, разнообразие взглядов на субъект выросло. Увеличилось и количество подходов к различному воплощению активности субъекта в сферах действия,

познания и рефлексии. Следует отметить, что определённое игнорирование субъекта рефлексии замедляло изменение понимания субъекта в европейской философии.

По результатам первой главы мы получили возможность сформулировать значимые для исследования выводы:

1) Обозначили основные черты кризиса субъекта в современной (XX век) философии. Основными чертами кризиса являются потеря исследовательской перспективы в отношении субъекта, а также общая ситуация «переработки» в отношении концепта субъекта, которая породила тезис о его «смерти».

2) Ввели модальную методологию как центр практикуемого в нашей работе способа исследования. Ключевой для нас особенностью модальной методологии, определившей выбор, явился взгляд Д. Б. Зильбермана на философские проблемы как продукт коллективной деятельности.

3) Было раскрыто содержание понятия «кризисная модель субъекта». Исходя из того, что кризис – это ситуация, в которой прежние способы существования системы становятся нереализуемы по причине их нестабильности, кризисные модели мы определили, как совокупность воззрений на субъект, исходящую из необходимости переосмысления оснований его активности. Помимо этого, кризисные модели обозначают существование субъекта в условиях практического поворота в философии.

4) С помощью приведения перечня исторических моделей субъекта, а также кризисных моделей субъекта была показана их функциональная взаимосвязь и произошедшие изменения. Погружение в этимологию становления активности кризисных моделей субъекта «из настоящего в прошлое» соответствовало основания модальной методологии как основного способа структурировать фактуальные данные нашего исследования. Последовательная реализация нашего метода исследования, позволила высветить линии пересечения интересов разных философий, выявить топологию пространства различных пониманий о субъекте и указать на то, что различные философии в отношении субъекта взаимно дополнительные.

Дальнейшее исследование будет касаться вопроса о модели субъекта в философии постмарксизма, существование которого в насыщенной среде современных рассуждений о субъекте не может быть полным без представления его местоположения среди различных современных философских воззрений на субъект, которые могут многим обогатить видение постмарксизма. В силу выявленных особенностей постмарксизма он, как мы полагаем, может быть продуктивно дополнен иными воззрениями в рамках формирования понимания субъекта в условиях практического поворота в философии и оптимизации работы философии в рамках культурного целого.

Глава 2. Постмарксистская модель субъекта и современное состояние философии субъекта

Цели и задачи главы

Вторая глава исследования рассматривает понимание субъекта в философии постмарксизма. Нам необходим широкий исторический и логический контекст, в который вписан постмарксизм. Мы задали контекст во втором параграфе первой главы, когда продемонстрировали становление новоевропейской модели субъекта от появления в XVII – XVIII вв. до кризиса первой половины XX в. Сформулировав особенности понимания субъекта в постмарксизме, в последнем параграфе мы проанализируем ряд близких постмарксизму современных концепций субъекта, выявим их связь между собой и возможности кооперации. Это позволит нам придать исследованию содержательную полноту и получить достаточно широкую платформу для обозрения современного состояния проблемы субъекта.

Исходя из поставленной цели, выстраиваются основные задачи:

1) С применением понятийного аппарата и наработок модальной методологии выявить истоки и характерные особенности метаморфоз марксистской философии в контексте социальной и культурной ситуаций, которые привели к становлению постмарксизма;

2) Эксплицировать понимание субъекта в концепциях Э. Лакло и Ш. Муффа, а также С. Жижека, на основании обращения к социологическому контексту и взаимодействию данных направлений марксистской мысли с предшествующими линиями развития марксизма, а также в контексте идейного обмена с современниками, принадлежащими иным направлениям мысли;

3) Проанализировать воззрения К. Кастириадиса и Ж. Лакана в отношении разных сфер активности субъекта с применением инструментария модальной методологии, благодаря чему окажется возможным показать, какие новые точки обзора нам предоставляет возможность рассмотрения ситуации с нескольких модальных позиций одновременно;

4) Опираясь на модальную методологию, дополнить интеллектуальные новации постмарксизма сходными по тематике и существенными в контексте развития понимания субъекта элементами воззрений М. Фуко и В. Декомба.

2.1. Анализ постмарксизма как кризисной модели субъекта

Постмарксизм является формацией марксистской философии, которая начала складываться после событий 1968-го г. и получила оформление в 1980-х гг.¹²⁸. Главным событием, повлиявшим на оформление постмарксизма как самобытного течения, является выход в 1985-м году книги Эрнесто Лакло и Шанталь Муфф «Гегемония и социалистическая стратегия». Основная цель Э.Лакло и Ш. Муфф заключалась в том, чтобы расширить марксистскую теорию благодаря включению в неё элементов понятийного аппарата влиятельных и актуальных философских направлений середины 1980-х гг. Как отмечают Д. Фильк и У. Рам, в конце 1980-х гг. начала вызревать волна переосмысления марксизма и роста интереса к нему: «В 1988 г. журнал «Marxism Today» провозгласил наступление «нового времени», определяя его как «качественную переменную» социальной и культурной жизни»¹²⁹. Следует отметить, что рост интереса к марксизму сопровождался не возрождением прежних формаций марксизма, а созданием иной конфигурации марксистского учения в новых социокультурных обстоятельствах.

В отношении идейного наследования к постмарксизму частично относятся воззрения на субъект ряда мыслителей, творивших ранее периода возникновения данного направления. Следует ввести критерии различения между постмарксистами современного периода и их предшественниками. Главный критерий выделения представителей *пост*марксизма – рефлексивное отношение к постструктурализму и культурной ситуации «постмодерна». При этом следует отметить, что представители направления всё же остаются

¹²⁸ Готфрид П. Странная смерть марксизма / Пол Готфрид: пер. с англ. Б. Пинскера. – М.: ИРИСЭН, Мысль, 2009. – С. 123.

¹²⁹ Фильк Д., Рам У. Марксизм после постмодернизма: переосмысливая субъект политики освобождения. / Д. Фильк, У. Рам. // Социологические исследования. – 2015. – №5 (373). – С. 23.

марксистами. В число характерных особенностей марксизма входило некоторое забвение субъекта рефлексии и второстепенность в сравнении с активностью субъекта действия. Мы выделяем творчество двух мыслителей, деятельность которых связана со становлением и развитием этой формации марксизма – Э. Лакло (писавшего в соавторстве с Ш. Муфф) и С. Жижека. Мы также будем рассматривать воззрения на субъект К. Кастириадиса и Ж. Лакана, но не как представителей постмарксизма. В воззрениях Ж. Лакана присутствовало рефлексивное отношение к постструктурализму, но он не придерживался марксистских воззрений; воззрения К. Кастириадиса повлияли на становление концепции Э. Лакло.

О. Ф. Оришева отмечает, что постмарксизм возникает как кризисная формация, ответ на кризис марксистской мысли: «Одной из реакций на духовно-политический кризис марксизма становится постмарксизм, который, строго говоря, нельзя назвать ни течением, ни традицией, ни школой. Скорее, постмарксизм – некая идейная «орбита», в которую (почти всегда лишь отчасти, в определённый период творчества, в определённом аспекте) попадают мыслители самого разного масштаба и степени интереса»¹³⁰. Мы видим более узкое понимание постмарксизма как направленности мысли философа, работающего в парадигме марксизма, воззрения которого могут время от времени затрагивать вопросы, которые позволяют охарактеризовать его как постмарксиста. Такое понимание постмарксизма является более узким по той причине, что сводит разнообразие интеллектуальных ходов, которые можно осуществить, к употреблению наиболее характерных для направления¹³¹. Наша позиция предполагает, что новая генерация той или иной философии порождает и собственный подход к активности субъекта, пусть незначительно, но отличающийся от того, что использовали предшественники.

¹³⁰ Оришева О. Ф. «Политическое» и «социальное» в постмарксистской теории гегемонии. / О. Ф. Оришева // Труды БГТУ. №5. История, философия, филология. – 2010. - №5. – С. 136.

¹³¹ Оришева О. Ф. Политическое измерение социальной теории в постмарксизме. – Минск: РИВШ, 2007. – 132 с.

Возникая как кризисная формация, постмарксизм предполагает определенное понимание субъекта, невозможное при отсутствии ситуации кризиса. Рассмотрим подробнее эту ситуацию. Как отмечалось, кризис понимания субъекта в философии XX в. означает невозможность его осмысления по установленным ранее стандартам. Изменились внешняя и внутренняя ситуации. В силу этого, новые социальные условия предполагают новое понимание проблемы субъекта. На наш взгляд, попытка углубиться в это утверждение аналогична осмыслению субъекта действия: активность субъекта невозможно осмыслить саму по себе, она растворится в пучине синкретического понимания всего многообразия активности человека в рамках культуры. Уловить эту активность в характерных особенностях и саму по себе мы можем лишь при взгляде на нее со стороны иных разновидностей такой же активности – иными словами, исследовать активность субъекта мы можем, если предварительно введём различие форм этой активности.

В то же время, именно через философию субъекта мы можем осуществить попытку актуального взгляда на способ влияния философии на мир. Начиная с Нового времени, понимание субъекта прошло несколько этапов существенных изменений, чтобы прийти к своему текущему состоянию. Одним из направлений, транслирующих современное понимание субъекта, его кризисную сторону, является постмарксизм.

Концепция субъекта в постмарксизме является «гибридной» и существует на стыке «диффузного», переменчивого пространства кризисных моделей. Постмарксизм испытал значительное влияние постструктурализма, поскольку тот был прочно укоренён в культуре, а концепт «смерти субъекта» ощутимо влиял на иные направления.

Марксизм делает особенным наличие догмата и, в то же время, определённой пластичности¹³². Догматом, каноном этой философии является определённый корпус трудов Маркса и Энгельса (важнейшими признаются

¹³² Mandel E. The Place of Marxism in History. – Humanities Press International Inc., 1994. – P. 9-11.

разные работы в зависимости от региона и времени рецепции их воззрений¹³³). Динамику марксистским воззрениям придаёт необходимость приведения в соответствие теоретических оснований к переднему краю науки своего времени¹³⁴. Существенным моментом является необходимость постоянного соотнесения теоретических положений и практической реализации марксизма в текущий момент времени¹³⁵. Для развития теории марксизма важным является тесное взаимодействие с текущим состоянием естественных наук¹³⁶. Чтобы поддерживать на одном уровне собственный преобразовательный потенциал, марксизм всегда обращается к новейшим тенденциям в развитии общества и к новациям социальной жизни¹³⁷.

О ключевой особенности марксизма говорит, например, Р. Гароди: «Марксизм – это философия действия, то есть философия, делающая из сознания и его порождающей и непрерывно его обогащающей человеческой практики подлинную реальность, уходящую корнями в предыдущую деятельность и в реальное и отражающая их»¹³⁸. Помимо преимуществ, акцент на деятельной стороне несет с собой и специфические сложности: субъект действия, осуществляя активность, никогда не «знает» точно, каковы будут плоды его активности¹³⁹. К.Маркс и Ф. Энгельс были осторожны в деталях прогнозов относительно состояния общества будущего. Основатели марксизма всегда имели в виду, что решающее значение имеет не детальность прогноза, а способ постановки вопроса о будущем, позволяющий поддерживать интенсивность активности субъекта действия. Необходимость воздерживаться от детальных прогнозов стала лейтмотивом популярной книги американского

¹³³ Исторический материализм: Дискуссии, размышления, философские проблемы / Пер. и сост. С. Бронштейна (Семковского). – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – 408 с. (Размышляя о марксизме).

¹³⁴ Розов Н. С. Преобразовать марксизм, следуя Марксу / Н. С. Розов // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2018. – Т. 21, №5. – С. 24-43.

¹³⁵ Ойзерман Т. И. Возникновение марксизма / Т. И. Ойзерман. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2011. – С. 307; Rockmore T. *Marx after marxism. The Philosophy of Karl Marx*. Blackwell Publishers, 2002. – P. 4-10.

¹³⁶ Антонова И. К. Марксизм вне политики. Источники, генезис и структура работ Маркса и Энгельса по естествознанию. – М.: Эдиториал УРСС, 2004. – С. 30.

¹³⁷ Труфанова Е. О. О гегемонии, признании различий и социальном конструировании знания / Е. О. Труфанова // Эпистемология и философия науки. – 2018. – Т. 55. - №3. – С. 76-90.

¹³⁸ Гароди Р. Марксизм XX века. – М.: Прометей, 1994. – С. 65.

¹³⁹ Абдильдин Ж. М., Балгимбаев А. С. Диалектика активности субъекта в научном познании. Алма-ата, «Наука» КазССР, 1977. – С. 85

мыслителя Н. Н. Талеба «Черный лебедь»¹⁴⁰, где утверждалось, что всегда существует возможность, когда случаются события, никем не спрогнозированные и неповторимые. Мы видим в этом определенное выражение духа времени, настороженно относящегося к представлениям о будущем, которые не учитывают возможность появления «черных лебедей», о которых говорит Талеб. В условиях, когда структура общества всё усложняется, появляются новые акторы, носители импульса социальных преобразований, а задачи, стоящие перед субъектом действия, последовательно усложняются.

Вопрос о статусе постмарксизма достаточно сложен. Ряд специалистов, принадлежащих этому направлению или исследующих его, называют его *пост-марксизмом*, в котором сохраняется только формальное сходство с ушедшим в прошлое (прежде всего, как политический проект) марксизмом. С. Сим, в частности, отмечает, что постмарксизм являлся объяснимой реакцией на значительное изменение политического климата: распад СССР был причиной, по которой постмарксисты обратились к переосмыслению оснований теории в новых социальных обстоятельствах¹⁴¹.

Существуют также мнения, что постмарксизм является отрицанием наследия марксизма. Например, Д. Фильк и У. Рам отмечают: «Пост-марксисты не отказываются от марксизма, но пытаются выйти за его пределы, переформулировать его, чтобы включить в него постмодернизм»¹⁴². Мы считаем, что подобный вариант сочетания двух философских направлений (марксизм и постструктурализм как философия культуры «постмодерна») проблематичен. Специфическая сложность заключается в невозможности соединения понимания субъекта в марксизме и постструктурализме без метаморфозы, преобразования их в нечто новое. Субъект марксизма предполагает осуществление активности через преобразование социальной

¹⁴⁰ Талеб Н. Н. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. – 2-е изд., доп. / Нассим Николас Талеб; Пер. с англ. – М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2020. – 736 с.

¹⁴¹ Sim S. Post-Marxism: An intellectual history. – Routledge, 2000. – 198 p.

¹⁴² Фильк Д., Рам У. Марксизм после постмодернизма: переосмысливая субъект политики освобождения. / Д. Фильк, У. Рам. // Социологические исследования. – 2015. – №5 (373). – С. 24.

действительности, в то время как вопросы рефлексии и методологии для него вторичны. В постструктурализме превалирует субъект рефлексии. Методологическое осмысление проблемы субъекта в постструктурализме сочетается с дистанцированием от вопросов конкретных преобразований социума. Подобное расхождение в значительной степени подпадает под действие закона противоречия: невозможность соединения этих двух видений субъекта предполагает, что более вероятным вариантом будет являться поглощение более слабой концепции.

Об этом говорит П. Андерсон., который видит в переходе к постмарксизму знак теоретического поражения марксизма: «Доказательство этого поражения, я бы добавил, состоит в триумфальном преобладании структуралистических и постструктуралистических идей и проблем там, где когда-то властвовали марксистские идеи и проблемы...»¹⁴³. Помимо критики, мы можем увидеть в словах П. Андерсона и наследование проблематики: марксизм утратил позицию, которая позволяла ему задавать тон дискуссиям об острых проблемах. Эта позиция перешла к постструктурализму.

Обратимся к генезису постмарксистской модели субъекта. Особенностью марксизма было наличие прочной догматической основы во взгляде на политику. При этом, с течением времени марксизм проявил себя как направление, способное к адаптации к изменяющимся условиям и коррекции практических тезисов своей базовой концепции. Дважды в течение XX в. марксизм значительно видоизменялся вместе с актуальной политической ситуацией. Первым изменением было усвоение теоретических новаций фрейдизма (Франкфуртская школа), а вторым – восприятие постструктуралистских воззрений, которое привело к становлению постмарксизма. Были политические причины, которые способствовали обеим волнам изменений. В первом случае (Франкфуртская школа) это был переход

¹⁴³ Андерсон П. Размышления о западном марксизме; На путях исторического материализма: Пер. с англ. - М.: Интер-Версо, 1991. – С. 178.

западноевропейских обществ к государственному капитализму. Во втором случае – адаптация под условия, созданные корпоративным капитализмом.

Отличительной чертой марксизма было то, что в XIX в. он активно занимал своё место, свою позицию в обсуждении ключевых проблем философии. В силу этого ценностью марксизма была ориентация на активную практику, но, в то же время, с учетом возможности коррекции теоретических положений в связи с развитием позитивного научного знания. В XX в. пространство философствования значительно уплотнилось, и просто так занять новое место не получалось – возникла необходимость конкуренции за внимание с другими концепциями. Учитывая эти обстоятельства, постмарксизм в большем объеме состоит из компромиссных теоретических положений, чем ранний марксизм.

Характерной чертой постмарксизма является существование в политической ситуации, когда субъект действия в марксистской философии ограничен не только политическими, но и культурными рамками. Необходимо провести различие: марксизм с момента своего появления ориентировался на понимание субъекта действия, существующего в конкурентной среде, в кругу многочисленных политических оппонентов. При этом до последнего времени марксистская мысль не была так ограничена в культурной плоскости. Как отмечает В. В. Фурс, постмарксизм оказался сообразен ситуации 1990-х гг.: «...усилению внутренней разнородности и, одновременно, взаимопереплетению национальных обществ, глобальному утверждению неолиберальной гегемонии, оформлению и разрастанию новых политик («политики идентичности», «политики жизни», «политики признания», «субполитик» и т.п.) за пределами конвенциональной «политической сферы общества»¹⁴⁴. Двойственная позиция постмарксизма заключается в том, что в его структуре сочетается стремление к социальному активизму – и в то же время компромиссная позиция относительно политических и теоретических

¹⁴⁴ Борисов Е., Инишев И., Фурс В. Практический поворот в постметафизической философии. Т.1 – Вильнюс: ЕГУ, 2008. – С. 176.

оппонентов. Мысль о двойственности постмарксизма базируется на взгляде Р. Коллинза на то, что находящиеся на пике своего положения в системе социального внимания философские концепции отличаются склонностью к универсализму в контексте попыток объединения под собой всего поля философских дискуссий. В то же время слабеющие и сходящие с пика философские концепции отличаются склонностью к заимствованию элементов иных учений, к синкретизму. В отношении постмарксизма мы видим гибридный вариант – эта концепция существует в эпоху слабости марксистской мысли, но в то же время весьма сильных левых движений, активно влияющих на социальное целое. Мы не можем однозначно отнести постмарксизм к «сильной» или «слабой» стороне поля философского внимания, поскольку в этой концепции переплетаются указанные выше черты.

Функция постмарксизма, заключающаяся в том, чтобы в условиях доминирования либерально-демократических воззрений сохранить полемический и преобразовательный потенциал левого антикапиталистического проекта выражается, например, С. Жижекком в предисловии к книге «Щекотливый субъект»: «Хотя эта книга является философской по своему основному тону, она представляет собой прежде всего ангажированное политическое выступление по острому вопросу, касающемуся того, как нам следует переформулировать левый антикапиталистический проект в эпоху глобального капитализма и его идеологического дополнения, либерально-демократического мультикультурализма»¹⁴⁵. Один из теоретиков постмарксизма прямо заявляет о том, что сверхзадача его деятельности и его сторонников – сохранение актуальности левого проекта в марксистской версии.

Ещё один момент связан с особенностью марксизма, которую отмечал Д. Б. Зильберман и подробно рассматривал в «Православной этике и материи коммунизма»: возможность для марксизма становиться системой культуры. Согласно аргументации Д. Б. Зильбермана, марксизм оказался единственной

¹⁴⁵ Жижек С. Щекотливый субъект: отсутствующий центр политической онтологии / Славой Жижек; пер. с англ. С. Щукиной. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2014. – С. 15.

философией европейской традиции, которая сумела центром сборки всего культурного целого: в советской России марксизм-ленинизм реализовал естественную для философии интенцию к тому, чтобы создавать и сохранять значения, «циркулирующие» в теле культуры, подобно крови. Д. Б. Зильберман отмечает, что жизнь марксизма в СССР была временами гротескной и нелогичной, – но это была жизнь, а не её подобие. Именно советский марксизм является для нас, вслед за Д. Б. Зильберманом, примером, на основании которого мы утверждаем об уникальной позиции марксизма во всей европейской традиции философствования в контексте влияния на культурную и общественную жизнь. Если формализовать наше рассуждение на языке модальных формул, то исходный марксизм стоял на позиции нормативности действия: $D > P/P$, в то время, как воплощенный в культуре марксизм переходил в позицию нормативности рефлексии: $P > D/P$, в которой преобразовательная активность субъекта как норма – уступала место рефлексивной активности субъекта по осознанию и своевременной корректировке своих оснований в интересах социальной практики. Формула постмарксизма аналогична: $P > (D)/P$, но субъект действия, находящийся в позиции «идеи», является эфемерным и недостаточно выраженным, что выражено постановкой его «в скобки».

Следует упомянуть о двух ветвях марксизма во второй половине XX в., что представляли собой ещё две альтернативы появлению постмарксизма. Первой из этих ветвей разберём западный марксизм, представленный Франкфуртской школой. Особенность западного марксизма заключалась в том, что, ввиду социальных особенностей, вероятность реализации на Западе естественной для марксизма активности субъекта в области социального действия оказывалась проблематичной. Теоретики западного марксизма, начиная с А. Грамши, двигались в сторону критической теории.

Фокус внимания в отношении западного марксизма сходится на Франкфуртской школе. Франкфуртские неомарксисты также обновили представление об активности субъекта, существовавшее до них в марксизме. А. В. Дьяков описывает сближение субъекта с объектом в неомарксизме и его

политичность: «Для мыслителей Франкфуртской школы вообще характерно отождествление метода и теории познания с социальным критицизмом; это означает понимание всякого познания как идеологического явления, т.е. деятельности «ложного сознания». Противоположность между субъектом и объектом не имеет собственного онтологического значения, а есть лишь выражение всеобщей нетождественности. Субъект – не вполне субъект, а объект – не вполне объект; они не существуют один без другого»¹⁴⁶. Создавая метод и теорию познания в обязательной сцепке с социальным контекстом, неомарксисты, с точки зрения А. В. Дьякова, приходят к жёсткой субъект-объектной дихотомии – настолько жёсткой, что субъект и объект в ней связаны неразрывно.

Развитие и усложнение социальных связей имеют обоюдный эффект в отношении субъекта, с положительными и отрицательными моментами: «Разум, призванный защищать человека, используется для подавления его личности с помощью культуриндустрии. Лишаясь индивидуальности, человек перестаёт быть субъектом социальных отношений и становится «субъект-объектом» репрессии как жертва и в то же время проводник принципов Просвещения»¹⁴⁷. В предыдущем параграфе мы рассматривали влияние идеологии Просвещения на развитие понимания субъекта. Напомним основные моменты: в рамках эпохи Просвещения активность субъекта предполагается ориентированной на ценность донесения до масс населения истины новейших научных знаний, которая поможет массам совершить верный выбор на пути к более совершенному общественному устройству. В частности, М. Хоркхаймер и Т. Адорно отмечают: «Дистанцированность субъекта от объекта, предпосылка абстракции, имеет своим основанием ту дистанцию к вещи, которая приобретает господином посредством подданного»¹⁴⁸. Как отмечают

¹⁴⁶ Дьяков А. В. Проблема субъекта в постструктурализме: онтологический аспект: диссертация ... доктора философских наук: 09.00.03. – Санкт-Петербург, 2006. – С. 71.

¹⁴⁷ Фейгельман А. М. Понятие субъекта в неклассической диалектике: диссертация ... кандидата философских наук: 09.00.01. – Нижний Новгород, 2014. – С. 73.

¹⁴⁸ Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты / Макс Хоркхаймер, Теодор Адорно // Пер. с нем. М. Кузнецова. – М.: Медиум, Ювента, 1997. – С. 27.

С.В. Комаров и М.А. Лумпова, субъект-объектная дихотомия становится в рамках воззрений Т. Адорно и М. Хоркхаймера элементом подавления и забвения проблемы субъекта: «Следует вслед за Адорно отметить, что репрессивным является не только разделение на субъект и объект, с приматом трансцендентального самоидентифицирующегося самому себе субъекта, или поверхностного признания верховенства объекта, в котором растворяется само понимание субъективности. Философ отвергает и представление субъекта и объекта в виде недефференцированного существования, которое, по мысли Адорно, является переходом к предыдущей ступени развития теоретической мысли»¹⁴⁹. В рамках идеологии Просвещения массы «овеществляются» как объект, но ценностное основание мысли о превращении масс в движущую силу общества предполагает их становление со временем субъектом, что противоречит их текущему состоянию¹⁵⁰. В отношении понимания субъекта Просвещение отрицает само себя: чтобы реализовалась ценностная посылка этой философии, онтология социальности, которую она транслирует, должна прекратить свое существование.

Следует отметить схождение проекта негативной диалектики с нашей позицией относительно роли рефлексии в отношении активности субъекта познания: «позиция познающего субъекта постоянно самоотрицается, трансформируется, следуя за непрерывной трансформацией мира вокруг. Иначе, уверен Адорно, высказывание философа превращается не в вопрошание об истине, а в приговор объекту познания. Мышление не должно коверкать предмет по своему образу и подобию, а исходить из самого предмета, в том числе из его противоречий, далеко не всегда поддающихся понятийному схватыванию»¹⁵¹. Необходимость рефлексии, уточнения собственной позиции приводит к самоотрицанию позиции познающего субъекта – это знак,

¹⁴⁹ Комаров С.В., Лумпова М.А. Неклассический субъект видения. Часть II / С.В. Комаров, М.А. Лумпова // Вестник Пермского университета. Философия, психология, социология. - 2021. - №3. - С. 423-432. – С. 429.

¹⁵⁰ Русаков С.С. Трансформация концепции субъекта в критической философии Т. Адорно / С.С. Русаков // Вестник гуманитарного университета. - 2022. - №3 (38) . - С. 103-110

¹⁵¹ Фейгельман А. М. Понятие субъекта в неклассической диалектике: диссертация ... кандидата философских наук: 09.00.01. – Нижний Новгород, 2014.– С. 78.

характерный для перехода от субъекта познания к субъекту действия. Поскольку, как раз для субъекта действия характерно следование вместе с непрерывно изменяющимся бытием человека. Субъект познания более статичен и дальше отстоит от объекта. К примеру, в «Негативной диалектике» Т. Адорно пишет, что связка субъект-объект противостоит стремлению мышления свести рассуждение к некоему третьему понятию, которое объединит их в синтезе¹⁵². При этом, случаи, когда субъект начинает относиться к объекту как отдельному от него самому, квалифицируются как выход за собственные рамки ввиду «непонимания» субъектом собственных границ. Т. Адорно одновременно утверждает существование дихотомии субъекта и объекта – и пребывание её в статичном положении, поскольку проявление активности было бы нарушением её статуса и началом перехода в состояние некой тотальности.

Подытоживая рассмотрение понимания субъекта во Франкфуртской школе, мы отметим, что важным метафилософским моментом их понимания субъекта была практическая демонстрация возможности марксизма «абсорбировать» сильные новации иных направлений. Такой демонстрацией является вариант «запараллеливания» социального мира и мира индивида через концепт бессознательного, заимствованный в психоанализе, а также способ рассмотрения изменения общества как психотерапевтического акта. Неомарксизм расширил потенциальную сферу активности субъекта на область бессознательного. Была заложена интуиция о возможности рассмотрения и области культурных преобразований («надстройка», языком марксизма) как сферы активности марксистского анализа субъекта.

В отличие от марксизма в странах Западной Европы, восточный марксизм, прежде всего в форме, которую он приобрел в СССР, слился с властными структурами и потерял облик только лишь теории, значительно приблизившись к статусу системы культуры. Этот процесс рассматривает Д. Б. Зильберман в книге «Православная этика и материя коммунизма», где указывает, насколько

¹⁵² Адорно Т. В. Негативная диалектика. – М.: Научный мир, 2003. – С. 161.

много марксизм, обосновавшись на русской земле, взял от господствовавшего до этого в русской культуре православия. Д. Б. Зильберман также выявил существенное сходство между способами действия, работавшими в русской культуре, и теми, которые привнес в неё марксизм.

При изменении социальной роли этой философии в новой культуре, марксизм начал сам меняться, и форма его была весьма необычной в сравнении с теми, которые он имел в западной культуре¹⁵³. В русской культуре марксизм пришел на смену православию и взял на себя культурную функцию этой ветви христианства¹⁵⁴. Марксизм ненадолго (в исторических масштабах) стал матрицей существования всего общества. Это была небывалая позиция в культуре для европейской философской концепции. Как отмечает Д. Б. Зильберман, в советской России впервые в истории европейской культуры философия стала матрицей для созидания всего нового общества. Это повлекло за собой неизбежное изменение и модели субъекта¹⁵⁵. Ориентация марксизма на субъект действия с особой силой проявилась именно в Советском Союзе. Ценой за эту интенсификацию работы теории было её упрощение. При всех недостатках советского марксизма, это был не имевший аналогов вариант трансформации философской концепции в систему культуры¹⁵⁶. Как отмечает Д. Б. Зильберман, в каждой философской концепции есть потенциал к существованию в форме системы культуры. При этом следует отметить, что становление марксизма в роли такой культуротворческой aberrации имеет элементы случайности (системой культуры стал именно марксизм) и необходимости (подобное событие все же произошло). Адаптивность марксизма позволила его пониманию субъекта, прежде всего, как субъекта

¹⁵³ Патырбаева К. В. Субъект исторического процесса в научной философии и проблема субъекта постиндустриального общества / К. В. Патырбаева // Новые идеи в философии. – 2015. - № 2 (23). – С. 37-53.

¹⁵⁴ Межуев В. М. Маркс против марксизма. Статьи на непопулярную тему. – М.: Культурная революция, 2007. – С. 101.

¹⁵⁵ Жилина В. А., Гранин Д. В. К вопросу о роли материалистического понимания истории в определении социального субъекта / В. А. Жилина, Д. В. Гранин // Мировоззренческие основания культуры современной России. Сборник научных трудов IX международной научно-практической конференции. – Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, 2018. – С. 55-57.

¹⁵⁶ Пашинцев Е. В. Классический марксизм и современная Россия / Е. В. Пашинцев // Свободная мысль. – 2021. - № 4 (1688). – С. 47-60.

действия, органично интегрироваться в русскую культуру и ненадолго вступить с ней в консонанс.

Важность советского марксизма для нашего исследования определяется реализацией в этой философии марксистской направленности на субъект в полной мере. Марксистская философия получила в России подкрепление от культурного целого в виде сходных и органично сплетающихся религиозных элементов православия.

В качестве существенных для появления постмарксизма событий мы отмечаем молодежные бунты 1968 г., вдохновлённые левым движением и в то же время подведшие определённую черту под активной стадией развития левой идеи в западных странах. В контексте проблемы субъекта важным аспектом для нас является то, что 1968 г. служит водоразделом, который поставил крест на левой идее и возможности реализации на Западе марксистского проекта в плоскости социального активизма. События 1968 г., происходившие по преимуществу во Франции, породили атмосферу интенсивного обмена мнениями, в которой (при рациональной организации процесса коммуникации) возможно рождение нового. Д. Б. Поляков в монографии о постанархизме отмечает: «Социальный кризис (...) способствовал росту леворадикальных настроений и образованию многочисленных политических групп с соответствующими установками и программами. Маоисты, троцкисты, анархисты, ситуационисты, бок о бок участвовавшие в демонстрациях и столкновениях, тем не менее, рьяно полемизировали друг с другом о том, что касалось теории и фундаментальных принципов текущего протеста»¹⁵⁷. Мы видим характерную особенность активности субъекта – единство устремлений в области социального действия сочетается с продолжением спора в области концептуальной.

Рассмотрев предпосылки появления постмарксизма, перейдем к воззрениям двух мыслителей, которых традиционно относят к данной ветви

¹⁵⁷ Поляков Д. Б. Постанархизм. Субъект в пространстве власти: монография / Д. Б. Поляков. – Чита: ЗаБИЖТ, 2019. – С. 38.

марксизма – аргентинца Э. Лакло (написавшего свою главную работу «Гегемония и социалистическая стратегия» в соавторстве с бельгийкой Ш. Муфф) и словенца С. Жижека. Значимым аспектом постмарксистской философии, существенно влияющим на конкретные теории и воспроизводимым в большинстве из них, является его своеобразная «композиционность». Постмарксизм использует отдельные положения других философских течений, не включая их напрямую в свою концепцию. Отличительной чертой «композиционности» постмарксизма является процедура рецепции воззрений иных концепций: использование положений других философий осуществляется после предварительной продуктивной критики, «очищающей» материал заимствованного концепта от специфики концепции, из которой он заимствуется.

Опираясь на неомарксизм и во многом следуя за ним, постмарксизм интенсивно заимствует взгляды психоаналитической философии на проблемы индивида, которые в некоторых случаях экстраполируются на общество. Несмотря на определённую эклектичность, субъект в философии постмарксизма является эксплицитно выраженным, что представляет несомненный интерес для нашего исследования.

Перейдем к анализу понимания субъекта у Э. Лакло и Ш. Муфф. В случае постмарксизма появление течения и момент «осознания себя» разнесены во времени. Если появление постмарксизма мы можем связать с 1968 г., то рефлексивная фиксация его основных положений, в том числе и в отношении субъекта, происходит в 1985 г., вместе с выходом книги аргентинского социолога Э. Лакло и бельгийского психоаналитика Ш. Муфф «Гегемония и социалистическая стратегия». В этом труде авторы представляют толкование марксизма с точки зрения философии деконструкции. Подвергается модификации и марксистское понимание субъекта: «Э. Лакло и Ш. Муфф осуществляют деконструктивное перепрочтение марксистской традиции, позволяющее преодолеть аксиоматизацию привычных теоретических схем и основных понятий (таких как «производство», «социальный класс»,

«общественная формация» и др.) и представить их как случайные и весьма ограниченные реализации более широкого спектра теоретических возможностей»¹⁵⁸. Мотивом к сохранению верности марксизму, как мы увидим из текста, является сильная позиция марксизма в отношении социальной критики, что является ценным для Э. Лакло и Ш. Муфф при развитии концепции антагонизма.

Э. Лакло и Ш. Муфф дополняют марксистское понимание субъекта – «субъектной позицией» и даже «субъектом отсутствия». С. Сим отмечает, что Э. Лакло и Ш. Муфф с большим подозрением относятся к эссенциалистским претензиям субъекта, воспринимающего себя монументальным, зафиксированным в текущем его состоянии и текущих функциях¹⁵⁹. Несмотря на указанное С. Симом подозрение к фиксированной субъектной позиции, это переосмысление у Э. Лакло и С. Жижека принимает различные формы. Если у Э. Лакло и Ш. Муфф мы видим серьезный крен в политизацию субъекта (вплоть до своеобразной политической онтологии), то у С. Жижека это представляет собой движение через психоаналитическое переосмысление («Реальное» Ж. Лакана) к онтологической фиксации субъекта. Согласно С. Симу, переход к такому пониманию становится возможен благодаря тому, что субъект лишается своей идентичности и становится субъектной позицией в пределах дискурсивных структур¹⁶⁰.

Основой для возможности выделения этой «субъектной позиции» является концепт «гегемонии», обосновывающий ситуацию через политическую онтологию: «Некоторые критики Лаклау даже считают, что он перефразирует языком постструктурализма темы либеральной демократии. Главная проблема концептуализации Э. Лаклау учреждения политического субъекта в том, что она гипер-политична. В этом смысле его подход иронично называют пре-, а не

¹⁵⁸ Борисов Е., Инишев И., Фурс В. Практический поворот в постметафизической философии. Т.1 – Вильнюс: ЕГУ, 2008. – С. 175.

¹⁵⁹ Sim S. Post-Marxism: An intellectual history. – Routledge, 2000. – P. 15.

¹⁶⁰ Ibid. P. 20.

постмарксистским»¹⁶¹. В подобном подходе к политике прослеживается максимализм теоретического замысла Э. Лакло: марксизм, который и формировался как философия, утверждающая главенство экономического фактора над политическим, аргентинский исследователь подвергает инверсии. Этот шаг достаточно понятен с точки зрения субъекта: представления о превосходстве капиталистической экономической системы стали доминирующими с 1980-х гг. Симметричным ответом марксизма выступила радикализация политического пространства взамен традиционного для марксизма поля экономики¹⁶². В обоих случаях мы видим место для реализации потенциала субъекта действия. Если в плоскости экономики для марксизма пространство для маневра практически закрыто, то в области политики остается определенный простор - прежде всего, в отношении разнообразных культурных практик, смежных с активным выражением политической позиции.

Наиболее существенное из используемых Э. Лакло и Ш. Муфф понятий это «антагонизм». Как отмечает В. Фурс, антагонизм в концепции Э. Лакло и Ш. Муфф обозначает недоступное символизации ядро политического действия: «Постмарксистская концепция антагонизма открывает перспективу переосмысления идеи субъекта и разработки неантропоморфной концепции деятельного субъекта. Уже использование модели (дискурсивной) артикуляции позволяет избавиться от понимания действующего человека как инстанции, порождающей и обосновывающей социальный мир: «субъект» – это не человеческое существо, а определенная позиция в дискурсе, которую могут занимать разные человеческие существа, становясь тем самым определенными субъектами»¹⁶³. Мы получаем модально организованное знание относительно действия и впервые сталкиваемся с одной из особенностей понимания субъекта в постмарксизме: он недоступен полной символизации, то есть, не закончен как

¹⁶¹ Фильк Д., Рам У. Марксизм после постмодернизма: переосмысливая субъект политики освобождения. / Д. Фильк, У. Рам. // Социологические исследования. – 2015. – №5 (373). – С. 29.

¹⁶² Йоргенсен, Марианне Ф., Филлипс, Луиза Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод / Пер. с англ. – 2-е изд., испр. – Х. Изд-во «Гуманитарный центр», 2008. – С. 65.

¹⁶³ Борисов Е., Инишев И., Фурс В. Практический поворот в постметафизической философии. Т.1 – Вильнюс: ЕГУ, 2008. – С. 183.

продукт теории. Это может означать первоначальную «неизготовленность» субъекта в постмарксистском понимании, его первичную недостаточность для полного охвата области активности, которая ему принадлежит. Также это может быть и целенаправленным использованием «неполного субъекта», полная экспозиция которого в терминах философии субъекта невозможна или искусственно ограничена. Мы предполагаем, что в случае постмарксизма имеет место быть сознательное использование субъекта, активность которого «темна» для него самого.

Причина, по которой постмарксизм может стремиться к подобному ограничению или сокрытию своего субъекта, достаточно прозрачна: революционный субъект марксизма, существующий в условиях господства толерантности и мультикультурализма, станет просто одним из многочисленных взглядов на общество. Это неприемлемо для любой теории революции, которая стремится через действие приблизить ключевые параметры общества к социальной истине, состоящей в приведении поля социальных интеракций как можно ближе к системе воззрений, которой руководствуются идеологи соответствующей революции. Исходя из этого, неполная явленность субъекта – это залог сохранения теории в специфических обстоятельствах, в которых она вынуждена существовать.

Проект Э. Лакло и Ш. Муфф начинается с деконструкции традиционных положений марксизма, о чём и говорят авторы: «Для перепрочтения марксизма в свете современных проблем необходимо подвергнуть деконструкции центральные категории этой теории. Эту операцию мы и называем «пост-марксизмом»¹⁶⁴. Постмарксизм, использующий элементы философии деконструкции, в представлении Э. Лакло и Ш. Муфф позволяет актуализировать существенные тезисы марксизма в изменившемся социально-культурном контексте. Несмотря на то, что время универсальных концепций прошло, Э. Лакло и Ш. Муфф считают важным обращение к Марксу и его философии. Авторы избирательно подходят к тому, какие элементы

¹⁶⁴ Laclau E., Mouffe C. Hegemony and socialist strategy. – Verso, 2001. – ix.

марксистской концепции необходимо подвергнуть деконструкции и реформировать. С их точки зрения, всерьез говорить о допустимости применения категорий марксизма к современным реалиям можно лишь в том случае, если марксисты откажутся от представления о том, что их философия в эпистемологическом отношении находится в привилегированном положении относительно других участников дискурса¹⁶⁵.

Авторы критикуют марксизм, а точнее, его состояние после Второго интернационала, в том числе марксизм-ленинизм. Э. Лакло и Ш. Муфф пытаются обратить внимание на плюрализм и теоретическую гибкость, которая заложена в марксизме. Именно такой подход, с точки зрения авторов, позволит сохранить марксизм как сильную политическую позицию¹⁶⁶. Э. Лакло и Ш. Муфф достаточно осторожны в обозначении своей позиции относительно либеральной демократии: «Важно понимать, что либеральная демократия не является врагом, который должен быть уничтожен в процессе революции и построения принципиально нового общества. Это именно то, о чем мы говорим в нашей книге, когда настаиваем на необходимости переопределения левого проекта в терминах «радикализации» демократии»¹⁶⁷.

В теоретических выкладках Э. Лакло и Ш. Муфф читается обращение к идеям либеральной демократии. В зависимости от точки обзора, мы можем увидеть в подобной манере отношения к либеральной демократии (политической основе капитализма конца XXв.) определенный оппортунизм марксизма Э. Лакло и Ш. Муфф, стремление к компромиссу. В то же время, сменив точку обзора, мы видим совсем иное. Это – стремление изменить проект либеральной демократии изнутри, реформировав его характерными для левого политического проекта идеями и интеллектуальными акцентами¹⁶⁸. В некоторой степени, это реализовалось в следующие четыре десятилетия – от появления «Гегемонии и социалистической стратегии» в 1985 г. и до

¹⁶⁵ Laclau E., Mouffe C. Hegemony and socialist strategy. – Verso, 2001. – P. 4.

¹⁶⁶ Ibid..

¹⁶⁷ Ibid. xv.

¹⁶⁸ Гололобов И. В. Теория политического дискурса Эрнесто Лаклау: Введение // Бюллетень: Антропология, меньшинства, мультикультурализм. – Вып. 3. Краснодар, 2003. – С. 129-136.

настоящего момента. Э. Лакло и Ш. Муфф достоверно предсказывают грядущие события. Возрождение политического влияния «левых», правда, произошло не вокруг идей марксизма, а в борьбе за права меньшинств, чернокожих и за перераспределение социальных благ.

В одном из фрагментов «Гегемонии и социалистической стратегии». Э. Лакло и Ш. Муфф пишут говорят о том, что разрыв (пробел, расщеп) между теорией и практикой является симптомом кризиса¹⁶⁹. Согласно рабочему определению «кризиса» в нашем исследовании – это состояние, в котором прежние способы познания мира через теорию и освоения через практику перестают работать, и мы сталкиваемся с тем, что все вариации нашего взаимодействия с миром равнозначны в своей непредсказуемости.

Э. Лакло и Ш. Муфф делают масштабное обозрение политической и идеологической борьбы в среде российских социал-демократов после революции. Слово «гегемония» у Э. Лакло и Ш. Муфф близко по значению с тем, что в СССР называли «диктатурой». Помимо этого, они подробно рассматривают и вопрос о том, какой вклад в развитие идей социализма внесли зарубежные по отношению к Союзу теоретики и практики. В число таких деятелей марксизма они включают, в частности, А. Грамши и Мао Цзэдуна. Проблемы, встающие перед социализмом, рассматриваются строго в контексте исторических событий.

В контексте понимания Э. Лакло и Ш. Муфф социальной реальности О. Ф. Оришева отмечает: «Именно опыт антагонизма, противоборства политических волей, позволяет осознать тот факт, что социальная реальность никогда не является объективной данностью, что нет общества вообще, но лишь конкурирующие между собой проекты общества»¹⁷⁰. Общество всегда является суперпозицией проектов, взглядов на него. В такой интерпретации Э. Лакло и Ш. Муфф с их концепцией антагонизма приближаются к нашему

¹⁶⁹ Laclau E., Mouffe C. Hegemony and socialist strategy. – Verso, 2001. – P. 14.

¹⁷⁰ Оришева О. Ф. «Политическое» и «социальное» в постмарксистской теории гегемонии. / О. Ф. Оришева // Труды БГТУ. №5. История, философия, филология. – 2010. - №5. – С. 138.

пониманию функционирования субъекта действия¹⁷¹. Чем более конкурентной является область знания или действия и чем большую рефлексивность того или иного философского направления в отношении этой области мы можем увидеть – тем больше преобразовательный потенциал этой философии.

Перейдём к объяснению особенностей понимания Э. Лакло и Ш. Муфф субъекта как «субъектной позиции». В «Гегемонии и социалистической стратегии» авторы используют категорию «субъекта» всегда в значении «субъектной позиции». Субъекты же ни в каком виде не могут быть основанием социальных отношений¹⁷². Субъектная позиция является не индивидуальным основанием активности субъекта – но не ввиду его имманентных качеств, а вследствие свойств, которые субъект обретает, заняв определенную позицию. Это позволяет внести в понимание субъекта гибкость – его активность не задана раз и навсегда, но определяется занимаемой позицией и может меняться. Данное положение авторы считают соотносящимся с основаниями марксизма. Постоянный лейтмотив их мысли заключается в том, что под субъектом понимаются социальные классы, единство которых конституировано вокруг интересов, обусловленных их позицией в производственных отношениях¹⁷³. Итак, социальное местоположение субъекта имеет решающее значение для его самоопределения.

Усложняя свое понимание общества, Э. Лакло и Ш. Муфф пишут, что незавершенный характер любых обобщений заставляет отвергнуть такое основание для анализа, в котором понятие «общества» понимается как самоочевидное. Поскольку, с их точки зрения, нет единого субстрата для наших размышлений об обществе, все потенциальные рассуждения строятся в поле различения¹⁷⁴. Проявленное недоверие к обобщениям сближает теоретиков постмарксизма с представлениями модальной методологии. В системе

¹⁷¹ Фомин К. В. Поворот к политическому как тенденция современной критической теории: проблема автономии политики. / К. В. Фомин // Философия и общество. – 2020. - №1 (94). – С. 48-66.

¹⁷² Laclau E., Mouffe C. Hegemony and socialist strategy. – Verso, 2001. – P. 115.

¹⁷³ Ibid. P. 118.

¹⁷⁴ Ibid. P. 111.

Д. Б. Зильбермана подобное недоверие было схематически оформлено в виде концепции «запланированного непонимания», которые мы неоднократно в работе именовали «знаменателем модальной формулы».

Подводя итоги анализа концепции Э. Лакло и Ш. Муфф, мы должны отметить, что интенсификация акцента на области политики как сфере реализации активности субъекта вкупе с введенной концепцией антагонизма позволяет увидеть в этом проекте амбициозный и продуктивный план пересмотра марксизма в контексте новых веяний в философии и политике в конце XX в.

Перейдем к рассмотрению воззрений на субъект словенского философа С. Жижека, который является представителем единственной ветви восточного марксизма, сохранившейся после событий 1980-1990-х гг., а именно – люблянской школы психоанализа. В контексте рассуждений о субъекте С. Жижек является сторонником идей Ж. Лакана и Л. Альтюссера, сотрудничает с А. Бадью и (ранее) с Э. Лакло.

Субъект в концепции С. Жижека представлен явным образом и перекликается с воззрениями Э. Лакло и Ш. Муфф. В. Фурс отмечает: «субъект – это парадоксальная сущность, которая является своим собственным отрицанием, которая существует лишь постольку, поскольку ее полная реализация блокирована (и, вообще говоря, полностью реализованный субъект был бы уже не субъектом, а субстанцией)»¹⁷⁵. Ценным представляется замечание о принципиальной незаконченности субъекта, которая и делает его субъектом.

Ключевым термином философии С. Жижека, который появляется при обсуждении целого спектра философских вопросов, является Реальное. Следует отметить, что Жижек значительно расширяет содержание понятия Реального и, в целом, сферы применения структурного психоанализа в сравнении с тем, что было у Ж. Лакана. У С. Жижека Реальное в отношении субъекта является

¹⁷⁵ Борисов Е., Инишев И., Фурс В. Практический поворот в постметафизической философии. Т.1 – Вильнюс : ЕГУ, 2008. – С. 189.

иррациональным основанием деятельности, принципиально не поддающимся осмыслению.

Понимание субъекта в концепции Жижека своеобразно перекликается с самыми ранними кризисными моделями и даже с кантовским видением вопроса. Он особым образом защищает «сильную» модель субъекта в аспекте его самоактивности, не зависящей от антуража, ангажированности и вписанности в тот или иной дискурс. Философию С. Жижека сложно квалифицировать как пригодную для активных социальных преобразований по меркам марксизма. Следует при этом отметить, что С. Жижек сознательно работает над тем, чтобы удерживать, говоря терминами Р. Коллинза, «поле внимания» в философии, которое принадлежало марксизму с момента его появления¹⁷⁶.

Наиболее интересной в отношении проблемы субъекта работой С. Жижека является «Устройство разрыва: параллаксное видение». Первое приближение к представлению словенского философа о работе «параллаксной оптики» может быть следующим: разбирая ряд исторических событий, происходивших параллельно, он заключает, что их одновременность может привести нас к выстраиванию ложной связи между ними. «Не в этом ли состоит урок установления связи между Великой французской революцией и немецким идеализмом: будучи двумя сторонами одного и того же исторического момента, они не могли непосредственно пересечься, то есть немецкий идеализм смог появиться только в «отсталых» немецких условиях, где никакой политической революцией и не пахло?»¹⁷⁷ – задаётся риторическим вопросом С. Жижек и отмечает, что Великая французская революция и немецкий идеализм были сходными явлениями, но существовавшими в разных плоскостях¹⁷⁸. Мы отмечаем, что эти два явления осуществляли одно и то же действие, а именно –

¹⁷⁶ Жижек, С., Руда, Ф., Хамза, А. Читать Маркса [Текст] / Пер. с англ. Д. Кралечкина; под науч. ред. С. Щукиной; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. – С. 25.

¹⁷⁷ Жижек С. Устройство разрыва. Параллаксное видение. – М.: Издательство «Европа», 2008. – С. 11.

¹⁷⁸ Бушмакина О. Н. Proxima: Славой Жижек. Семинары 2007-2008 / Удмуртский государственный университет; О. Н. Бушмакина [Текст]. – Ижевск: ERGO, 2010. – С. 78.

переход ко второму акту развития субъекта Нового времени, в плоскости политики и чистой философии соответственно.

Достаточно интересным вопросом, который затрагивает С. Жижек, является соотношение субъекта и объекта. Согласно общей линии своих рассуждений в «Устройстве разрыва», он отмечает, что различие между субъектом и объектом иллюзорно: «субъект» и «объект» - это не две сущности, которые взаимодействуют на одном уровне, а один и тот же X на противоположных сторонах ленты Мёбиуса - пользуясь гегелевско-кьеркегоровским языком, «субъект» и «объект» определяют один и тот же X, понятый либо в форме «бытия» (объекта), либо в форме «становления» (субъекта), либо в форме самотождественной (непосредственной) последовательности результата, либо в форме динамического порождающего процесса. *Objet a* – это парадоксальный объект, который и есть субъект»¹⁷⁹. В данной фразе С. Жижек делает сразу два существенных замечания. Если субъекта не существует до активности, то понимание субъекта у С. Жижека получается содержательно марксистским, а именно: субъект становится собой, когда переходит в свою активность. Второй момент ещё интересней. Упомянутая характеристика субъекта как становления в качестве другой грани объекта, понимаемого как бытие. Получается своеобразный субъект действия, который в самом себе в то же время является вечно становящимся субъектом, что удваивает динамику.

Обратимся к концепту, который С. Жижек заимствует в структурном психоанализе Ж. Лакана и значительно расширяет сферу его применения, к Реальному. В «Возвышенном объекте идеологии» С. Жижек описывает Реальное в его единстве двух аспектов: 1) как ядра вещей, недоступного для символизации; 2) как химерической сущности, не обладающей собственной природой¹⁸⁰. Эта двойственность важна, поскольку отражает и описывает внутреннюю природу субъекта, который будет осуществлять активность,

¹⁷⁹ Жижек С. Устройство разрыва. Параллаксное видение. – М.: Издательство «Европа», 2008. – С. 181.

¹⁸⁰ Жижек С. Возвышенный объект идеологии. – М., Художественный журнал, 1999. – С. 171

исходя из того, что в его центре – всё то же Реальное, твёрдое и недоступное для познания, символизации.

Когда С. Жижек говорит о Реальном, оптика рассмотрения субъекта меняется и дополняется. В «Устройстве разрыва» он пишет, что «...Реальное представляет собой не недоступную Вещь, а РАЗРЫВ, который препятствует нашему доступу к нему, «подспудный» антагонизм, который искажает наше видение воспринимаемого объекта в частичном видении»¹⁸¹. Представление об истине, которая существует только как истина искажённого видения, напоминает мысль, которую словенский философ выразил в книге «Киногид извращенца» и обозначил как онтологию незаконченной реальности¹⁸².

Ещё одним существенным термином, который использует С. Жижек и который может быть применён к исследованию субъекта, является идеология. Как отмечает С. Сим, модель идеологии у С. Жижера придает меньшее значение государственному аппарату, чем это было в неомарксизме. Проблема понимания идеологии коренится в человеческой психике и невозможности существования без идеологии¹⁸³. Идеология становится своеобразным критическим (в кантовском значении) ограничением активности субъекта, его рамкой. В отношении восприятия социального мира идеология выступает областью, выход за которую грозит субъекту столкновением с Реальным – травматическим основанием мира, не приспособленного к освоению через символы, к которому привык субъект.

Разбирая взаимодействие сна и реальности в «Возвышенном объекте идеологии», С. Жижек отмечает, что «всегда существует непроницаемое ядро, остаток, не могущий быть сведенным к игре иллюзорных отражений. Различие между Лаканом и наивным реализмом в том, что, по Лакану, единственная точка, в которой мы касаемся этого непроницаемого ядра, – это как раз сновидение. После пробуждения в действительность мы обычно говорим: «Это

¹⁸¹ Жижек С. Устройство разрыва. Параллаксное видение. – М.: Издательство «Европа», 2008. – С. 378.

¹⁸² Жижек, С. Киногид извращенца: Кино, философия, идеология: сборник эссе / Славой Жижек; предисл. А. Павлова; пер. с англ. – Екатеринбург: Гонзо, 2014. – 472 с.

¹⁸³ Sim S. Post-Marxism: An intellectual history. – Routledge, 2000. – P. 96-97.

был всего лишь сон», – дабы закрыть глаза на то, что в своей повседневной жизни, в действительности бодрствования мы есть не что иное, как сознание этого сна. Только во сне мы касаемся фрейма фантазма, определяющего нашу активность, наш образ действий в самой действительности»¹⁸⁴. Таким же сном для ума является идеология, отмечает С. Жижек. В то же время, идеология скрывает от взора человека травмирующее ядро, соприкосновение с которым и не может быть безопасным. В контексте исследования мы можем сказать, что подобным же образом субъекту не дано увидеть природу своей активности, поскольку взгляд с единичной, индивидуальной точки зрения на то, что движет субъектом, невозможен.

Подводя итоги, мы акцентируем внимание, что внимание мысли С. Жижека лежит в плоскости критики культуры и регулярной актуализации марксизма относительно влиятельных культурных трендов. Положение С. Жижека как известной медийной фигуры и диспутанта делает из него самого событие в философской мысли: единичными интеллектуальными актами, будь то выход новой провокационной книги или проведение громкого диспута, Жижек утверждает актуальность и силу марксистского наследия в современных реалиях.

Преимущество постмарксизма заключается в том, что он дает точку сборки разных воззрений, что и будет нами показано в завершающем параграфе работы. Здесь же мы укажем, какую роль в этой сборке играет собственно субъект.

Во взглядах Э. Лакло и С. Жижека мы видим, как одинаковые черты, которые оба мыслителя почерпнули из марксизма, так и различия, связанные с разными путями их интеллектуальных биографий¹⁸⁵. Это выражается и в их взглядах на субъект.

Опираясь на марксизм и его понимание субъекта, прежде всего, как субъекта действия, Э. Лакло получает уклон в политику вплоть до понимания

¹⁸⁴ Жижек С. Возвышенный объект идеологии. – М., Художественный журнал, 1999. – С. 54.

¹⁸⁵ Samuels R. New Media, Cultural Studies, and Critical Theory after Postmodernism. Automodernity from Zizek to Laclau. – Palgrave Macmillan, 2009. – P. 187-194.

весьма высокой плотности области политики, своеобразной «материи» политического. Причиной этому являются сопутствующие элементы, которые он почерпнул из иных в сравнении с марксизмом современных течений мысли. Главенство области дискурсивного, диктат логоцентризма, взятый из деконструктивизма Ж. Деррида, приводит Э. Лакло к выводу, что поиск альтернативы (политической и, что важнее, философской) в области социальной жизни бесплоден, поскольку выражается на языке господствующей позиции. Настоящей альтернативой тут является выход на метаяровень по отношению к этой господствующей позиции. Всегда имея в виду марксистское понимание субъекта, Э. Лакло отталкивается от того, что позиция альтернативы тесно соприкасается с господствующей позицией – через соперничество и продуктивный спор. Убеждение, взятое у Ж. Деррида, что с современной демократией невозможен спор на её языке, Э. Лакло формулирует как возможность альтернативы через концепцию антагонизма. Социалистическая стратегия становится доступной к реализации как активность субъекта через реализацию концепта гегемонии. Работа субъекта, органичная марксизму, в данном случае сочетается с попыткой приведения теоретического оппонента в противоречие с собственными основоположениями изнутри. Здесь есть нечто индийское, такую стратегию использовали в Индии испокон веков – победа над оппонентами заключалась в доказательстве самопротиворечивости его выводов. Но есть существенный момент – Лакло такой вывод сделал относительно сферы активности субъекта, относительно преобразований, начинающихся в области теории и распространяющихся дальше, в общество. Это первый шаг, который мы фиксируем касательно возможных стратегий постмарксизма и того, как он работает и какие продуктивные выводы касательно объединения разных воззрений на субъект мы можем сделать с помощью постмарксизма.

С. Жижек использует иную стратегию, хотя вектор тот же самый – поиск альтернативы в условиях, когда альтернатива невозможна, и капитализм победил. Как философ, С. Жижек проявляет большее стремление опираться на

Ж. Лакана, чем на К. Маркса. У С. Жижека мы видим переработанную версию субъекта действия, структурно схожую с тем, каким он был в исходном марксизме. С. Жижек использует структурный психоанализ по преимуществу как оптику, через которую (сознательно) настраивает свой взгляд на те или иные проблемы, рассматриваемые в очередной книге. Но, как мы не раз уточняли в нашей работе, с опорой на модальную методологию, – сознательная установка не является главной, а ключевым моментом воззрений философа является норма, которой он следует, а она, так же, как и значение, сознанием не улавливается и «уловиться» не может. Норме следуют безусловно, а сознательная установка всегда условна – в том смысле, что исследователь сам себе делает условием определённую сознательную установку. Это уточнение важно для того, чтобы прояснить, что субъект у Жижека тоже субъект действия.

Отличия С. Жижека от Э. Лакло очень велики. Э. Лакло и Ш. Муфф усматривают потенциал преобразовательной деятельности субъекта в области политики. С. Жижек видит субъекта действия в некоторого рода онтологии психологии: с помощью воззрений Ж. Лакана он объясняет социальную реальность таким образом, что через её четкое видение она будет изменена. Собственная публичная деятельность С. Жижека есть реализация такой активности субъекта. Да, у Э. Лакло и Ш. Муфф активность субъекта ближе к коллективной. В то время, как у С. Жижека она больше индивидуальная.

Представляя позиции двух мыслителей, придерживающихся постмарксизма, мы видим, что выход из ситуации «смерти субъекта», да ещё к тому же в неблагоприятных социальных обстоятельствах, достигается с помощью привлечения энергетике иных воззрений. Подобно тому, как иногда говорят про капитализм как универсальную формацию, абсорбирующую новации и победы всех других формаций, постмарксизм выступает позицией, которая может поглощать и превращать в «свои» самые разные воззрения. Это позволяет сохранить актуальность и современность марксистской повестки дня, хотя совсем в новых обстоятельствах.

На примере работы с постмарксизмом мы отработали содержательную часть нашего исследования, а также показали на практике половину функционала модальной методологии. Вторая половина, касающаяся возможности рекомпозиции рассматриваемой теории с применением сходных в топологическом плане философских позиций будет осуществлена в следующем параграфе.

Среди моментов, которые, на наш взгляд, требуют дополнения, выделяются те, которые связаны с целостным представлением социального целого и онтологии истории, что были в исходном марксизме. Причиной отсутствия этих элементов, как мы считаем, являются структурные ограничения позиции постмарксизма, но ограничения естественные, от которых не уйти – как всегда, нечто все равно не входит в фокус внимания. То, что является недостатком постмарксизма, опять же, может быть дополнено обращением к иным моделям субъекта и их сопоставлением с постмарксизмом.

2.2. Постмарксистская модель субъекта в контексте современной философии

Являясь философией, ориентированной на практическое преобразование социальной жизни, марксизм сопровождался социально-политической составляющей, которую мы также не можем обойти стороной. Подход модальной методологии к вопросу развития любой проблематики всегда предполагает взаимодействие разных позиций, что является органичным и в контексте нашего исследования понимания субъекта кризисными моделями, которое не могло бы развиваться в ситуации существования атомарных концепций субъекта, не связанных между собой.

Перейдем к рассмотрению идейных преломлений постмарксизма в понимании субъекта в политическом дискурсе современности. В любой сфере деятельности мы можем увидеть недостаточность единичной позиции постмарксизма: эта ситуация закономерна с точки зрения модальной методологии, поскольку ни одна изолированная позиция не может вместить в

себя весь спектр возможных пониманий предмета исследования. Ввиду этого мы будем использовать структурно близкие позиции и исследователей, которые помогут дополнить постмарксизм.

Начнем анализ кризисных моделей с воззрений К. Касториадиса. Поскольку мыслитель, к которому мы обратились, хронологически предшествует появлению постмарксизма и является в некоторой степени вдохновителем творчества Э. Лакло и Ш. Муфф, то может возникнуть вопрос об обоснованности обращения к его творчеству. Аргументируем наш подход следующим образом: Э. Лакло раскрыл политический потенциал кризисной модели субъекта в постмарксизме в плоскости действия, но политическое не существует без предшествующей ему проработки понимания истории. Соответствующей исторической проработки у Э. Лакло и Ш. Муфф не было и быть не могло, ведь для этого требуется иная позиция в воззрении на субъект действия.

Политика, согласно воззрениям К. Касториадиса, лежит в сфере активности субъекта действия. Сложность проявления активности субъекта в политической плоскости заключается в том, что даже во времена очередного «конца истории» политика опирается на тот или иной образ событий прошедших и предпочтение в трактовке возможного развития событий в грядущем.

Если мы обращаемся к марксизму, то видим воспроизводящийся из поколения в поколение определенный паттерн, который был известен в советское время как «материалистическое понимание истории». Опора на такой подход с его интенцией на рассмотрение истории как процесса, к которому необходимо ценностное отношение, устремленность к неопределенному визуально, но определенному ценностно, образу будущего, была присуща марксизму в любой его генерации¹⁸⁶. Линейное понимание истории в марксизме

¹⁸⁶ Рагозина Т. Э. Проблема субъекта истории как системообразующий принцип философской рефлексии / Субъективное и объективное в историческом процессе. Материалы международной научной конференции 21 апреля 2017 года / Отв. редактор к. филос. наук., доц. Рагозина Т. Э. – Донецк: ГОУВПО «ДонНТУ», 2017. – С. 40-56.

было продуктивным упрощением, позволявшим осуществить ценностное отношение к истории, вовлеченность в неё.

Мы уже рассматривали воззрения на политику Э. Лакло и Ш. Муфф; на этом этапе исследования дополним их сходными по тональности мыслями других исследователей, чтобы создать перспективу взгляда для постмарксизма. В сфере политического идейными союзниками постмарксизма по необходимости становятся концепции, содержащие в себе определенную философию истории. Рассматриваемая нами философская концепция, которая может быть дополнительной к постмарксизму в вопросах политического, должна иметь в себе целостное видение истории, концепцию ее движения. Не каждое воззрение на политику включает подобный элемент (т.е., целостное видение истории).

Сфера политического являет собой возможность развернуться в полной мере субъекту действия. Можно сказать, что проект пересмотра политического, предложенный Э. Лакло и Ш. Муфф, при своей концептуальной содержательности подготовил почву для возрождения политического действия, понятого в «левом» ключе. Тем не менее, развитие концепции Э. Лакло и Ш. Муфф не привело к восстановлению марксизма как сильной политической доктрины. Можно увидеть две причины. Первой причиной, как мы указывали в предыдущем параграфе, было политическое поражение 1968 г. Более важной причиной была структурная недостаточность постмарксизма авторов «Гегемонии и социалистической стратегии». В проекте Э. Лакло и Ш. Муфф недоставало онтологии истории. Чтобы соответствующий элемент достроить для концепции постмарксизма, необходима работа методолога по восстановлению поля исследований в рамках понимания субъекта.

В данном вопросе в качестве дополнения к постмарксистам подходит концепция К. Касториадиса. Целью французского мыслителя является переосмысление и усложнение самого предмета истории, для чего он, в частности, интегрирует в него понятие причинности: «в противоположность тому, что утверждали философы-идеалисты, история есть именно та область,

где причинность обладает для нас определённым смыслом, поскольку здесь она с самого начала принимает форму мотивации, и в силу этого мы можем понять «причинную связь», чего никогда не в состоянии сделать в случае природных явлений»¹⁸⁷. Комментируя К. Касториадиса, мы возвращаемся к основаниям исследования, к сферам активности субъекта. Если для субъекта познания причинность является исходной точкой, базой для его существования (к примеру, для познания существенным является выявление законов – устойчивых и повторяемых связей явлений), то для субъекта действия это не актуально. Конкретное приложение сил, направленное на изменение положения вещей в мире, непредсказуемо по своим последствиям, и в этом отношении а-причинно. К. Касториадис делает изящное действие: он объединяет причину и мотивацию, делая причину гибкой, подвижной – она не закон обязательной связи со следствием, а залог возможности каких-либо следствий. В философской модальности мотивация – это ценность, и в силу этого соотносится с субъектом действия как его свойство, как причина порождения его активности.

Еще одним существенным моментом постижения истории, по К. Касториадису, становится интеграция в историю влияния на неё людей – как «негатива» этой самой истории¹⁸⁸. Речь идет о том, что в традиционно понимаемой истории «по-европейски» фиксировались события, а не действия людей. Фиксировались разнообразные факты уже случившегося, а не процессы, которые к этим фактам приводили, и не общие исторические условия. Исторические условия (быт разных слоев общества и другие ситуативные особенности жизни в тот или иной период развития общества) впоследствии достаточно успешно описала школа Анналов. Опираясь на марксизм, К. Касториадис вводит в историю *praxis* – это перманентная незавершенность социального бытия. Или, словами самого К. Касториадиса, «*Praxis* исходит из

¹⁸⁷ Касториадис К. Воображаемое установление общества. Пер. с фр. / Пер. Г. Волковой, С. Офертаса. Москва: Издательство «Гнозис», Издательство «Логос», 2003. – С. 52.

¹⁸⁸ Сидоренко И. Н. Диалектика разрыва и проблема системного насилия в постмарксизме. / И. Н. Сидоренко // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. – 2019. - №3. – С. 16-21.

ясно выраженного признания открытости объекта и существует лишь постольку, поскольку он это признаёт. Его «частичное знание» объекта – не достойный сожаления недостаток, а позитивная ценность, которую он принимает и утверждает»¹⁸⁹. Если бы Э. Лакло и Ш. Муфф имели возможность взглянуть назад из текущего момента и вернуться к своей книге, то они бы отметили, что в «Гегемонии и социалистической стратегии» не хватает элемента прагматического понимания социального не-целого. В отличие от спекулятивных теорий, как называет их К. Касториadis, подход к истории из сферы субъекта действия предполагает, что социальное и история, а также события не являются целыми и завершёнными в себе: им придаёт форму активность деятеля. Конечно, К. Касториadis не является новатором в этом вопросе – подобное отношение к истории мы можем видеть уже у К. Маркса. Автор «Капитала» не делал долгосрочных прогнозов о будущем коммунистического строя, и, таким образом, размыкал теоретическую перспективу.

Осмысление природы истории не может обойти стороной и живого субъекта. К. Касториadis пишет: «Разве действующий субъект, – субъект чего-то, вспоминающий, объективирующий, рассматривающий, устанавливающий дистанцию – разве он является просто взглядом, голой способностью припоминать, устанавливать дистанцию, искоркой, существующей вне времени и пространства? Нет, это одновременно и взгляд, и опора взгляда, и мысль, и опора мысли, это и активность, и действующая плоть – как материальная плоть, так и метафорическая. Взгляд, в котором ничто не отражается, не может ничего видеть; мысль, в которой ничто не осмысливается, не может что-либо мыслить»¹⁹⁰. Таким образом, К. Касториadis отстраняется от понимания субъекта в кантовском духе – как трансцендентального, статичного и существующего вне априорных форм чувственности. Субъект у

¹⁸⁹ Касториadis К. Воображаемое установление общества. Пер. с фр. / Пер. Г. Волковой, С. Офертаса. Москва: Издательство «Гнозис», Издательство «Логос», 2003. – С. 103.

¹⁹⁰ Касториadis К. Воображаемое установление общества. Пер. с фр. / Пер. Г. Волковой, С. Офертаса. Москва: Издательство «Гнозис», Издательство «Логос», 2003. – С. 120.

К. Касториадиса активно живёт и собственным телом утверждает свою активность. Вовлеченность в свое время – вообще характерная черта субъекта действия, в этом отношении он – злободневен, актуален и ангажирован, если правомерно, конечно, отнести к интеллектуальному конструкту такие свойства. Элемент такой проработки субъекта действия уже был в постмарксизме, но у К. Касториадиса есть мотив, которого нет у Э. Лакло и Ш. Муфф.

Обобщим текущий этап нашего размышления о французском мыслителе следующим образом: с помощью К. Касториадиса мы достраиваем три элемента, которых не было в постмарксизме по причине его модальной неполноты.

Первым элементом является возможность действия причинности в истории, что наделяет эту сферу свойством закономерности и измеримости. К. Касториадис достраивает элемент ди-видуального конструирования, активного преобразования системы с помощью значений. Уточним, что мы имеем в виду: причинность в истории позволяет пользоваться при обращении к истории тем же методом, что и в естественных науках. История становится ближе к использованию в ней метода Г. Галилея, который сделал западную науку продуктивной в плоскости активного включения в преобразование культурного и технологического ландшафта европейской цивилизации. Использование структурно схожего метода позволяет получить степень свободы так же с помощью значений и особой распределенной деятельности изменять социальное, активно формировать политическое. Именно этой опции активного участия в политических преобразованиях оказался лишен марксизм и левое движение после событий 1968-го. К. Касториадис подсказывает, как вернуть этот преобразовательный потенциал в марксизм. Распределенная деятельность работает не только в познании – вот о чем говорит К. Касториадис, и это неочевидно при взгляде из позиции постмарксизма.

Второй элемент – понимание исторического и социального как незаконченных областей. Это также принципиально для субъекта действия, ведь если то, к чему он прикладывает свою активность, уже закончено, то в чем

будет заключаться результативность активности субъекта? Принципиальная незавершённость реальности во взгляде субъекта действия – элемент, без которого постмарксизм как теория преобразования общества неполон, и ему в данном отношении также необходимо дополнение от К. Кастириадиса.

Третьим элементом выступает повышение аутентичности субъекта действия путем артикуляции его отличия от субъекта познания. Субъект действия, говорит К. Кастириадис, всегда ангажирован и вовлечён, нельзя рассматривать его в отрыве от среды, в которой он действует (в данном случае, у К. Кастириадиса мы находим именно то, что искали в отношении взаимодействия разных философий; это – модальная методология в действии).

Разнообразные левые теории, появившиеся в последние несколько десятилетий, могут подсказывать точки приложения продуктивной (хотя и не обязательно конструктивной) критики существующего положения дел. Для развенчания чего-либо атакующий должен бить в слабые места критикуемой концепции. Это уже не модальная методология, но этот прием остается философским, поскольку это тоже работа философии – артикулировать различия и утверждать соотношения вещей, в которых одни вещи переосмысляются по отношению к их силе к другим вещам. Мы видим активную работу современных практик артикуляции расовых, половых и гендерных различий, которые при своем обострении дают выплеск в социальной практике и политической среде. Яркий пример последнего времени: беспорядки в США после убийства Джорджа Флойда летом 2020-го года и стихийное появление вслед за этим социально-политического движения Black Lives Matter. Ещё один пример – деятельность шведской активистки Греты Тунберг, которая спустя несколько десятилетий стала авангардом возвращения экологической повестки в политические дискуссии. В первом и втором случае мы имеем дело с действиями, которые кажутся спонтанными лишь в случае, если мы сознательно опустим исторический контекст обоих событий. С одной стороны, таким контекстом будет длительная история борьбы чернокожего населения США за расширение спектра своих прав, а с

другой, постоянная напряженность вокруг экологической проблематики, истоки которой лежат в 1970-х гг.

Повторимся, данные события не являются в полной мере релевантными для обращения к ним философа, но они доступны для модализации и поиска положительной обратной связи для квалификации потенциала социальных преобразований с точки зрения субъекта действия в контексте мировоззрения левой политической направленности. После заката 1968 г. и движения социальных протестов казалось, что будущего у левых движений при текущем состоянии экономики и политики нет, но проходит всего пятьдесят лет, и мы видим возрождение левых движений. Они опираются, как мы писали об этом в начале работы, на практику, которая позже дополняется теоретическим описанием себя – действие предшествует спекуляции. Возможно, здесь мы как раз можем заметить влияние и постмарксизма. Жижек, например, прямо говорил, что его книги нацелены на борьбу за марксистское наследие, за его сохранение и поддержание в актуальном состоянии.

Специфической сложностью постмарксизма в плоскости политики является слабая проработка в нем концепций актуального действия, которые еще во времена Франкфуртской школы были заменены культурной критикой. Но эти тенденции меняются, если принимать во внимание все левое движение, а не только постмарксизм.

Далее мы поменяем фокус исследования и перейдем к области психоанализа. Отличие будет заключаться в том, что если выше мы рассматривали постмарксизм в его существовании относительно общества, то теперь речь пойдет о мире субъекта в отношении к его самосознанию, о субъекте рефлексии.

Взаимодействие между учениями К. Маркса и З. Фрейда успешно наладили теоретики Франкфуртской школы. Анализ реалий социального преобразования через категории психоанализа был успешно выполнен в рамках проекта М. Хоркхаймера и Т. Адорно. Возможность, которая не была ими реализована – анализ психики посредством категорий марксизма. Трактовка

общества через психоанализ позволяет вернуться к идее Платона о том, что социум и есть человек в максимальном увеличении; то же самое говорили и в Индии: структура общественного устройства аналогична органической структуре устройства отдельного человека.

Далее, трактовка личности через исторический материализм, понимание личности как социума приближает нас к пониманию сущности современного научного метода – он работает через социологичность мышления, через распределенное мышление. Также и через понимание субъекта как коллективного не в значении распределения свойств одного субъекта между несколькими индивидами, а в значении воплощения в индивиде субъектности.

В данном случае разделение субъекта и индивида складывается из придания свойствам субъекта самоактивности под названием «субъектности». Если у нас имеется указанная субъектность как свободный от привязки к конкретному индивиду импульс активности (словами Э. Лакло и Ш. Муфф мы назвали бы это субъектной позицией, но субъектность не локализуется в определенной социальной роли или социального статуса), то в одном индивиде может пересекаться целый ряд субъектностей¹⁹¹. В то же время, одна субъектность может быть единой для целого ряда индивидов. Это расщепление резко усложняет ситуацию с носителями активности, но и открывает возможность объемно взглянуть на понимание субъекта, с нескольких позиций, в отношении вопроса носителя активности.

Перейдя с уровня освоения социума через субъект действия, мы на этом этапе исследования не приходим на уровень индивида через субъект познания. Иными словами, социум, освоенный через субъект действия, воплощается в индивиде, реализуется в нем. На данном этапе исследования в процесс рекомпозиции постмарксизма включается концепция Ж. Лакана.

¹⁹¹ Жижек, С. Как наслаждаться посредством Другого. Культурная логика многонационального капитализма / Сл. Жижек; пер. с англ. А. Смирнова; под ред. В. Мазина и Г. Рогоняна. – СПб.: Алетейя, 2019. – С. 9-10; Чибисов В. В. Рефлексия в диалектической методологии психоанализа / В. В. Чибисов // Sciences of Europe. – 2016. - №4-1 (4). – С. 75-78.

Французский психоаналитик разработал свою версию психоанализа и осуществил встраивание в теорию З. Фрейда элементов структурализма¹⁹². Опираясь на материалы предыдущего параграфа, мы можем заключить, что постмарксизм сделал шаг назад от Франкфуртской школы в плане использования элементов психоанализа, и прежде всего это относится к С. Жижеку¹⁹³. Словенский философ заходил на территорию психоанализа через оптику Ж. Лакана, но его обращение к концепции французского мыслителя отличалось избыточным универсализмом. То, что для Ж. Лакана существовало в реальности его текущей работы с аудиторией в рамках знаменитых «Семинаров», С. Жижек сделал универсальной абстракцией. При этом случилось вторжение не предназначенной для такого широкого рассмотрения концепции в вопросы сугубо философские.

Анализ общества как пациента на предмет его вытесненных воспоминаний, психических затруднений и тому подобного, уже демонстрировался в рамках марксизма. В постмарксизме (С. Жижеком, в частности), к этому была добавлена возможность наличия у общества такой субъективной характеристики как желание (гипостазированное *objet petit a* Ж. Лакана).

Подчеркнём, что в данном случае мы продолжаем следовать представлению, согласно которому социальные факторы производны от событий в мире мышления. Для того, чтобы можно было работать с обществом как с пациентом, требовалась большая предварительная работа по налаживанию сотрудничества марксизма и фрейдизма в области сопряжения категорий индивидуального и социального, «сплавление» через мышление их в нечто новое и уникальное в философии. Постмодернизм (здесь понимаемый по преимуществу в своем культурном преломлении) изменил ситуацию на философском поле действий и оставил марксизм с его новациями наедине с новыми оппонентами. Постмарксизм осуществил попытку включения нового

¹⁹² Дьяков А. В. Жак Лакан. Фигура философа. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2010. (Серия «Университетская библиотека Александра Погорельского»). – С. 353.

¹⁹³ Жижек, С. Чума фантазий / Пер. с англ. – Х.: Изд-во Гуманитарный центр, 2012. – С. 170 – 173.

социокультурного контекста постмодернизма и его специфического сомнения в старые концептуальные схемы фрейдомарксизма.

Обратимся к структурному психоанализу Ж. Лакана. Существенно, что вместе со структурализмом в понимание субъекта Ж. Лакан внёс культурные характеристики. Как отмечает Е. А. Кожемякин, «Субъект в лакановской теории описывается как функция культуры, её атрибут и «пустой знак» (в противовес картезианскому Субъекту как рефлексирующему самостоятельному агенту). Культура реализуется в субъекте, но он при этом лишён возможности подвергать рефлексии свою детерминированность»¹⁹⁴. В данной трактовке Ж. Лакана автор даёт ценное указание на то, что субъект функционально связан с культурой, и это нехарактерно в целом для понимания субъекта в западной философии. Понимание субъекта (прежде всего, как субъекта познания) предполагало противопоставление объекту, даже если им выступала культура. В то же время субъект действия «живёт в своем объекте», который изменяет своими действиями.

Нельзя сказать, что Ж. Лакан был первым психоаналитиком, привлекавшим внимание к культуре. К. Г. Юнг сделал это, внедрив в психоаналитическую практику знаниевый базис антропологии, алхимии, философии символа и других областей – все это сложилось в последовательную позицию утверждения связи бессознательного и мира культуры. Новацией Ж. Лакана, как отмечает И. Н. Круглова, стал отказ «от биодетерминистской концепции субъективности, от анатомического субъекта Фрейда и замена его на «говорящий субъект», проживающий жизнь на символическом уровне функционирования языка, социальных процессов и институтов»¹⁹⁵. Говорение, коммуникация, открытость к дискуссии (произвольная или подневольная) для лакановского субъекта являлись порталом в структурирование универсума бессознательного.

¹⁹⁴ Кожемякин Е. А. Интерпретация субъекта дискурсивной практики в неклассической философии / Е. В. Кожемякин // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. – 2008. – №12 (52) – С. 8.

¹⁹⁵ Круглова И. Н. Онтологические и культурноантропологические основания феномена жертвенности в контексте генезиса символа судьбы: диссертация ... доктора философских наук: 09.00.01. – Томск, 2010. – 268 с. – С. 2.

Известное высказывание «бессознательное структурировано подобно языку»¹⁹⁶ знаменует роль Ж. Лакана как «картографа» бессознательного, в отличие от «первопроходца» З. Фрейда¹⁹⁷. Интенция Ж. Лакана к вычислению бессознательного и его аналитическому освоению представляется довольно интересной. Следует отметить, что данное вычисление осуществлялось не приёмом аналогии, как это было у К. Г. Юнга, а путём «снятия» исходных психоаналитических концептов в схеме «Реальное – Воображаемое – Символическое». Это является для нас существенным в контексте понимания субъекта в постмарксизме, поскольку в концепции Ж. Лакана есть некоторое понимание модальности, что мы попытаемся показать. Ж. Лакан не был философом, но его сделала мыслителем манера рассматривать вещи в свете их неравноценности по своему онтологическому статусу в глазах исследователя – это одна из отличительных черт философа, который понимает роль модальности в мышлении.

Сдвиг в понимании субъекта, который делает Ж. Лакан, связан с децентрацией, отмечает А. Н. Ильин: «По Ж. Лакану, субъект не может быть строго репрезентирован, так как эго человека нестабильно, и оно лишено ряда неизменных характеристик. Субъект децентрирован, он не может быть целостным (индивид), а способен видоизменяться и фрагментироваться (дивид)»¹⁹⁸. Ди-видуальность субъекта у Ж. Лакана, его децентрированность относительно индивида наводит нас на мысль о том, что это делает французского психоаналитика куда большим сциентистом, чем он сам думал. Ведь распределённая активность субъекта познания есть основа существования современных практик познания в естественных науках.

¹⁹⁶ Цит. по: Андерсон П. Размышления о западном марксизме; На путях исторического материализма: Пер. с англ. - М.: Интер-Версо, 1991. – С. 187.

¹⁹⁷ Лакан Ж. Инстанция буквы, или судьба разума после Фрейда. Пер. с фр. / Перевод А. Черноглазова, М. А. Титовой (Значение фаллоса). М.: «Русское феноменологическое общество», издательство «Логос», 1997. – 184 с.; Мазин В. А. Лакан в кино. – СПб.: Сеанс, 2015. – С. 237.; Бенвенуто С. Мечта Лакана / Сержио Бенвенуто; пер. с англ. М. Колотопина, В. Мазина, Н. Харченко; под. ред. В. Мазина и Г. Рогоняноу – СПб.: Алетейя, 2006. – С. 27-28.

¹⁹⁸ Ильин А. Н. Субъект в массовой культуре современного общества потребления (на материале китч-культуры): Монография. – Омск: «Амфора», 2010. – С. 64-65.

Влияние Ж. Лакана при этом вышло далеко за пределы учебной кафедры. Как пишет А. В. Дьяков, «Многие авторы отмечают огромную роль лакановского учения в майских событиях 1968 г: революционные лозунги «овладение речью» и «воображение у власти» носили несомненно лаканистский характер»¹⁹⁹. Если всерьез принимать это замечание, Ж. Лакан становится прямым предшественником появления постмарксизма и в деятельном ключе. В таком случае роль Ж. Лакана становится драматичной – он был идейным вдохновителем протеста, который обрушил надежды левого движения на реальные социальные изменения. В таком случае постмарксизм и появился как философия, проистекающая из того, что слова Ж. Лакана массами не завладели.

Ещё одно связующее звено с К. Касториadisом, помимо событий 1968 г., мы находим, если обращаемся к пониманию Ж. Лаканом соотношения истории и субъекта. В первом томе «Семинаров», в самом начале своего длившегося два с половиной десятилетия диалога с публикой о психоанализе, он говорит: «Центром тяжести субъекта является тот синтез прошлого в настоящем, который называют историей. Вот, чему мы можем доверять, продвигаясь вперёд в нашей работе. Это исходное предположение психоанализа, которое ещё ничем не опровергнуто. По правде говоря, если бы это было не так, то совершенно непонятно, что нового привнёс тогда психоанализ»²⁰⁰. Следует сразу оговориться, что в «Семинарах» под субъектом Ж. Лакан понимает, как правило, пациента, и пределы экстраполяции его выводов ограничиваются психоаналитической практикой. В то же время здесь мы можем увидеть, что Ж. Лакан предлагает решение вопроса об истории, который был структурно невозможен для К. Касториadisа, да и для постмарксизма – точкой сборки истории, местом её актуальности, является сердцевина субъекта. Можно сказать, что, подобно тому, как культура существует лишь между индивидами и

¹⁹⁹ Дьяков А. В. Проблема субъекта в постструктурализме: онтологический аспект: диссертация ... доктора философских наук: 09.00.03. – Санкт-Петербург, 2006. – С. 318.

²⁰⁰ Лакан Ж. Семинары, книга 1: Работы Фрейда по технике психоанализа (1953/54). Пер. с фр. / Перевод М. Титовой, А. Черноглазова (Приложения). – М.: ИТДГК «Гнозис», Издательство «Логос», 1998. – С. 51.

поддерживается ими, так и история не может существовать безотносительно субъектов, независимо от них – когда мы говорим о Ж. Лакане, множественное число для этого слова оправданно.

Французский психоаналитик сознательно даёт понять, что относительно его выводов о субъекте необходимо сохранять дистанцию, ибо субъект в себе расщеплён и недоступен для полного определения. Он говорит несколько мистически, магнетически: «Я, Лакан, идя по следам фрейдовских раскопок, учу вас чему? Тому, что субъект как таковой пребывает в состоянии неуверенности, пребывает по той простой причине, что, пользуясь языком, оказывается расщеплён. Пользуясь речью, субъект, реализуя себя в Другом всё полнее, гонится, однако, при этом лишь за одной своей половиной»²⁰¹. Мы видим характерное для структурализма преувеличение роли языка в культуре и познании.

Выводы Ж. Лакана относительно причины раскола в субъекте лежат в плоскости знания о себе: «Субъект не знает, что говорит, и на то у него есть самая уважительная причина – ведь он не знает, что такое он сам. Зато он себя видит. Вы прекрасно знаете, что видит он себя по ту сторону зеркала и притом весьма неотчётливо, что объясняется незавершённым характером его зеркального первообраза [Urbild], который является не просто воображаемым, но вдобавок и иллюзорным»²⁰². Перевод вопроса о субъекте в оптическую метафору позволяет Ж. Лакану снять вопрос об истине и лжи в отношении субъекта. Смотря на себя, субъект фиксирует свои действия, состояния, а не прихвачен поисками своей субстанции. Это снимает эпистемологический вопрос и обостряет вопрос рефлексивный. Такой акцент нельзя назвать и деятельностью – в том отношении, что здесь речь о субъекте действия через призму субъекта рефлексии.

²⁰¹ Лакан Ж. Четыре основные понятия психоанализа (Семинары: Книга XI (1964)). Пер. с фр. / Перевод А. Черноглазова. – М.: Издательство «Гнозис», Издательство «Логос», 2004. – С. 200.

²⁰² Лакан Ж. «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа (Семинар, книга II (1954/55)). Пер. с фр. / А. Черноглазова. – М.: Издательство «Гнозис», Издательство «Логос», 2009. – С. 349.

При этом существенно, что оптическая интерпретация субъекта сочетается со своеобразной неуравновешенностью субъекта и, в силу этого, его динамизмом: «Ядро нашего бытия не совпадает с нашим Я. В этом и есть смысл аналитического опыта, именно вокруг этого он постепенно наслаивался, отлагая те пласты знания, которые сегодня вам и преподаются»²⁰³. Несовпадение ядра бытия с «Я» рождает динамику и все будущие несообразности, развитие субъекта. Это же несовпадение рождает постоянную вуаль тайны над сущностью субъекта, скорее, положительно окрашенную вуаль. Это создает перманентную возможность неполной явленности в мир, а в силу этого и невозможности полного вычисления субъекта через познание. Можно сказать, что через практику такой неполной явленности Ж. Лакан показывает, что вещам полезно быть не полностью познаваемыми.

Также в первом томе «Семинаров» мы можем прочесть любопытное замечание про рефлексю. Расположение субъекта относительно начала процесса рефлексии (нахождение перед зеркалом) принципиально в отношении того, что субъект в «зеркале» увидит: «То, что существующий субъект видит в зеркале, представляет собой изображение либо чёткое, либо фрагментарное, неустойчивое, неполное. Это зависит от его положения по отношению к реальному изображению. Находясь слишком в стороне, он будет видеть плохо. Всё зависит от конкретного угла падения луча на зеркало»²⁰⁴. Это существенная инвенция Ж. Лакана относительно субъекта рефлексии: для продуктивности в области рефлексии активность субъекта должна быть модальной. В противном случае аберрации некорректного расположения субъекта относительно потенциального места приложения его активности в отношении самого себя сделают саму эту активность глубоко вторичной и даже затеняющей предшествующее представление субъекта о самом себе.

Ж. Лакан отметил, что говорящий субъект склонен к мерцанию: «субъект говорящего существа, обнаруживает, что он представляет собою сущее, чьё

²⁰³ Там же. С. 64.

²⁰⁴ Лакан Ж. Семинары, книга 1: Работы Фрейда по технике психоанализа (1953/54). Пер. с фр. / Перевод М. Титовой, А. Черноглазова (Приложения). – М.: ИТДГК «Гнозис», Издательство «Логос», 1998. – С. 187.

бытие, как показывает сам предикат говорящее, всегда находится вне его. Субъект всегда остаётся мерцающим, эфемерным, ибо является он таковым лишь для одного означающего посредством другого»²⁰⁵. Что представляется нам интересным в данном рассуждении французского психоаналитика? Это – прозрение того, что субъект, избыточно сосредоточившийся на внешней явленности себя – себя же теряет.

Достаточно симптоматичное высказывание Ж. Лакан делает в одной из своих теоретических работ: «Мало сказать, что концепт и есть сама вещь – это, вопреки школьной мудрости, может доказать и ребёнок. Именно мир слов и порождает мир вещей, поначалу смешанных в целом становящегося «здесь и теперь»; порождает, сообщая их сущности своё конкретное бытие, а тому, что пребывает от века – свою вездесущность»²⁰⁶. Иными словами, у фразы Ж. Лакана есть метафилософская составляющая, которую нам необходимо поднять на поверхность. В отношении этой же тематики Е. Гурко анализирует²⁰⁷ концепцию Д. Б. Зильбермана, как слово становится базой для мысли и потом возвращается в слово через круг (с промежуточными звеньями «слово-мысль-вещь-слово»).

Подводя итоги относительно воззрений на субъект Ж. Лакана, мы должны отметить, что французский психоаналитик внес вклад в открытие возможности для попятного дополнения постмарксизма. В концепции структурного психоанализа Ж. Лакана мы находим инвенции относительно внутреннего строя и динамики субъекта, которые не могли появиться в постмарксизме ввиду структурных особенностей основания этой философии. Иными словами, ориентация постмарксизма на субъект действия (вслед за любыми генерациями марксистской философии) является ограничением, которое не обойти в попытке понять внутренний строй субъекта.

²⁰⁵ Лакан Ж. Ещё (Семинар, Книга XX (1972/73)). Пер. с фр. / А. Черноглазова. – М.: Издательство «Гнозис», Издательство «Логос», 2011. – С. 169.

²⁰⁶ Лакан Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе. Пер. с фр. / Перевод А. К. Черноглазова. – М.: Издательство «Гнозис», 1995. – С. 46.

²⁰⁷ Гурко Е. Модальная методология Давида Зильбермана / Елена Гурко. – Минск: Экономпресс, 2007. – С. 80.

Высказанная Ж. Лаканом мысль о том, что бессознательное структурировано подобно языку, позволяет расширить рамку кризисного субъекта. Как мы отмечали, кризисные модели субъекта во многом базируются на невозможности полной прозрачности субъекта для самого себя. Это ценная модально-методологическая мысль, ведь она предполагает, что это справедливо для любой точки обзора на любой объект: ваша позиция ограничивает возможность вашего обзора объекта.

Утверждаемая Ж. Лаканом возможность исследования бессознательного методами лингвистики позволяет вернуть утраченные на этапе появления кризисных моделей субъекта позиции: теперь психика человека, казавшаяся глубоко темной для последовательно рационалистических методов познания, опять открывается для освоения, уже через лингвистику. Это является очередным этапом борьбы субъекта с самим собой в попытке исчерпывающего познания себя и отсутствия границ собственной активности, в которой чем интенсивнее субъект себя проявляет, тем больше он себя затемняет.

Для постмарксизма дополнение с позиций структурного психоанализа является ценным, поскольку при наличии отражения концепции Ж. Лакана посредством усилий С. Жижека может быть использована для нужд этого направления. Вторым моментом, который полезен для постмарксизма из наследия Ж. Лакана – концепция сильного децентрированного субъекта. Несмотря на то, что центр собственной активности (Реальное) для субъекта всегда является внешним по отношению к нему самому (позиция, исключительно подходящая для субъекта действия), сама неразрушимость этого центра активности позволяет быть спокойным относительно понимания субъекта в целом. Иными словами, высказывание Ж. Лакана о том, что бытие субъекта не совпадает с центром его активности, оказалось не апологией скептицизма и подозрения, а утверждением этого разрыва как базиса динамического равновесия субъекта. Лакан сделал понимание (с онтологическим оттенком: «рассогласование – есть, и его не обойти») субъекта более сильным подобным высказыванием и уже в

ситуации кризисных моделей субъекта сделал возможным понимание субъекта как потенциально устойчивого и постоянного в своем непостоянстве.

Третьим предметом нашего интереса в процессе рекомпозиции постмарксизма будет обращение к субъекту рефлексии через призму воззрений двух французских философов – М. Фуко и В. Декомба. Субъект рефлексии как сфера активности тесно связан с областью культуры. В перспективе же культуры субъект существует контингентно, его функции распределены между индивидами. Таким образом, наш анализ движется от одной модальности, потенциального состояния субъекта, к другой – от строгой определенности субъекта в социальном контексте – к его децентрированному положению в индивидуальном состоянии. В контексте же культуры мы увидим, что субъект и индивид подвергаются расщеплению.

Следует обозначить нашу позицию. Под культурой мы понимаем совокупность практик человеческой жизнедеятельности, на основании которых обеспечивается воспроизводство и изменение всех основных областей жизни человека. Культура является системой максимального масштаба для социума, благодаря которой сохраняется и развивается всё социальное целое.

В своем понимании антропологического института культуры мы опираемся на концепцию немецкого философа, неокантианца Э. Кассирера, в той вариации, в какой он представил её в трудах «Философия символических форм» и «Опыт о человеке». В самой известной формулировке Э. Кассирер так обозначает сферу притязаний философии культуры и её границы: «Разум – очень неадекватный термин для всеохватывающего обозначения форм человеческой культурной жизни во всем ее богатстве и разнообразии. Но все эти формы суть символические формы. Вместо того чтобы определять человека как *animal rationale*, мы должны, следовательно, определить его как *animal symbolicum*. Именно так мы сможем обозначить его специфическое отличие, а тем самым и понять новый путь, открытый человеку – путь цивилизации»²⁰⁸. Подобный подход, который можно условно назвать «культуроцентризмом»,

²⁰⁸ Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. - М.: Гардарики, 1998. – С. 472.

ставит в центр внимания институт всех возможных взаимодействий людей между собой и с окружающей средой, который и входит полностью в выше представленное определение культуры. Подобный подход предполагает, что между человеком и окружающей средой всегда стоит медиатор – культура, а вещи даны нам посредством их символического представления в культуре.

Следует отметить, что культура является фундаментом для сферы активности субъекта рефлексии. Культура выступает фундаментом, который позволяет сохранять устойчивость на достаточно лабильном поле активности рефлексии. Сложность, которая возникает у постмарксизма в его понимании субъекта в плоскости рефлексии, заключается в противоречии со сферой субъекта действия. Социальный активизм требует личной вовлеченности и не предполагает, что агентность, норма активности, будет размыта между индивидами. Иначе говоря, в рамках субъекта действия сложнее всего преодолеть «диффузию» субъекта и индивида. В силу наличия этой «диффузии» постмарксизм как итерация марксистской философии имеет сложности с субъектом рефлексии. На языке модальной методологии, для постмарксизма субъект рефлексии «остаётся в знаменателе модальной формулы», выступает в позиции «значимого отсутствия».

Область культуры – это место соприкосновения субъекта рефлексии с различными формами деятельности, выходящими за пределы философского знания. Можно сказать, что на осмыслении культуры заканчивается теория и начинается действие. Следует отметить, что внимание к культуре (а не конкретным аспектам культуры – к целому, а не частям) в марксизме традиционно было второстепенным. Эта особенность субъекта действия органично сочетается с второстепенностью в марксизме субъекта рефлексии. Марксизм сочетает активный критический настрой в отношении теоретических оппонентов с забвением необходимости определения своей позиции в самоподдерживающемся споре, представляющем собой основание развития философского знания. В этом отношении философы-марксисты не

осуществляли попыток ввести модальность в процесс своего философствования.

Со сложившимися затруднениями в сфере субъекта рефлексии нам особенно необходима рекомпозиция постмарксизма. Два любопытных варианта дополнения к пониманию субъекта нам предлагают М. Фуко и В. Декомб. Обратимся к содержательному моменту рекомпозиции субъекта рефлексии в постмарксизме.

Перед обращением к воззрениям двух философов сделаем небольшое отступление. В философии Нового времени понимание субъекта опиралось по преимуществу на субъект познания. Вместе с появлением кризисных моделей мы отмечаем рост интереса исследованиям двух других сфер активности – к субъекту действия и субъекту рефлексии. Учитывая существенную разницу между воззрениями М. Фуко и В. Декомба на субъект, нам следует учитывать как то, что интенции к обращению к субъекту мы можем увидеть как в далеком прошлом (философия античности и Средних веков), так и вне времени (грамматические структуры языка). Именно такую разноплановую перспективу предлагают нам два рассматриваемых мыслителя.

Обратимся к воззрениям на субъект М. Фуко. Один из крупнейших представителей постструктурализма в своем труде «Герменевтика субъекта» предложил масштабный синопсис проблемы субъекта, берущей начало в древнегреческой философии. В книге М. Фуко мы можем усмотреть ценные методические замечания касательно субъекта рефлексии.

Ключевым противоречием между, условно, субъектом познания и субъектом рефлексии М. Фуко видит в различии «*Gnothi Seauton*» («Познай себя») и «*Epimeleia Neautou*» («Забота о себе»), имевшем место в античной философии²⁰⁹. Во втором случае мы имеем дело с аналогом субъекта рефлексии, в то время как первое (будущая латинская калька – «*nosce te ipsum*»)

²⁰⁹ Грозина Н. А. Генеалогия субъекта в философии Фуко / Н. А. Грозина // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. – 2007. – Т. 5, №1. – С. 130-135; Кравченко К. А. Проблема этического субъекта в философии М. Фуко / К. А. Кравченко // Державинский форум. – 2020. – Т. 4, №14. – С. 60-65.

– это субъект познания в его концентрированной форме²¹⁰. М. Фуко дополнительно подкрепляет тезис про ключевую развилку философии субъекта следующим образом: «можно сказать, что нынешняя эпоха началась (я хочу сказать, история истины вступила в свою современную фазу) в тот самый день, когда решили, что познание и только познание открывает доступ к истине, является условием ее доступности субъекту»²¹¹. Следует обратить внимание, что М. Фуко делает акцент в понимании субъекта на поиск истины, с чем мы не вполне согласны. На наш взгляд, философия субъекта, прежде всего, обращается к тому, каким образом и какими средствами осуществляется преобразование мира в одной из сфер активности субъекта. Указанный М. Фуко акцент имеет место, но следует учитывать, что выбор между двух альтернатив, который он предлагает, становится иллюзорным. Противопоставление познания себя и заботы о себе становятся двумя разными путями к одной цели – к истине. В нашем понимании истина является целью активности субъекта в сфере познания.

Продолжая рассуждение о том, какие ограничения накладывает на субъект его понимание в модусе только познания, М. Фуко отмечает: «доступ к истине, единственным условием которого отныне является само познание, не откроет в познании в качестве компенсации и осуществления ничего иного, кроме бесконечного продвижения познания»²¹². Самореферентность субъекта познания изолирует его от других сфер активности субъекта. С опорой на Д. Б. Зильбермана мы можем отметить, что философия по-настоящему является собой, когда в ней работает принцип внутреннего отражения, то есть, возможность порождать новый материал для философствования посредством нового обращения к уже имеющемуся материалу.

²¹⁰ Мочалова И. Н. Античные штудии Мишеля Фуко: генеалогия субъекта / И. Н. Мочалова // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2015. – Т. 2, №2. – С. 9-20.

²¹¹ Фуко М. Герменевтика субъекта: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981-1982 учебном году / М. Фуко; Пер. с фр. А. Г. Погоняйло. – СПб.: Наука, 2007. – С. 30

²¹² Фуко М. Герменевтика субъекта: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981-1982 учебном году / М. Фуко; Пер. с фр. А. Г. Погоняйло. – СПб.: Наука, 2007. – С. 31.

Называя интересующий его способ становления субъективности «практикой себя, технологией субъекта»²¹³, М. Фуко поднимает ещё один интересный вопрос для субъекта познания – как сделать из познавательной практики воспроизводимую теорию. Ввиду ключевого положения в философии Нового времени сфера активности субъекта познания является наиболее технологизированной. Под технологией мы, в данном случае, понимаем возможность воспроизведения того или иного артефакта культуры в состоянии, достаточно приближенном к оригиналу, при котором не может встать вопрос об аутентичности. Данная возможность открывается при уровне технического развития, соответствующем сложности артефакта культуры. Можно сказать, что наследием субъекта познания, реализованным в социальной практике, является: массовое производство товаров, услуг, а также (в приближении к настоящему времени) массовое производство произведений искусства.

Еще одно любопытное замечание М. Фуко касается дистанции между собой. Эта фраза обозначает то, что субъект рефлексии, чтобы себя увидеть, – видит себя со стороны. Такое действие возможно при наличии, образно говоря, зеркала культуры. М. Фуко отмечает, что «надо увидеть расстояние, что отделяет меня от меня же, взятого как субъект определенного действия, располагающего какими-то средствами для его осуществления, но в первую очередь движимого самим императивом – достичь цели. И эта цель – я сам»²¹⁴. При комментировании мы воспользуемся ходом мысли М. Фуко, чтобы развить собственную мысль; в рамках модальной методологии подобный приём является оперативным – ткань мысли другого философа для модального методолога выступает в роли триггера для проявления собственной философской активности. Главной ценностью, движущей причиной субъекта действия является свобода осуществления активности и преобразования социального целого. Для субъекта же познания движущей причиной будет свобода высказывать любую возможную гипотезу. Для субъекта рефлексии –

²¹³ Там же. С. 192.

²¹⁴ Фуко М. Герменевтика субъекта: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981-1982 учебном году / М. Фуко; Пер. с фр. А. Г. Погоняйло. – СПб.: Наука, 2007. – С. 249.

продуктивное смотрение на себя, выстраивающее топологию мира, в котором производится активность, из той или иной философии. Субъект проявляет себя как субъект рефлексии, делает эту модальность своей нормой, если его активность структурирована таким образом, что объектом его активности становится обращение к себе, смотрение на себя, уточнение и углубление понимания своего места относительно других. Подобно тому, как глазу невозможно смотреть на самого себя, кроме как в рамках интеллектуального эксперимента, эта специфическая активность субъекта трудно артикулируема. Возвращаясь к М. Фуко, мы можем отметить, что, ставя цель «я сам», субъект рефлексии движется не императивом достижения цели, а использует себя для выстраивания соответствующей установкам философии топологии. Если же субъект делает себя своей целью, то такой акт определения направления активности квалифицирует его как субъект познания, осуществляющий операцию познания, а не рефлексии.

В качестве перехода от концепции М. Фуко к воззрениям В. Декомба мы отметим, что оба мыслителя наследуют главному мыслителю Франции Нового времени – Р. Декарту²¹⁵. Как мы отмечали, понимание субъекта у Р. Декарта позволяет «диффузию» познания и действия. Генетически сходной является «диффузия» субъекта и индивида, которая происходит из-за избыточной сложности для корректного воспроизведения субъекта рефлексии в европейской философии. Подобного вида диффузию мы можем наблюдать у мыслителей, представляющих разные кризисные модели субъекта.

В число мыслителей, допускающих «диффузию» субъекта и индивида, входят и М. Фуко с В. Декомбом. Следует отметить, что такой приём был продуктивным упрощением в случае Р. Декарта, и остаётся таковым сейчас. Представители кризисных моделей «диффузией» субъекта и индивида избегают логического тупика с элиминацией субъекта. В философии постструктурализма многие активности стали доступны к объяснению без участия субъекта.

²¹⁵ Фатыхов А. В. Проблематизация классического понятия субъекта у М. Фуко / А. В. Фатыхов // Вестник Бурятского государственного университета. – 2010. - №6. – С. 15-18.

Понимание субъекта ни в каком виде оказалось несущественным для объяснения феномена существования определённой активности. Это стало возможно с помощью «диффузии» субъекта и индивида. Философия постструктурализма откладывает решение проблемы этой «диффузии» на потом и с помощью энергии высвободившегося времени успешно решает сиюминутные задачи. Противоречия в рамках способа философствования, которые накапливаются при этом, снимаются с помощью очередного кризиса в философии и следующего за кризисом изменения ключевой тематики размышления. Можно сказать, что глобальное разрешение проблемы субъекта, случившееся с появлением кризисных моделей, в следующем периоде сменилось новым этапом накопления противоречий.

Перейдем ко второму мыслителю, который интересует нас в контексте субъекта рефлексии. В. Декомб ввел в философский оборот словосочетание «Схватка вокруг понятия субъекта»²¹⁶. В. Декомб квалифицирует итоги этой «Схватки» как неутешительные: сторонники и противники понятия субъекта не пришли к продуктивному разрешению конфликта, и «схватка» не выявила победителей. Ход рассуждений В. Декомба построен «от противного» – он не столько говорит о том, как выглядит ситуация с проблемой субъекта, сколько моделирует ситуацию, если бы субъекта не было. Опорой рассуждений В. Декомба является аналитическая традиция, ввиду чего понимание субъекта у него также рассматривается в грамматическом ключе.

В. Декомб обращает наше внимание на то, что философия субъекта зачастую связывает свойства и качества человека с его бытием как субъекта: «мы можем сказать, что в каком-то смысле любое человеческое существо является субъектом своих собственных мыслей и, в общем виде, – своей жизни, но при этом только современный человек знает, что он может рассматривать себя в качестве субъекта»²¹⁷. Тон французского философа явно скептический –

²¹⁶ Декомб В. Дополнение к субъекту: Исследование феномена действия от собственного лица / Пер. с фр. М. Голованивской. – М., Новое литературное обозрение, 2011. – С. 5.

²¹⁷ Декомб В. Дополнение к субъекту: Исследование феномена действия от собственного лица / Пер. с фр. М. Голованивской. – М., Новое литературное обозрение, 2011. – С. 125.

он сомневается в том, что философия субъекта имеет основания для такого присвоения себе разнообразных вещей внутреннего мира человека. Необходимо отметить, что экстернализация вещей внутреннего мира не является формой активности субъекта рефлексии. Подобный приём, связанный с установлением содержания, характерен для субъекта познания. С.В. Комаров отмечает, что статус субъекта деятельности размывается из-за представления, что его активность по необходимости должна быть зафиксирована третьим лицом: «...констатация субъекта возможна только с внешней позиции наблюдения. ... действительным субъектом является само действие, но 3-е лицо является дополнением (агенсом) к этому действию (глаголу) рассматривается как его субъект»²¹⁸. В то время, как специфическая активность субъекта рефлексии заключается в выстраивании топологии. Иными словами, через субъект рефлексии разница между внутренним и внешним для субъекта становится несущественной – он находит свое органичное место среди других вещей мира. Субъект рефлексии выступает в роли своеобразного координатора активности. Возникает достаточно существенный вопрос: является ли активность субъекта рефлексии служебной, и его задача лишь в обслуживании нужд субъекта действия и субъекта познания? Ответ на этот вопрос не может быть положительным. Следует иметь в виду, что именно философские концепции, в которых доминировала сфера активности субъекта рефлексии, изменяли вектор развития всего философского знания. Это справедливо для философии Р. Декарта, а также для времени становления кризисных моделей субъекта – в первую очередь, для экзистенциализма и постструктурализма.

Следует отметить, что, когда В. Декомб упоминает о мере произвола в творчестве философа в отношении к субъекту, можно увидеть аспект «псевдосвободы»: «План, по которому я двигаюсь в этой книге, вытекает из моего выбора – следовать лингвистическому (грамматическому) течению в философии с целью извлечь из него максимум для понятия субъекта. Это

²¹⁸ Комаров С.В. Вопрос о субъекте: от рефлексивности к сингулярности / С.В. Комаров // Новые идеи в философии. - 2022. - №9 (30). - С. 58-70. – С. 63

прерогатива философа, как я и говорил, самостоятельно ввести концепт субъекта, на котором будет сосредоточена его мысль»²¹⁹. Интеллектуальный ход, использованный В. Декомбом, нами называется в данном случае «псевдосвободой» по причине того, что философ свободен ввести концепт субъекта, несмотря на то, что тематика уже была упорядочена и определена в основных своих характеристиках. Мы предполагаем, что если в объект исследования можно ввести модальности, то данная тематика структурирована и определена, и свобода творчества уже ограничена возможностью занять ту или иную позицию в дискурсе. Самостоятельное введение концептов в таком случае является повторением одного из сделанных ранее ходов. В случае понимания субъекта свобода занятия позиции ограничена тремя сферами активности: действие, познание и рефлексия.

Продолжая интеллектуальный эксперимент, заключающийся в освобождении от субъекта, В. Декомб пишет: «Дело ведь не в том, чтобы заявить, что у нас нет и не будет субъекта, а в том, чтобы показать, что это не приводит к существенным концептуальным потерям, а лишь избавляет от иллюзий и ложной видимости»²²⁰. Сточки зрения В. Декомба, философия без субъекта доступна для нашего представления. Для того, чтобы проанализировать эту позицию французского мыслителя, мы вернёмся к методологическим основаниям работы и обратим внимание на следующее: Д. Б. Зильберман отмечал, что в европейской философии с доминированием экзистенциальной модальности возможность нечто представить отождествляется с существованием этого «нечто». Если обозначить возможность чего-либо как гипотетическую модальность, а фактическое наличие чего-либо как онтологическую модальность, то в европейской философии постановка некоторой вещи в гипотетическую модальность автоматически помещала эту вещь и в онтологическую модальность. Такой автоматический переход мы обозначили как «экзистенциальную модальность».

²¹⁹ Декомб В. Дополнение к субъекту: Исследование феномена действия от собственного лица / Пер. с фр. М. Голованивской. – М., Новое литературное обозрение, 2011. – С. 15.

²²⁰ Там же. С. 29.

Любопытно, что примером такого рода модальности является и «диффузия» Р. Декарта: возможность высказывать любую гипотезу была существенной, что выборка для субъекта познания потом и производилась из всех гипотез.

В рамках трехчастного деления сфер активности субъекта онтология активности контингентна: то, что для одной сферы активности субъекта является элементом бытия, в рамках другой сферы активности будет видимостью. Иными словами, если некая идея может быть высказана, то в рамках одной сферы активности субъекта она будет существовать, в рамках другой будет доступна для представления, а для третьей будет необходимой для исполнения. Ввиду этого, мысль Декомба необходимо переформатировать: если возможна философия без субъекта, а интеллектуальный эксперимент по её воссозданию завершается успешно, то возникает теоретическая задача о том, каким образом полученную концепцию интегрировать в диалог о субъекте.

Ещё одно любопытное замечание В. Декомба касается грамматического позиционирования субъекта: «Язык, лишённый субъектных конструкций, может оказаться языком, в котором все глаголы «безличные» и обозначают чистое действие, событие, безагенсные действия. Но это может быть также язык, в котором невозможно ничего сказать о вещах с различных точек зрения и описать ситуацию или действие с точки зрения чьего-то её понимания или ощущения»²²¹. В. Декомб органично привносит в аналитический дискурс концепт «смерти субъекта». События и действия, в рассмотрении которых можно обойтись без субъектных конструкций, подпадают под ситуацию исчезновения субъекта.

В данном случае мы имеем дело с одним из подтверждений «смерти субъекта». Потенциальное исчезновение субъекта из фокуса философии имеет последствия во всех сферах. Событие и действие, освобождённые от фиксированного субъекта четко обозначают ситуацию кризиса – мир человека, осмысляемый сквозь призму философии, изменяется быстрее, чем доступно

²²¹ Декомб В. Дополнение к субъекту: Исследование феномена действия от собственного лица / Пер. с фр. М. Голованивской. – М., Новое литературное обозрение, 2011. – С. 30.

человеку отрефлексировать и осмыслить. Из этого складывается впечатление об окончании времени субъекта. Отсылая к самому началу работы, мы должны напомнить, что подобная ситуация создаётся тогда, когда субъект потерян в онтологической перспективе. Именно такую перспективу и описывает В. Декомб. Соответственно, исходя из воззрений одних философий, мир без субъекта вполне представим и релевантен. Таковы, к примеру, структурализм, постструктурализм и, частично, неоплатонизм (мог бы быть, если бы субъект был в античности). Для постмарксизма эта ситуация немислима, ведь это философия социального активизма и преобразований.

С другой стороны, мы можем взглянуть на вопрос об активности субъекта с точки зрения трансфера агентности, как предлагает Е. С. Панкова: «Согласно структурно-семантической модели в лингвистике основой пассивных конструкций является тоже действие субъекта, но в отличие от активной формы, вызванное не самим субъектом, его мотивом и целью, а интенциями объекта. Следовательно, именно сам объект, его изменение, активность, может вполне стать причиной действий субъекта»²²². Мы получаем ситуацию, согласно которой активность субъекта не пропадает. С ростом уровня институционализации распределённым становится не субъект, но его природа. Иными словами, субъект-объектная дихотомия, на поддержании которой во многом стоит понимание субъекта, размывается от этой распределённой агентности. То, что в рамках понимания субъекта ранее понималось под противопоставленным субъекту, теперь приобретает черты субъекта.

Когда мы рассматривали структурный психоанализ Ж. Лакана, то отметили: говорящий субъект теряет себя. У В. Декомба язык, в котором используются безличные конструкции, приводит к чистому действию. Эти позиции можно сблизить следующим образом: говорящий о себе субъект становится склонным к последовательному приближению к безличным

²²² Панкова Е. С. Интернализация как постмодерный тип соотношения социальных практик и субъекта: диссертация ... кандидата философских наук: 09.00.01 – Казань, 2017.– С. 19.

языковым конструкциям. Ж. Лакан отмечал, что центр активности субъекта лежит вне самого субъекта, а в силу этого и разговор субъекта о самом себе становится абстрактным, отрешённым от себя.

Следующий шаг мысли В. Декомб делает, когда рассуждает о субъекте и агенсе. Под агенсом французский философ понимает семантическую фиксацию того, кто действует. А субъектом, таким образом, является действующий в мысли. И это возвращает нас к началу фрагмента про субъект рефлексии: расщепление субъекта и индивида, о котором мы говорили, имеет параллель в рассуждениях В. Декомба: «Философ, который различает субъекта и агенса, должен установить связь между мыслью (опытом) первого и действиями второго. Способ установить такую связь – доказать, что действия агенса имели место на самом деле в сознании, а движения тела были лишь следствием действия сознания, его внешним проявлением. Таким образом, из субъекта сознания агенса мы получим мысли, которые в свою очередь будут мотиваторами движения»²²³. По аналогии с рассуждением В. Декомба мы можем отметить, что мысль (опыт) в данном случае принадлежит субъекту рефлексии, а в роли агенса выступает актер, деятель, субъект действия. Относительно этого перехода от мысли к действию возможен общеполитический вывод: в случае, если производится активность субъекта рефлексии, то выстроена навигация субъекта в мире возможного действия. Переход «от теории к практике» тогда налажен и работает. В то время, как в случае забвения субъекта рефлексии переход от теории к практике затруднён.

Ещё одно продуктивное замечание В. Декомб делает, когда рассуждает о мере капсуляции субъекта: «Тот, кто говорит «субъект», имеет в виду «интерсубъективность». На самом деле, под «субъектом» мы понимаем живое существо, которое устанавливает отношения с самим собой: следовательно, отношения с самим собой и являются точным отношением субъекта с субъектом (ведь я сам – тоже субъект), а не с объектом, то есть с какой-то

²²³ Декомб В. Дополнение к субъекту: Исследование феномена действия от собственного лица / Пер. с фр. М. Головановской. – М., Новое литературное обозрение, 2011. – С. 176.

другой вещью или личностью, рассмотренной в качестве объекта. (...) Эмпиристическое сознание не может признать другого сознания, а может лишь порождать гипотезы по его поводу. Напротив, философия субъекта не испытывает здесь никакого затруднения, в особенности потому, что отношения с собой как с субъектом не являются отношениями с некоторым индивидом (моя материализованная личность), но с чистым субъектом автопозиционирования»²²⁴. Итак, здесь мы видим возвратность субъекта по отношению к самому себе. Там, где можно зафиксировать возможность отношения к самому себе, то это знак субъекта рефлексии. В начале высказывания В. Декомба речь идет о том, что легко понять как коммуникацию. В то время, как реальный субъект, на его взгляд – это субъект как раз рефлексии, отражения в себе. В рамках данной мысли открывается возможность размышлять о следующем: продуктивность внутреннего отражения влияет на сложность взаимодействия субъекта, которая потом меняет вектор на трансляцию вовне. Через продуктивную рефлексию субъект переходит в другую модальность.

Подводя итоги нашего обращения к воззрениям на субъект М. Фуко и В. Декомба, мы обращаем особое внимание, что в отношении рефлексии существенны различие субъекта и индивида, а также возвратность, взгляд на себя. Посмотреть на себя и отличить себя от собственной активности возможно через коммуникацию с другими, обладающими той же активностью, но применяющими ее в иной области.

Знание в европейской эпистемологической традиции предполагается перманентно незаконченным, незавершенным – с приоритетом постоянного расширения через усовершенствование воззрений предшественников или их отрицание. Не является исключением европейская философия. При этом нельзя не обратить внимание на то, что временами случающиеся кризисы знания могут быть квалифицированы как исчерпание той или иной проблематики – при котором никогда не происходит переход к существованию сферы знания как

²²⁴ Там же. С. 362.

области внутренних отражений, никогда не случается коллапса знания в само себя. Следует отметить, что ситуация кризиса субъекта предоставляет европейской философии еще одну возможность замкнуть сферу знания по одному из контуров – осуществления преобразовательной, познавательной и рефлексивной активности. Кризис субъекта в таком случае становится шансом европейской философии, а не знаком ее упадка – шансом перейти от созидания себя к созиданию культуры посредством перехода от умножения количества знаков к работе над упрочнением нормирующей силы составляющих культуру значений.

Суммируя размышления о рекомпозиции постмарксизма, мы можем сказать, что увидели на практике, что при обращении к другим концепциям проясняется, какие векторы потенциального развития открываются для постмарксизма.

Благодаря чему мы это видим? Важен выбор. Мы выбираем близкие содержательно постмарксизму (К. Касториadis, Ж. Лакан), на которые ссылались постмарксисты, и убеждались, что даже при этом важные структурные элементы не заимствовались, потому что из своей позиции не может быть видно вообще все. А с другой стороны, мы обращаемся к двум далеко отстоящим от постмарксизма концепциям (М. Фуко, В. Декомб) и также обнаруживаем родственные элементы благодаря тому, что оба мыслителя предметно исследовали проблему субъекта.

Вероятно, что вывод о текущем состоянии кризисных моделей субъекта может быть поливариантным. Преимущество подобных точек бифуркации в том, что до момента выбора устойчивого вектора развития вся проблематика пребывает в состоянии неопределенности – как жизнь во всех её актуальных вариациях. Усиливая эту позицию, мы можем сказать, что в отношении многих вопросов, касающихся философского знания, свобода в них была только в такие кризисные моменты. То же самое с пониманием субъекта: зародившись в начале нового времени и оформившись в виде приоритета субъекта познания,

понимание субъекта вплоть до появления кризисных моделей находилось в стабильном положении.

Момент начала существования кризисных моделей стал началом и точки бифуркации, заключавшейся в споре между разными понимания субъекта, какое из них возобладает и предопределит структуру приоритетной активности в следующий философский эон. Наша точка зрения заключается в том, что будущее – за субъектом рефлексии, в том числе, по причине сложности означивания его, а также ввиду самореферентности, интерактивности. Иными словами, именно вектор к субъекту рефлексии видится нам наиболее сложной задачей для философского мышления – а потому и наиболее продуктивной. Как отмечал Р. Коллинз, сосредоточение на наиболее сложных вопросах является отличительной чертой сильной, независимой философии: «Философская абстракция смещает внимание с первоначальных вопросов и превращает их в иные материи. Более высокая, или «чистая» философия появляется как сосредоточение на самих по себе абстракции и рефлексии. Техники, возникающие как вспомогательные орудия споров, становятся самостоятельными целями и предметами изучения»²²⁵. В отношении субъекта это будет сфера активности субъекта рефлексии.

Возвращаясь к постмарксизму, мы можем отметить в таком случае, что направленность на субъект рефлексии проблематична для этой философии. Лишь умение марксизма адаптироваться к самым разным культурным реалиям и сохранять свое проблематическое ядро может способствовать корректной и продуктивной рецепции субъекта рефлексии в контексте марксистского понимания субъекта. Показанное марксизмом в XX в. умение использовать достижения других философий в свою пользу может быть знаком будущей реактуализации этой философии. Мы акцентируем внимание на том, что именно субъект действия, взятый в контексте субъекта рефлексии – наиболее непредсказуемая и прорывная инвенция в понимании субъекта в целом.

²²⁵ Коллинз Р. Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения. (Пер. с англ. Н. С. Розова и Ю. Б. Вертгейм). – Новосибирск. Сибирский хронограф, 2002. – С. 1023.

Данная возможность открывает новую перспективу для постмарксизма, поскольку эта философия начиналась как итерация учения Маркса в контексте практик, лежащих в области культуры, основном месте проявления активности субъекта рефлексии. Каким может быть постмарксизм в таком развитии? Это – философия, переосмыслившая себя через новации К. Касториадиса, Ж. Лакана, М. Фуко и В. Декомба, ценные для понимания субъекта, которые невозможно интегрировать полностью, но с которыми следует работать совместно для достижения следующего стабильного состояния субъекта.

Помимо этого, мы должны ещё раз вернуться к вопросу о замкнутой сфере знания в отношении понимания субъекта. Если рассматривать кризисные модели субъекта как сдвиг в понимании философии субъекта в целом, то квалифицировать это состояние исследовательской проблематики можно и как исчерпание тематики субъекта в европейской философии. Разрешением этого вопроса может быть, например, рассмотрение концепции активности объекта в рамках отказа от субъект-объектной дихотомии. Учитывая нашу исследовательскую позицию, мы отметим, что разработка проблематики в таком ключе возможна, но не является предметом нашей исследовательской деятельности.

Выводы главы 2

Во второй главе диссертационного исследования мы осуществили экспозицию постмарксизма как модели субъекта с применением инструментария модальной методологии. Впоследствии мы применили к основным положениям касательно постмарксизма процедуру рекомпозиции с привлечением модально близких концепций субъекта ряда современных мыслителей. Отметим несколько ключевых моментов.

1) Возникнув в период энергичного роста кризисных моделей субъекта, совпавшего с кризисом левой идеи, постмарксизм сознательно сосредоточился на политической и культурной сфере проявления активности субъекта. Параллельно с этим были сформулированы принципы сохранения идеологического базиса марксизма при осуществлении подобного перенесения;

2) Отличительной чертой постмарксизма является использование схемы адаптации к своим теоретическим построениям элементов иных философий без подчинения себя этой прививаемой философии;

3) Концепция Э. Лакло и Ш. Муфф базировалась на приоритете политики в радикальном понимании демократии вкупе с концептом антагонизма;

4) С. Жижек в своем толковании субъекта опирался на гипостазирование концепта Реального и сквозную критику культуры.

Во втором параграфе мы исследовали три возможных вектора рекомпозиции постмарксистской философии. Выводы из соответствующих достроек могут быть сделаны следующие.

1. В философии К. Кастириадиса мы увидели возможность рекомпозиции постмарксизма в плоскости понимания философии истории как области новой причинности, которую можно исследовать с позиций субъекта познания и укреплять таким образом марксистское же видение истории.

2. Структурный психоанализ Ж. Лакана позволил расширить спектр возможного понимания субъекта через кризисные модели. Понимание субъекта через призму возможного структурирования бессознательного позволяет потенциально снижать меру неопределенности, характерную для кризисных моделей субъекта. Децентрированность субъекта в структурном психоанализе позволяет рассмотреть субъект в потенциальном состоянии динамического равновесия. Оба аспекта продуктивны для углубления понимания постмарксизмом его связей с иными кризисными моделями субъекта.

3. У М. Фуко мы почерпнули такой акцент видения субъекта, который позволяет взглянуть на рефлексию как саму по себе предысторию субъекта Нового времени, имевшую начало еще в философии античности. Обращение к концепции В. Декомба позволяет высветить структурные, связанные с грамматикой, аспекты явленности субъекта в культуре. Концепции М. Фуко и В. Декомба позволили нам осуществить более полное раскрытие потенциала субъекта рефлексии в постмарксизме.

Подытоживая рассмотренные во второй главе вопросы, отметим, что прагматика модальной методологии, ее использование при рассмотрении понимания субъекта в постмарксизме, привела к нескольким особенностям исследования и формулирования его результатов.

Во-первых, следует отметить, что в рамках определенного направления становится более заметно пересечение разных сфер активности субъекта. Несмотря на то, что в постмарксизме приоритет субъекта действия, как и в любой генерации марксизма, был достаточно очевиден, мы с уверенностью фиксируем значительное присутствие в выкладках Э. Лакло и Ш. Муфф, а также у С. Жижека элементов сферы активности субъекта рефлексии и субъекта познания.

Во-вторых, в воззрениях постмарксистов имеется акцент, который делает особенно приемлемым попятный возврат к предшествующим концепциям – для развития понимания субъекта нужно попятное обращение к К. Кастириадису и Ж. Лакану, мыслителям более раннего периода.

В-третьих, использование новаций в понимании субъекта рефлексии у М. Фуко и В. Декомба позволяет дополнить постмарксистскую концепцию субъекта взглядом через призму структурно значительно отличающихся пониманий субъекта.

В четвертых, мы продемонстрировали использование на практике метода модальной методологии в интересах дополнения воззрения одной философии выкладками других. Существенно и необходимо здесь для отражения, что при этом не осуществлялось модернизации или дополнения какой-то из рассматриваемых философий – скорее, осуществлялось значительное расширение перспективы взгляда на понимание субъекта. Немного «поплыв» относительно связей разных философий, понимание субъекта стало менее отчетливо связано с одной из сфер своей активности или с определенной философией.

Наконец, в рамках рассмотрения такого коллективного взгляда на понимание субъекта мы представили перспективу взаимодействия разных

философий, как оно могло бы осуществиться – в данном случае, речь шла о постмарксизме, структурном психоанализе (Ж. Лакан), философии истории (К. Касториadis), аналитической философии в области грамматики (В. Декомб) и постструктурализме, истории идей (М. Фуко). Мы полагаем, что постановка и экспозиция вопроса о взаимодействии разных философий во всей его наглядности была продуктивнее однозначного ответа на этот вопрос.

Заключение

В работе мы не раз привлекали внимание к вопросу о том, что без разрешения онтологических узлов и гносеологических проблем понимание субъекта распадается на разреженные, слабо связанные между собой, архипелаги мысли об активности и преобразовании человека. В ситуации неопределенности с пониманием субъекта – вся философия оказывается в «подвешенном» состоянии с вопросом об осуществлении его активности.

В рамках данного диссертационного исследования мы предложили базу для работы с пониманием субъекта в условиях, когда неопределенность становится нормой, а кризис институциализирован в субъекте. Мы продемонстрировали функционал модальной методологии и продемонстрировали её приложение к одной из кризисных моделей – к философии постмарксизма.

Для работы с философскими концепциями, а также при сравнительном анализе отдельных элементов разных концепций использование модальной методологии дало возможность рассмотреть проблему в особой перспективе. Нам удалось выявить ключевые особенности кризисных моделей субъекта с позиции их взаимодействия и существования в едином проблемном поле. Это была позиция, опирающаяся на сотрудничество (пусть зачастую и неявное, требующее обоснования) философских концепций.

Наше исследование позволило прийти к следующим выводам, продвигающим проблему понимания субъекта в современной философии в рефлексивном контексте.

1. Мы предложили дефиницию субъекта как философского понятия и феномена реальности человеческой активности, преобразующего противопоставленный ему объект, рассмотренное вместе с разделением сфер его активности (действие, познание и рефлексия). Это позволило осуществить объемное, стереоскопическое рассмотрение проблемы субъекта, а ряд

несообразностей и противоречий, касающихся субъекта, объяснился сточки зрения деления на три сферы активности.

2. Для того, чтобы обозначенные три сферы активности корректно прилагались к реальности философских размышлений, мы ввели модальную методологию как ведущий метод исследования. Это позволило вписать соотношение трех сфер активности в рабочие структуры этой философии субъекта, а также использовать схематизации конкретных проявлений активности субъекта в той или иной философии.

3. Раскрытие содержания термина «кризисная модель субъекта» включило в себя описание существования понимания субъекта в ситуации, когда структура философствования (прежде всего, начиная со 2-й половины XIX века) начала отрицать все способы прежних пониманий субъекта. В первую очередь это коснулось классического понимания субъекта в философии Нового времени. Последующий век развивал интенции этого начала кризиса, а во 2-й половине XX века ситуация кризиса субъекта была отрефлексирана в философии постструктурализма. Под кризисными моделями субъекта, таким образом, мы понимаем новые понимания субъекта, возникающие, начиная со 2-й половины XIX века, для которых стало характерным отрицание возможности существования в рамках классической модели субъекта, а сама работа с феноменом активности в философии исходила теперь из принципиальной необходимости новаций в этой сфере.

4. Попытное («эсхатологическое») рассмотрение моделей субъекта от настоящего положения вещей к прошлым позволило прояснить ряд существенных особенностей кризисных моделей субъекта. Мы использовали классические модели субъекта как определенные «зеркала» и плоскости, отталкиваясь от которых, смогли вернуться все к тому же текущему состоянию субъекта, но с учетом перспективы взгляда и всех размерностей мысли о субъекте, полученных при рассмотрении классических моделей.

5. Особый интерес, который представлял для нас постмарксизм, первоначально заключался в специфическом преобразовательном потенциале

марксистской философии, временами проявлявшейся в разных поколениях этого направления мысли. В постмарксизме проявилась интенция к тому, чтобы активность преобразовательная субъекта осуществлялась, или, хотя бы архивировалась в области культуры и социальной критики.

6. Практическое приложение модальной методологии к исследованию постмарксизма позволило вписать эту философию в контекст кризисных моделей и общее направление развития философии субъекта. Конкретные новации, воспринятые из философских воззрений К. Касториадиса, М. Фуко, В. Декомба и Ж. Лакана, позволили обогатить наше понимание постмарксизма в контексте проблемы субъекта. Поворот в понимании этой концепции заключился в том, что на пересечении сфер активности субъекта возможны любопытные с точки зрения философские эффекты, завихрения смысла, способные переворачивать ситуации в познании, действии, рефлексии. Иными словами, анализируя концепции М. Фуко, К. Касториадиса, В. Декомба и Ж. Лакана, мы в процессе исследования еще более интенсивно возвращались к проблематическому ядру постмарксизма. Эта новация и особенность постмарксизма заключается в том, что потенциал социальных изменений преобразуется в потенциал социальной критики и изменения взгляда на социум, благодаря чему социум способен к обновлению. Постмарксизм не говорит о жесткой необходимости социальных изменений, но изменение восприятия социума, который он предлагает, не предполагает возможности существования этого социума в прежних обстоятельствах. Иными словами, в числе особенностей постмарксизма как кризисной модели мы видим тенденцию к превращению проблемного поля в кризисное поле. Проблемное поле становится кризисным полем, когда интеллектуальные задачи, доступные в динамике для разрешения в текущей конфигурации, меняют состояние на кризисное, в котором разрешение в прежней логике становится невозможным. Именно этот потенциал –превращения «всего» в кризис и его рефлексивное переосмысление – мы видим в постмарксизме и поэтому он был нам так интересен.

Следует отметить, что кризис в понимании субъекта не будет бесконечным, и выходом из этого кризиса станет оформление новой парадигмы активности с возможной перестройкой всех основных позиций. То, что нам кажется несомненным – это то, что будет сохранена и укрепляться модальная структура исследования субъекта, а также несколько (скорее всего, три – а именно, разделение на сферы активности познания, действия и рефлексии) позиций во взгляде на эту активность. Философия субъекта является важным элементом манипулирования значениями в рамках западной культуры. Мы предполагаем, что через сферы активности субъекта философия имеет перспективу стать более влиятельным элементом творческого воздействия на западную культуру. Можно сказать, что в свете рефлексивного подхода развитие философского знания через осуществление всё более сложных и многоаспектных исследований субъекта сможет привести саму западную философию к становлению субъектом культуротворческого процесса.

Список литературы

1. Абдильдин, Ж. М. Диалектика активности субъекта в научном познании / Ж. М. Абдильдин, А. С. Балгимбаев. – Алма-ата, Наука КазССР, 1977. – 303 с.
2. Абрамова, М. О. Трансформация субъекта в концепции прав человека: социально-философские основания : дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Абрамова Мария Олеговна. – Томск, 2019. – 149 с.
3. Агафонова, Е. В. Перспективы субъективности в контексте нарративной проблематики : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.01 / Агафонова Елена Васильевна. – Томск, 2005. – 161 с.
4. Адорно, Т. В. Негативная диалектика / Т. В. Адорно. – М. : Научный мир, 2003. – 374 с.
5. Айснер, Л. Ю., Наумов, О. Д. Сознание в ситуации «Смерти субъекта»: к вопросу о сущности неэгологической модели сознания / Л. Ю. Айснер, О. Д. Наумов // Сознание как феномен бытия человека и общества. Сборник научных трудов VII Всероссийской научно-теоретической конференции с международным участием, посвященной памяти доктора философских наук, профессора Татьяны Николаевны Брысиной, под ред. М. П. Волкова. – 2020. – С. 75-78.
6. Альтюссер, Л. За Маркса / Л. Альтюссер. – М. : Праксис, 2006. – 392 с.
7. Андерсон, П. Размышления о западном марксизме; На путях исторического материализма / П. Андерсон. – М. : Интер-Версо, 1991. – 272 с.
8. Антонова, И. К. Марксизм вне политики. Источники, генезис и структура работ Маркса и Энгельса по естествознанию / И. К. Антонова. – М. : Эдиториал УРСС, 2004. – 192 с.
9. Бадью, А. Манифест философии / А. Бадью. – СПб. : Machina, 2003. – 184 с.

10. Баллаев, А. Б., Козлова, М. С. Предназначение философии. Мысли Маркса / А. Б. Баллаев, М. С. Козлова // Историко-философский ежегодник. – М. : Наука, 1989. – С. 5-25.
11. Барт, Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика / Р. Барт. – М. : Прогресс, 1989. – 616 с.
12. Бенвенуто, С. Мечта Лакана / С. Бенвенуто. – СПб. : Алетейя, 2006. – 172 с.
13. Библер, В. С. Кант – Галилей – Кант. Разум Нового времени в парадоксах самообоснования / В. С. Библер. – М. : Мысль, 1991. – 320 с.
14. Бланшо, М. Мишель Фуко, каким я его себе представляю / М. Бланшо. – СПб. : Machina, 2002. – 96 с.
15. Богданович, Н. В. Субъект как категория отечественной психологии : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.01 / Богданович Наталья Викторовна. – М., 2004. – 170 с.
16. Большунова, Н. Я. Субъектность как социокультурное явление / Н. Я. Большунова. – Новосибирск: Изд. НГПУ, 2005. – 324 с.
17. Борисов, Е. Практический поворот в постметафизической философии. Т.1 / Е. Борисов, И. Инишев, В. Фурс. – Вильнюс : ЕГУ, 2008. – 212 с.
18. Брушлинский, А. В. О некоторых методах моделирования в психологии / А. В. Брушлинский. – М. : Наука, 1969. – 376 с.
19. Бузина, О. К. Проблема субъекта и преодоление классической рациональности в западноевропейской культуре второй половины XIX века / О. К. Бузина // Личность. Культура. Общество. – 2009. – Т. 11, №3 (50). – С. 317-323.
20. Бушмакина, О. Н. Proxima: Славой Жижек. Семинары 2007-2008 / О. Н. Бушмакина. – Ижевск: ERGO, 2010. – 144 с.
21. Бэкон, Ф. Сочинения в двух томах. Т. 1 / Ф. Бэкон. – М. : Мысль, 1971. – 590 с.

22. Бэкон, Ф. Сочинения в двух томах. Т. 2 / Ф. Бэкон. – М. : Мысль, 1972. – 582 с.
23. Вавилов, П. С. Репрезентации субъекта измененного состояния сознания: философско-культурологический анализ : дис. ... канд. филос. наук : 24.00.01 / Вавилов Павел Сергеевич. – Казань, 2019. – 202 с.
24. Вазюлин, В. А. Становление метода научного исследования К. Маркса. Логический аспект / В. А. Вазюлин. – М. : МГУ, 1975. – 222 с.
25. Волченко, В. В. Риски деятельности социального субъекта в условиях современных трансформаций в России и мире : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / Волченко Валерий Вячеславович. – Ставрополь, 2018. – 168 с.
26. Галилей, Г. Избранные произведения в двух томах. Т. 2 / Г. Галилей. – М. : Наука, 1964. – 575 с.
27. Гароди, Р. Марксизм XX века / Р. Гароди. – М.: Прометей, 1994. – 175 с.
28. Гегель, Г. В. Ф. Феноменология духа / Г. В. Ф. Гегель. – М. : Наука, 2000. – 495 с.
29. Гегель, Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук: Т. 1: Наука логики / Г. В. Ф. Гегель. М. : Мысль, 1975. – 452 с.
30. Гололобов, И. В. Теория политического дискурса Эрнесто Лаклау: Введение / И. В. Гололобов // Бюллетень: Антропология, меньшинства, мультикультурализм. – 2003. – № 3. – С. 129-136.
31. Готфрид, П. Странная смерть марксизма / П. Готфрид. – М. : ИРИСЭН, Мысль, 2009. – 249 с.
32. Грозина, Н. А. Генеалогия субъекта в философии Фуко / Н. А. Грозина // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. – 2007. – Т. 5, №1. – С. 130-135.
33. Грызова, У. И. Субъект действия в социально-философском измерении / У. И. Грызова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2012. – №12-1. – С. 76-79.

34. Гурко, Е. Модальная методология Давида Зильбермана / Е. Гурко. – Минск : Экономпресс, 2007. – 456 с.
35. Гурьянова, А. В. История без субъекта? Проект освобождения от «Антропологического сна» в исторической эпистемологии структурализма / А. В. Гурьянова // Философия и методология науки. Сборник научных статей VII Всероссийской научной конференции. – 2017. – С. 53-62.
36. Гуссерль, Э. Избранные работы / Э. Гуссерль. – М. : Издательский дом «Территория будущего», 2005. – 464 с.
37. Гуссерль, Э. Собрание сочинений: В 4 томах. Том 1: Феноменология внутреннего сознания времени / Э. Гуссерль – М. : Издательство «Гнозис», 1994. – 162 с.
38. Данько, С. В. Парадоксальность субъектной парадигмы в теории познания : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.01 / Данько Софья Владимировна. – М., 2003. – 134 с.
39. Декарт, Р. Сочинения в двух томах. Т. 1/ Р. Декарт. –М. : Мысль, 1989. – 654 с.
40. Декомб, В. Дополнение к субъекту: Исследование феномена действия от собственного лица / В. Декомб. – М. : Новое литературное обозрение, 2011. – 576 с.
41. Декомб, В. Современная французская философия / В. Декомб. – М.: Весь мир, 2000. – 344 с.
42. Делёз, Ж. Логика смысла / Ж. Делёз. – М.: Академический проект, 2011. – 472 с.
43. Деррида, Ж. Призраки Маркса. Государство долга, работа скорби и новый интернационал / Ж. Деррида. – М. : Logos-altera, ЕссеНомо, 2006. – 256 с.
44. Деррида, Ж. Диссеминация / Ж. Деррида. – Екатеринбург : У-Фактория, 2007. – 608 с.
45. Деррида, Ж. Позиции / Ж. Деррида. – М.: Академический проект, 2007. – 160 с.

46. Джеймисон, Ф. Марксизм и интерпретация культуры / Ф. Джеймисон. – Москва; Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2014. – 414 с.
47. Дильтей, В. Собрание сочинений: В 6 томах. Т. 3: Построение исторического мира в науках о духе / В. Дильтей. – М. : Три квадрата, 2004. – 418 с.
48. Доманов, О. А. Теория субъекта в классической и современной философии: Учебное пособие / О. А. Доманов. – Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т., 2009. – 148 с.
49. Дьюи, Д. Реконструкция в философии / Д. Дьюи. – М. : Логос, 2001. – 162 с.
50. Дьяков, А. В. Жак Лакан. Фигура философа / А. В. Дьяков. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2010. – 560 с.
51. Дьяков, А. В. Мишель Фуко и его время / А. В. Дьяков. – СПб. : Алетейя, 2010. – 672 с.
52. Дьяков, А. В. Проблема субъекта в постструктурализме: онтологический аспект : дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.03 / Дьяков Александр Владимирович. – СПб., 2006. – 419 с.
53. Есина, О. Ю. Парадоксальная ситуация «смерти субъекта» в современной философии / О. Ю. Есина // Вестник Поволжской академии государственной службы. – 2011. – № 1 (26). – С. 200-205.
54. Жижек, С. Возвышенный объект идеологии / С. Жижек. – М. : Художественный журнал, 1999. – 234 с.
55. Жижек, С. Устройство разрыва. Параллаксное видение / С. Жижек. – М.: Издательство «Европа», 2008. – 516 с.
56. Жижек, С. Щекотливый субъект: отсутствующий центр политической онтологии / С. Жижек. – М.: Издательский дом «Дело», РАНХиГС, 2014. – 528 с.
57. Жижек, С. Интерпассивность. Желание: влечение. Мультикультурализм / С. Жижек. – СПб. : Алетейя, 2005. – 156 с.

58. Жижек, С. Искусство смешного возвышенного. О фильме Дэвида Линча «Шоссе в никуда» / С. Жижек. – М.: Издательство «Европа», 2011. – 168 с.
59. Жижек, С. Как наслаждаться посредством Другого. Культурная логика многонационального капитализма / С. Жижек. – СПб. : Алетейя, 2019. – 104 с.
60. Жижек, С. Киногид извращенца: Кино, философия, идеология: сборник эссе / С. Жижек. – Екатеринбург : Гонзо, 2014. – 472 с.
61. Жижек, С. Кукла и карлик: христианство между ересью и бунтом / С. Жижек. – М.: Издательство «Европа», 2009. – 336 с.
62. Жижек, С. Метастазы удовольствия. Шесть очерков о женщинах и причинности / С. Жижек. – М. : АСТ, 2005. – 170 с.
63. Жижек, С. Событие. Философское путешествие по концепту / С. Жижек. – М.: РИПОЛ классик, 2019. – 240 с.
64. Жижек, С. Чума фантазий / С. Жижек. – Харьков : Изд-во Гуманитарный центр, 2012. – 388 с.
65. Жижек, С. Читать Маркса / С. Жижек, Ф. Руда, А. Хамза; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. – 176 с.
66. Жилина, В. А., Гранин, Д. В. К вопросу о роли материалистического понимания истории в определении социального субъекта / В. А. Жилина, Д. В. Гранин // Мировоззренческие основания культуры современной России. Сборник научных трудов IX международной научно-практической конференции. Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова. – 2018. – С. 55-57.
67. Зильберман, Д. Б. Генезис значения в философии индуизма / Д. Б. Зильберман. – М. : Эдиториал УРСС, 1998. – 448 с.
68. Зильберман, Д. Б. К пониманию культурной традиции / Д. Б. Зильберман. – М. : ННФ Институт развития им. Г. П. Щедровицкого, Политическая энциклопедия, 2015. – 623 с.

69. Зильберман, Д. Б. Православная этика и материя коммунизма / Д. Б. Зильберман. – СПб. : Издательство Ивана Лимбаха, 2014. – 256 с.
70. Зильберман, Р. Б. О возможности любви. Радость и горечь длиною в жизнь: история философа Давида Зильбермана / Р. Б. Зильберман. – СПб. : Алетейя, 2015. – 280 с.
71. Зотов, А. Ф. Структура научного мышления / А. Ф. Зотов. – М. : Политиздат, 1973. – 182 с.
72. Иванов, А. А. Понятие субъекта в классической и постклассической философии / А. А. Иванов // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. – 2014. – Т. 2, №2 (18). – С. 56-63.
73. Ильин, И. П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм / И. П. Ильин. – М. : Intrada, 1996. – 382 с.
74. Ильин, А. Н. Субъект в массовой культуре современного общества потребления (на материале китч-культуры): Монография / А. Н. Ильин. – Омск : Амфора, 2010. – 376 с.
75. Йоргенсен, М. Ф. Дискурс-анализ. Теория и метод / М. Ф. Йоргенсен, Л. Дж. Филлипс. – Харьков : Изд-во «Гуманитарный центр», 2008. – 352 с.
76. Исторический материализм: Дискуссии, размышления, философские проблемы / Пер. и сост. С. Бронштейна (Семковского). – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – 408 с.
77. Кант, И. Сочинения в 6 томах. Т. 2 / И. Кант. – М. : Мысль, 1964. – 511 с.
78. Кант, И. Сочинения в 6 томах. Т. 3 / И. Кант. – М. : Мысль, 1964. – 799 с.
79. Кант, И. Сочинения в 6 томах. Т. 4, Ч. 1 / И. Кант. – М. : Мысль, 1965. – 544 с.

80. Карл Маркс и современная философия. Сборник материалов научной конференции к 180-летию со дня рождения К. Маркса. – М. : РАН, Институт философии, 1999. – 380 с.

81. Кармазина, Е. В. Концептуализация свободы в парадигме субъектности: дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.11 / Кармазина Елена Викторовна. – Новосибирск, 2017. – 389 с.

82. Карнеев, Р. Р. Проект реконцептуализации субъекта: незавершённая сборка / Р. Р. Карнеев // Концепт: философия, религия, культура. – 2022. – Т. 6, № 1 (21). – С. 7-19.

83. Касавин, И. Т. Коллективный субъект как предмет эпистемологического анализа / И. Т. Касавин // Эпистемология и философия науки. – 2015. – Т. 46, № 4. – С. 5-18.

84. Кассирер, Э. Избранное. Опыт о человеке / Э. Кассирер. – М. : Гардарика, 1998. – 784 с.

85. Касториadis, К. Воображаемое установление общества / К. Касториadis. – М. : Издательство «Гнозис», Издательство «Логос», 2003. – 480 с.

86. Кимелев, Ю. А. «Субъект» и «субъективность» в современной западной социальной философии: Научно-аналитический обзор / Ю. А. Кимелев. – М. : РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. Отд. Философии, 2006. – 95 с.

87. Климов, И. А. В поисках субъекта действия / И. А. Климов // Социальная реальность. – 2006. – № 12. – С. 92-97.

88. Кожемякин, Е. А. Интерпретация субъекта дискурсивной практики в неклассической философии / Е. В. Кожемякин // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. – 2008. – №12 (52). – С. 5-10.

89. Козырева, О. А. Модель картезианского знания о себе и её критика в англоязычной аналитической философии XX – XXI века : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.03 / Козырева Ольга Александровна. – Екатеринбург, 2020. – 210 с.

90. Коллинз, Р. Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения / Р. Коллинз. – Новосибирск : Сибирский хронограф, 2002. – 1280 с.

91. Комаров С.В. Вопрос о субъекте: от рефлексивности к сингулярности / С.В. Комаров // Новые идеи в философии. - 2022. - №9 (30). - С. 58-70

92. Комаров С.В. Метафизика и феноменология субъективности. - СПб.: Алетейя, 2007. - 736 с.

93. Комаров С.В., Лумпова М.А. Неклассический субъект видения. Часть I / С.В. Комаров, М.А. Лумпова // Вестник Пермского университета. Философия, психология, социология. - 2021. - №2. - С. 179-190

94. Комаров С.В., Лумпова М.А. Неклассический субъект видения. Часть II / С.В. Комаров, М.А. Лумпова // Вестник Пермского университета. Философия, психология, социология. - 2021. - №3. - С. 423-432

95. Комаров С.В., Поросенков С.В. Проблема формирования субъекта глобальной идентичности / С.В. Комаров, С.В. Поросенков // Вестник Челябинского государственного университета. - 2022. - №10 (468). - С. 13-23

96. Косилова, Е. В. Парадигмы субъектности / Е. В. Косилова. – СПб. : Алетейя, 2021. – 168 с.

97. Кравченко, К. А. Проблема этического субъекта в философии М. Фуко / К. А. Кравченко // Державинский форум. – 2020. – Т. 4, №14. – С. 60-65.

98. Круглова, И. Н. «Внутреннее и внешнее»: игра трансгрессии / И. Н. Круглова // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2008. – № 4. – С. 27-30.

99. Круглова, И. Н. Метафизика судьбы как онтология свободы: Монография / И. Н. Круглова. – Красноярск : СибГТУ, 2007. – 152 с.

100. Круглова, И. Н. Онтологические и культурантропологические основания феномена жертвенности в контексте генезиса символа судьбы : дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.01 / Круглова Инна Николаевна. – Томск, 2010. – 268 с.

101. Кун, Т. Структура научных революций / Т. Кун. – М. : Прогресс, 1977. – 300 с.
102. Кьеркегор, С. Евангелие страданий / С. Кьеркегор. – М.: Свято-Владимирское изд-во, 2011. – 304 с.
103. Кьеркегор, С. Понятие страха / С. Кьеркегор. – М. : Академический проект, 2014. – 224 с.
104. Лакан, Ж. Семинары, Книга 2: «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа / Ж. Лакан. – М. : Гнозис, Логос, 2009. – 520 с.
105. Лакан, Ж. Семинары, Книга 20: Ещё / Ж. Лакан. – М. : Гнозис, Логос, 2011. – 176 с.
106. Лакан, Ж. Инстанция буквы, или судьба разума после Фрейда / Ж. Лакан. – М.: Русское феноменологическое общество, Логос, 1997. – 184 с.
107. Лакан, Ж. Семинары, Книга 1: Работы Фрейда по технике психоанализа / Ж. Лакан. – М.: ИТДГК Гнозис, Логос, 1998. – 432 с.
108. Лакан, Ж. Телевидение / Ж. Лакан. – М.: ИТДК Гнозис, Логос, 2000. – 160 с.
109. Лакан, Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе / Ж. Лакан. – М. : Гнозис, 1995. – 192 с.
110. Лакан, Ж. Семинары, Книга 11: Четыре основные понятия психоанализа / Ж. Лакан. – М. : Гнозис, Логос, 2004. – 304 с.
111. Лапицкий, В. В. Структура и функции субъекта познания / В. В. Лапицкий. – Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1983. – 159 с.
112. Лебедев, С. А. Пересборка эпистемологического / С. А. Лебедев // Вопросы философии. – 2015. – №6. – С. 53-64.
113. Леви-Стросс, К. Печальные тропики / К. Леви-Стросс. – М.: АСТ, 1999. – 576 с.
114. Леви-Стросс, К. Структурная антропология / К. Леви-Стросс. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. – 512 с.

115. Левченко, А. А. Тезис о «смерти субъекта» во французской философии XX века / А. А. Левченко // Форум молодых ученых. – 2018. – № 5-2 (21). – С. 467-472.

116. Лекторский, В. А. Субъект в истории философии: проблемы и достижения / В. А. Лекторский // Методология и история психологии. – 2010. – Т. 5, №1. – С.5-18.

117. Лекторский, В. А. Субъект, объект, познание / В. А. Лекторский. – М.: Наука, 1980. – 358 с.

118. Линьков, Е. С. Диалектика субъекта и объекта в философии Шеллинга / Е. С. Линьков. – Ленинград : ЛГУ, 1973. – 112 с.

119. Ложкина, А. В. Беседа о субъекте-пудгале как религиозно-философский текст в структуре палийского канона: Катхаваттху I.1 : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.03 / Ложкина Анастасия Витальевна. – М., 2019. – 302 с.

120. Лукач, Д. К онтологии общественного бытия. Прологомены / Д. Лукач. – М. : Прогресс, 1991. – 412 с.

121. Любутин, К. Н. Проблема субъекта и объекта в немецкой классической и марксистской философии: Монография / К. Н. Любутин. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2015. – 330 с.

122. Мазин, В. А. Лакан в кино / В. А. Мазин. – СПб. : Сеанс, 2015. – 336 с.

123. Мазин, В. А. Субъект Фрейда и Деррида / В. А. Мазин. – СПб. : Алетейя, 2010. – 256 с.

124. Мальцев, Я. В. Бог как субъект докартезианской эпохи / Я. В. Мальцев // Научный результат. Социальные и гуманитарные науки. – 2021. – Т. 7. – №3. – С. 4-15.

125. Маркс, К. Капитал: Критика политической экономии. Т. 1 / К. Маркс. – М. : Манн, Иванов и Фербер, 2013. – 1200 с.

126. Маркс, К. Экономическо-философские рукописи 1844 года и другие ранние философские работы / К. Маркс. – М. : Академический проект, 2010. – 775 с.

127. Мащитко, С. М. Роль экзистенциализма и диалогизма в деструкции трансцендентального субъекта классической феноменологии / С. М. Мащитко // *Universum: Общественные науки*. – 2015. – № 1-2 (12). – С. 5-12.

128. Межуев, В. М. Маркс против марксизма. Статьи на непопулярную тему / В. М. Межуев. – М.: Культурная революция, 2007. – 176 с.

129. Мочалова, И. Н. Античные штудии Мишеля Фуко: генеалогия субъекта / И. Н. Мочалова // *Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина*. – 2015. – Т. 2, №2. – С. 9-20.

130. Мейясу, К. После конечности. Эссе о необходимости контингентности / К. Мейясу. – Екатеринбург; М. : Кабинетный ученый, 2015. – 196 с.

131. Мёдова, А. А. Онтология модальности : дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.01 / Мёдова Анастасия Анатольевна. – Красноярск, 2016. – 303 с.

132. Муфф, Ш. Политика и политическое / Ш. Муфф // *Политико-философский ежегодник*. – 2008. – М. : ИФ РАН,. – С. 88-102.

133. Никитина, Е. А. Проблема субъекта познания в современной эпистемологии / Е. А. Никитина // *Перспективы науки и образования*. – 2015. – №2 (14) – С. 16-24.

134. Ницше, Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей / Ф. Ницше. – М. : Культурная революция, 2016. – 824 с.

135. Ницше, Ф. Полное собрание сочинений: В 13 томах. Т. 4: Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого / Ф. Ницше – М.: Культурная революция, 2007. – 432 с.

136. Ницше, Ф. Полное собрание сочинений: В 13 томах. Т. 6: Сумерки идолов. Антихрист. Ессе homo. Дионисовы дифирамбы. Ницше contra Вагнер / Ф. Ницше – М. : Культурная революция, 2009. – 408 с.

137. Ойзерман, Т. И. Возникновение марксизма / Т. И. Ойзерман. – М. : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2011. – 599 с.
138. Ойзерман, Т. И. Избранные труды: В 5 томах. Т. 2: Марксизм и утопизм / Т. И. Ойзерман – М. : Наука, 2014. – 467 с.
139. Оришева, О. Ф. «Политическое» и «социальное» в постмарксистской теории гегемонии/ О. Ф. Оришева // Труды БГТУ. История, философия, филология. – 2010. – №5. – С. 136-139.
140. Оришева, О. Ф. Политическое измерение социальной теории в постмарксизме / О. Ф. Оришева. – Минск : РИВШ, 2007. – 132 с.
141. Палама, Г. Сто пятьдесят глав / Г. Палама. – Краснодар : Текст, 2006. – 224 с.
142. Свят. Григорий Богослов. Избранные творения / Свят. Григорий Богослов. – М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2008. – 400 с.
143. Палама, Г. Триады в защиту священо-безмолвствующих / Г. Палама. – М. : Канон, 1995. – 384 с.
144. Панкова, Е. С. Интернализация как постмодерный тип соотношения социальных практик и субъекта : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.01 / Панкова Екатерина Сергеевна. – Казань, 2017. – 152 с.
145. Панкова, Е. С. Кризис картезианской парадигмы субъекта как «эпистемный сдвиг» / Е. С. Панкова // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2016. – № 2 (26). – С. 32-38.
146. Патырбаева, К. В. Субъект исторического процесса в научной философии и проблема субъекта постиндустриального общества / К. В. Патырбаева // Новые идеи в философии. – 2015. – № 2 (23). – С. 37-53.
147. Пашинцев, Е. В. Классический марксизм и современная Россия / Е. В. Пашинцев // Свободная мысль. – 2021. – № 4 (1688). – С. 47-60.
148. Платон. Собрание сочинений в 4 томах. Т. 2 / Платон. – М. : Мысль, 1993. – 528 с.
149. Поляков, Д. Б. Постанархизм. Субъект в пространстве власти: Монография / Д. Б. Поляков. – Чита : ЗаБИЖТ, 2019. – 196 с.

150. Пырина, М. В. Онто-гносеологические основания субъекта права : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.01 / Пырина Мария Владимировна. – Екатеринбург, 2018. – 158 с.
151. Пятигорский, А. М. Буддийская философия мысли / А. М. Пятигорский. – М. : КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2020. – 384 с.
152. Рагозина, Т. Э. Проблема субъекта истории как системообразующий принцип философской рефлексии / Т. Э. Рагозина // Субъективное и объективное в историческом процессе. Материалы международной научной конференции 21 апреля 2017 года. – 2017. – С. 40-56.
153. Райбекас, А. Я. Вещь, свойство, отношение как философские категории / А. Я. Райбекас. – Томск : Издательство ТГУ, 1977. – 244 с.
154. Рикёр, П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / П. Рикёр. – М. : «КАНОН-пресс-Ц»; «Кучково поле», 2002. – 624 с.
155. Розов, Н. С. Преобразовать марксизм, следуя Марксу / Н. С. Розов // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2018. – Т. 21, №5. – С. 24-43.
156. Рокмор, Т. Маркс после марксизма: Философия Карла Маркса / Т. Рокмор. – М. : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2011. – 400 с.
157. Русаков С.С. Влияние аналитической философии на эволюцию концепции субъекта на рубеже XIX-XX веков / С.С. Русаков // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. - 2023. - №2. - С. 192-203
158. Русаков С.С. Концепция собранного субъекта Мераба Мамардашвили / С.С. Русаков // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2022. - Т.23, №2. - С. 108-116
159. Русаков С.С. Соотношение понятий "субъект", "объект" и "дискурс" в анализе власти М. Фуко / С.С. Русаков // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. - 2015. - Т.11., №1. - С. 38-44
160. Русаков С.С. Трансформация концепции субъекта в критической философии Т. Адорно / С.С. Русаков // Вестник гуманитарного университета. - 2022. - №3 (38) . - С. 103-110

161. Русаков С.С. Трансформация концепции субъекта на рубеже XIX-XX веков: континентальная философия / С.С. Русаков // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. - 2022. - №4. - С. 113-126

162. Рэдклифф-Браун, А. Р. Структура и функция в примитивном обществе. Очерки и лекции / А. Р. Рэдклифф-Браун. – М. : Восточная литература РАН, 2001. – 304 с.

163. Рябушкина, Т. М. Познание и рефлексия: научная монография / Т. М. Рябушкина. – М. : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014. – 352 с.

164. Рябушкина, Т. М. Рефлексия как метод самопознания: к вопросу о кризисе оснований картезианской и посткартезианских теорий субъективности / Т. М. Рябушкина // Философские исследования. – 2013. – №1. – С. 1-59.

165. Рябушкина, Т. М. Саморефлексия субъекта познания. / Т. М. Рябушкина // Философия и культура. – 2013. – №7 (67). – С. 985-995.

166. Рябчикова, Е. П. Субъект в системе культурно-образовательных связей : дис. ... канд. филос. наук : 24.00.01 / Рябчикова Елена Павловна. – Нижний Новгород, 2003. – 149 с.

167. Самойлов, И. Д. Понимание феномена воли в философии экзистенциализма XX века / И. Д. Самойлов // Тенденции развития науки и образования. – 2018. – № 37-4. – С. 7-9.

168. Сербул, А. А. «Смерть субъекта»: философско-культурологический анализ проблемы субъекта в постмодернистском дискурсе / А. А. Сербул // Вестник Полесского государственного университета. Серия общественных и гуманитарных наук. – 2011. – №2. – С. 51-56.

169. Сидоренко, И. Н. Диалектика разрыва и проблема системного насилия в постмарксизм. / И. Н. Сидоренко // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. – 2019. – №3. – С. 16-21.

170. Слинин, Я. А. Трансцендентальный субъект: феноменологическое исследование / Я. А. Слинин. – СПб. : Наука, 2001. – 528 с.

171. Смирнова, А. А. Проблема субъекта в контексте постсовременности : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.01 / Смирнова Анастасия Алексеевна. – СПб., 2009. – 169 с.

172. Спектор, Д. М. Время и трансцендентальный субъект. Кант и Гегель / Д. М. Спектор // Философская мысль. – 2017. – № 17. – С. 18-33.

173. Субъект, личность и психология человеческого бытия. – М. : Изд-во «Институт психологии РАН», 2005. – 384 с.

174. Субъект, познание, деятельность. – М. : «Канон+»РООИ «Реабилитация», 2002. – 720 с.

175. Субъектность в современном обществе: социально-философский анализ: монография / Д.В. Аверьянова, В.Д. Береснев, Н.И. Береснева, А.Ю. Внутских, С.Г. Зырянов, С.В. Комаров, Ю.В. Лоскутов, Л.А. Мусаелян, Н.К.Оконская, С.В. Поросёнков, С.В. Рязанова, Р.К. Стерледев, Т.Д. Стерледева; под общей редакцией Ю.В. Лоскутова; Пермский государственный национальный исследовательский университет. - Пермь, 2022. - 128 с.

176. Сыров, В. Н. Состоялась ли «смерть субъекта»? / В. Н. Сыров // Философская и правовая мысль. – 2003. – № 5 – С. 160-179.

177. Талеб, Н. Н. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости / Н. Н. Талеб. – М. : КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2020. – 736 с.

178. Тихонов, А. А. Гносеологическое отношение и проблема становления субъекта познания : дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.01 / Тихонов Александр Александрович. – Ульяновск, 2005. – 382 с.

179. Труфанова, Е. О. О гегемонии, признании различий и социальном конструировании знания / Е. О. Труфанова // Эпистемология и философия науки. – 2018. – Т. 55, №3. – С. 76-90.

180. Туркулец, А. В. Когнитивные действия субъекта / А. В. Туркулец // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. – 2015. – Т. 2, № 2 (22). – С. 64-71.

181. Тюгашев, Е. А. Философия как социокультурный феномен : дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.11 / Тюгашев Евгений Александрович. – Новосибирск, 2018. – 362 с.

182. Фаритов, В. Т. Субъект и сознание в режиме трансгрессии / В. Т. Фаритов // Философия и культура. – 2015. – № 4 (88). – С. 496-504.

183. Фатыхов, А. В. Проблематизация классического понятия субъекта у М. Фуко / А. В. Фатыхов // Вестник Бурятского государственного университета. – 2010. – №6. – С. 15-18.

184. Фейгельман, А. М. Понятие субъекта в неклассической диалектике : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.01 / Фейгельман Артем Маркович. – Нижний Новгород, 2014. – 148 с.

185. Фейерабенд, П. Избранные труды по философии науки / П. Фейерабенд. – М. : Прогресс, 1986. – 542 с.

186. Фейерабенд, П. Против метода. Очерк анархистской теории познания / П. Фейерабенд. – М. : АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. – 413 с.

187. Фильк, Д., Рам, У. Марксизм после постмодернизма: переосмысливая субъект политики освобождения / Д. Фильк, У. Рам // Социологические исследования. – 2015. – №5 (373). – С. 22-32.

188. Фоменко, А. П. Проблема субъекта в философии постмодернизма / А. П. Фоменко // Ценности и смыслы. – 2016. – № 2 (42). – С. 8-18.

189. Фомин, К. В. Поворот к политическому как тенденция современной критической теории: проблема автономии политики. / К. В. Фомин // Философия и общество. – 2020. – №1 (94). – С. 48-66.

190. Фрейд, З. По ту сторону принципа удовольствия / З. Фрейд. – М. : Прогресс, 1992. – 569 с.

191. Фуко, М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / М. Фуко. – М. : Касталь, 1996. – 448 с.

192. Фуко, М. Герменевтика субъекта: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981-1982 учебном году / М. Фуко. – СПб. : Наука, 2007. – 677 с.
193. Фукуяма, Ф. Конец истории и последний человек / Ф. Фукуяма. – М. : АСТ; Полиграфиздат, 2010. – 588 с.
194. Хайдеггер, М. Время и бытие: Статьи и выступления / М. Хайдеггер. – М.: Республика, 1993. – 447 с.
195. Хоркхаймер, М. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты / М. Хоркхаймер, Т. Адорно. – М.: Медиум, Ювента, 1997. – 312 с.
196. Чибисов, В. В. Рефлексия в диалектической методологии психоанализа / В. В. Чибисов // Sciences of Europe. – 2016. – №4-1 (4). – С. 75-78.
197. Швец, И. В. Праксеологические концепции социального субъекта в философии конца XX – начала XXI в.: социально-философский анализ : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / Швец Ирина Владимировна. – Иркутск, 2018. – 137 с.
198. Шеллинг, Ф. В. Й. О Я как принципе философии // Шеллинг Ф. В. Й. Ранние философские сочинения / Ф. В. Й. Шеллинг. – СПб. : Алетейя, Гос. Эрмитаж, 2000. – С. 27 – 104.
199. Шиканова, В. В. Смерть автора в концепции Ролана Барта / В. В. Шиканова // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. – 2014. – №2. – С. 244-249.
200. Шиловская, Н. С. Человек как субъект, бытие и бытие субъекта в истории и современности / Н. С. Шиловская // Философские исследования. – 2012. – № 1. – С. 171-203.
201. Шкарин, Д. Л. Трансформация социального субъекта современности: теоретико-методологический аспект : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / Шкарин Дмитрий Леонидович. – Томск, 2021. – 121 с.
202. Шнырева, О. Е. Проблема субъект-объектных отношений в свете идей неклассической рациональности: на примере развития квантово-

механических представлений : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.01 / Шнырева Ольга Евгеньевна. – Нижний Новгород, 2015. – 162 с.

203. Энгельс, Ф. Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Избр. Соч. Т. 5. – М., 1986. – С. 371 – 628.

204. Юм, Д. Сочинения в двух томах. Т. 1/ Д. Юм. – М. : Мысль, 1996. – 733 с.

205. Яблокова, Н. И. Социальный субъект: Генезис, сущность, факторы становления и развития : дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.11 / Яблокова Наталия Игоревна. – М., 2000. – 349 с.

206. Dickinson, C. Slavoj Žižek on Jacques Derrida, or On Derrida's Search for a Middle Ground between Marx and Benjamin, and His Finding Žižek Instead / C. Dickinson // Philosophy Today. – 2015. Volume 59, issue 2. – P. 291-304.

207. Laclau, E. Hegemony and socialist strategy / E. Laclau, C. Mouffe. – Verso, 2001. – 198 p.

208. Mandel, E. The Place of Marxism in History / E. Mandel. – New York : Humanities Press International Inc., 1994. – 105 p.

209. Rockmore, T. Marx after marxism. The Philosophy of Karl Marx / T. Rockmore. – Blackwell Publishers, 2002. – 224 p.

210. Samuels, R. New Media, Cultural Studies, and Critical Theory after Postmodernism. Automodernity from Zizek to Laclau / R. Samuels. – Palgrave Macmillan, 2009. – 256 p.

211. Sands, D. Thinking through differance: Derrida, Zizek and religious engagement / D. Sands // Textual Practice. – 2008. – Volume 22. – P. 529-546.

212. Sim, S. Post-Marxism: An intellectual history / S. Sim. – Routledge, 2000. – 198 p.

213. Therborn, G. From Marxism to Post-Marxism? / G. Therborn. – New York : Verso, 2008. – 194 p.

214. Tormey, S. Key Thinkers from Critical Theory to Post-Marxism / S. Tormey, J. Townshend. – SAGE Publications, 2006. – 234 p.